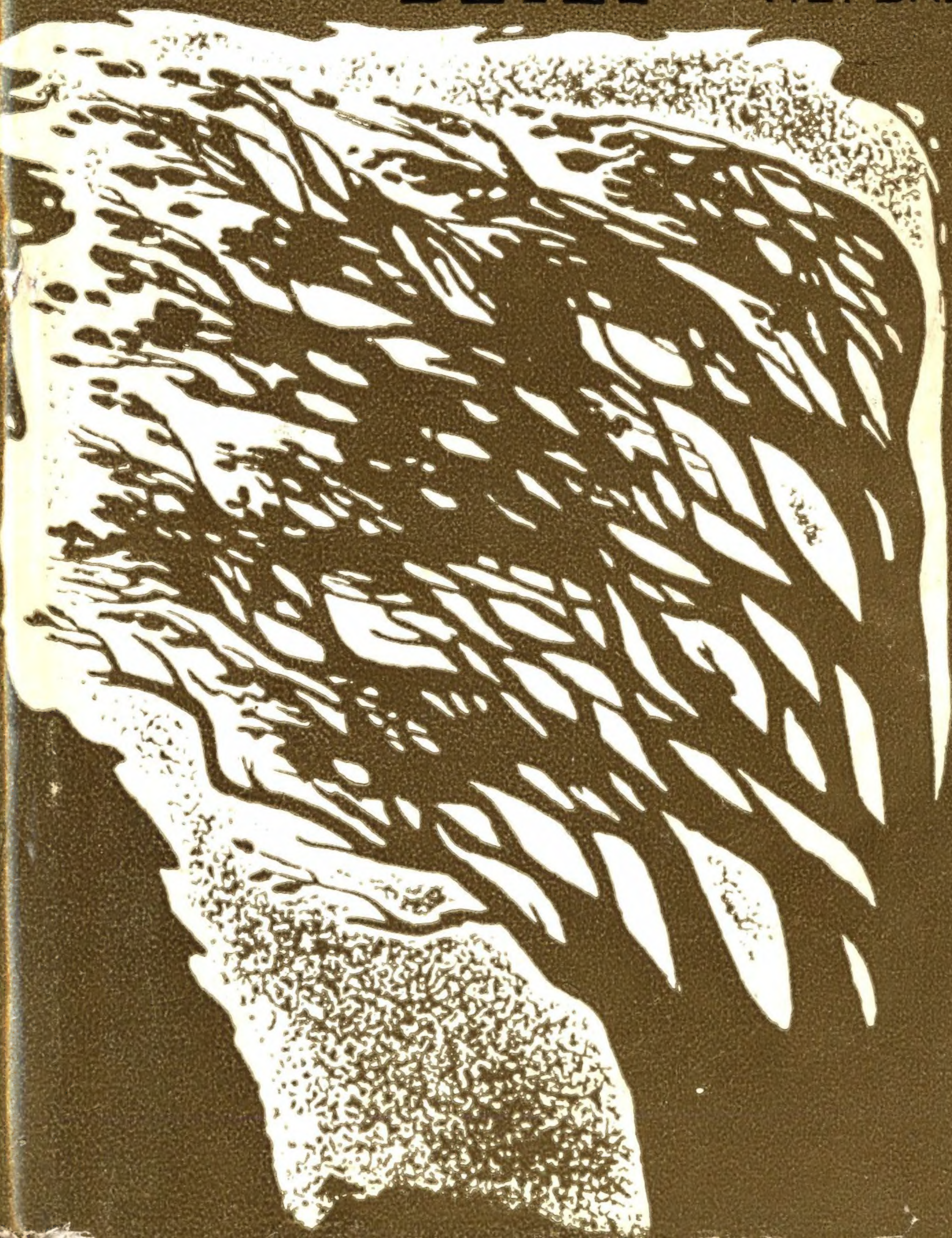

А. ЯКОБСОН

ОКТАБРЬСКИЙ ВЕТЕР

КНИГА
ПЕРВАЯ

Двухтомный роман «Октябрьский ветер» представляет собой центральное звено в цикле романов выдающегося эстонского советского писателя Аугуста Якобсона (1904—1963), объединенных общим названием «Вечные эстонцы». Над этим циклом произведений автор работал в течение многих лет.

Роману «Октябрьский ветер», написанному в 1938 году, предшествовал созданный писателем годом раньше роман «Тихий вечер». Произведение, заключающее названную серию, а именно роман «Снег тает», было издано в 1940 году.

Цикл «Вечные эстонцы» характеризуется в целом последовательным разоблачением социально-исторических основ буржуазного национализма. Читая роман «Октябрьский ветер», мы становимся свидетелями сложного переплетения судеб героев — представителей различных социальных слоев. Ненастье, дожди, туманы, пронизывающий ветер — именно эти приметы осени обильно привлечены автором, чтобы на их сумрачном фоне показать тяжелую обстановку, сложившуюся в октябре 1915 года в Эстонии, убедительно раскрыть характеры людей, населяющих страницы романа. Автор вводит читателя в быт небольшого эстонского города, где

АУГУСТ ЯКОВСОН
ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Книга первая

АУГУСТ ЯКОВСОН

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Роман

Книга первая

Издательство «Ээсти раамат»

Таллин 1973

Э
Я 46

Титул оригинала:
August Jakobson
VALITUD TEOSSED 11
OKTOOBRIUUL I
Romaan
Eesti Riiklik Kirjastus
Tallinn
1959

ПЕРЕВОД С ЭСТОНСКОГО А. СОКОЛОВА
ОФОРМЛЕНИЕ Г. ГОЛУБИЦКОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ДОКТОР КУБЕЛИК УСТАЛ

Доктор Кубелик застегнул шинель и надел перчатки. Он устал до того, что еле стоял на ногах; неудержимая зевота раздирала рот.

Ночью снова прибыл санитарный поезд, привезли много раненых, и доктор работал без передышки более десяти часов кряду, силясь создать в этих трудных условиях хоть какое-то подобие порядка. Он делал перевязки и оперировал, он задавал бессмысленные и ему же самому казавшиеся совершенно лишними вопросы, которые все-таки помогали работать. Он исчерпал весь свой запас анекдотов и шуток, стараясь рассеять внимание страдающих людей и побороть свою все растущую усталость. Теперь напряжение схлынуло, кровь словно застыла в жилах густой холодной ртутью... и опять не было никого, кто попытался бы сейчас облегчить его собственные тяготы, не было во всем мире ни единой души, которая помогла бы рассеяться ему самому!

И, как всегда в такие, подобные наваждению, отчаянные минуты, больше всего преследовала и мучила доктора операционная с ее удручающими атрибутами. И хотя Кубелик ушел оттуда довольно давно, операционная ощущалась во всем, что окружало его. Он поднес пальцы к носу и понюхал: даже обтягивавшие руку сыроватые шерстяные перчатки как будто пропитались запахом гнойной раны или свежей крови из рассеченного тела.

«Дыханье смерти, смрад медленного распада... есть ли еще где-нибудь на свете такое место или местечко, куда бы не проникал этот отвратительный запах, не поганил и не заражал землю?» — спросил доктор себя. И вместо того, чтобы уйти, оперся ладонями о подоконник и поглядел вниз на улицу, ни к

чему особенно не присматриваясь, однако замечая до мелочей все, что происходило за окном в сыром тумане.

Была уже поздняя осень — удивительно, когда же это она наступила? — над домами снова проносился северо-западный ветер, сильный и колкий, и его резкие порывы, казалось, проникали всюду. Словно весь мир зашелся в судорожном плаче, потрясенный безмерным творимым ныне кровопролитием. Из уродливых, рваных облаков моросил частый холодный дождь, точно ржавчиной разъедающий землю, по мостовой, неровной, кое-где изрытой ямами, струились мутные потоки. Одноэтажные домики городского предместья будто съежились, припавши ничком к земле, смутно поблескивали мокрые окна, и вид этих одноэтажных домиков внезапно напомнил доктору матерей, в тоске ждущих, когда вернутся их сыновья. Чащоба линялых крыш, отсвечивая так же тускло, как лужицы между булыжниками мостовой, тянулась к затуманенному горизонту и, наконец, сливалась с ним воедино. К вокзалу шли строем солдаты и пели; утомленный Кубелик очень ясно представил себе, что многие из них вскоре снова вернутся в город через эту же самую станцию. «Но тогда они уже петь не будут, нет, они будут в отчаянии лежать на койках, эти глыбы, закутанные в белое тряпье, эти загнившие тела, с раздробленными костями, искромсанные осколками снарядов... А другие снова пойдут с песнями, и снова со стонами вернутся... И снова песни, и снова стоны. Работает, работает, работает исполинская машина войны, ни секунды простоя, все новые и новые отходы швыряет эта исполинская машина в тыл: принимайте нас, господа хорошие, сшивайте, латайте, штукуйте, постарайтесь сохранить, господа, ту трепетную капельку жизни, что еще осталась в нас!» — размышлял доктор Кубелик. И еще подумалось ему: «Блаженны те, кого смерть настигла внезапно и кто уже истлевает в братской могиле. Им не придется заканчивать свое земное бытие на простынях, пропитанных кровью и потом, в битком набитом госпитале, вроде нашего, где раненых считают обузой, где о них говорят лишь как о докучных цифрах».

При такой несусветной мысли доктор с натугой сжал кулаки, зевнул долго и мучительно, а потом легонько присвистнул сквозь зубы... как он любил это делать еще с детства, придавая себе свистом бодрость духа и уверенность в минуты жизненных затруднений. Внезапно ему почудилось, что он сам не то уже давно умер, не то тихо лежит в крови и поту, вытянувшись на больничной койке.

Доктор закрыл глаза и попробовал немного разобраться в суматошных отрывочных представлениях. Итак, более года продолжается эта катастрофа, которая началась с развевающихся флагов и движения огромных людских масс, марширующих сквозь цветочный ливень... На миг доктор увидел себя как бы со стороны, мысль заработала более четко, и тотчас в памяти всплыла прошлая ночь с ее лихорадочным трудом в операционной.

«Знаменательный год... — мысленно повторял он, беззвучно шевеля губами. — Или еще точнее: почти пятнадцать месяцев убийства и разрушения, почти пятнадцать месяцев бесконечной военной страды, непрестанных похорон и братских могил! Почти пятнадцать месяцев движутся переполненные санитарные поезда по всем дорогам от фронта в тыл. Дети, зачатые перед разлукой от отцов, ныне уже давно истлевших, скоро начнут бегать, держась за материнскую руку, затеют свои ребячьи игры — что же они впервые познают в жизни, как не войну, войну и войну? В годину смятения и горя развивались зародыши этих детей, в годину смятения и горя выносили их матери во чреве, в годину смятения и горя вырвались они, распахнувши ворота, на волю и увидели впервые солнечный свет, в годину смятения и горя вырастут они, но когда же, когда очистится их кровь от губельного яда войны, который сейчас они впитывают в себя с каждым новым вздохом?». И снова, чуть шевеля губами, доктор Кубелик шепотом повторил: «О да, великая, героическая эпоха, о которой когда-нибудь напишут в толстенных книгах — ура, ура и еще раз ура! Ведь мы боремся как-никак за справедливость и человеколюбие — не так ли, дорогие сограждане? — подумал доктор спустя мгновение и криво усмехнулся. — Умрем с миром,

не сетуя на невзгоды, ибо с нами бог... Эй, кто еще борется за справедливость и человеколюбие? Кто еще борется за эти красивые идеи — прошу выступить на три шага вперед! А с кем еще, судари мои, господь бог? С кем еще? Не с теми ли мрачными пруссаками, которых я сегодня оперировал? Не с тем ли австрияком, который так радостно глядел на меня и у которого я вчера откачал из грудной клетки густой гной, вызванный распадом легких? Или с тем, другим, метавшимся в отчаянии австрийцем, который на моем операционном столе потерял обе ноги? Ну разумеется, господь бог с ними тоже, ведь без воли его и воробышек не сорвется с телеграфной проволоки! Ура, вперед — доведем войну до победного конца! И ты, старина, не вешай голову, не лей, жалеючи, жиденские слезки, а тоже выполняй взятые на себя обязанности: приложи все свое умение к тому, чтобы увековечить для грядущих поколений приметы нашего времени — людей, которые, словно полураздавленные кузнечики, прыгают на двух культях, оставшихся от бедер, людей, у которых нет рук, чтобы принять копейку-другую на кусок хлеба! За веру, царя и отечество! Да здравствуют лучшие сыны нашего народа, тысячами гибнущие в эти дни и своими телами удобряющие кормилицу-землю нашей дорогой отчизны! Даже окончив земной век, они хотят с радостью выполнить свой долг перед Белым Царем и достопочтенными соотечественниками!...».

Мысли у доктора Кубелика снова разбежались. Он снова поднес руку ко рту, в рассеянности покачиваясь из стороны в сторону, из стороны в сторону. Он вдруг ощутил потребность громко рассмеяться, что-то выкрикнуть, кого-то громко окликнуть. Это у меня от переутомления, от переутомления, от переутомления... упрямо и как бы в испуге пытался он уверить себя. «Да, надо... надобно уйти», — подумал он, как бы следуя случайной побочной мысли. Солдатская песня все удалялась, и огромный больничный дом, казалось, отдыхал за его спиной, погружаясь в тишину. Кто-то шел по коридору и с ужасным безразличием и бесцеремонностью напевал легкомысленную песенку о гусарской любви, о юной

девушке за шторой, о наступающей ночи и командирах, которые ничего не подозревают. Отворилась дверь: в спину доктора ударил сильный и смрадный сквозняк. Мурлыканье раздалось в комнате, вошел молодой ординатор из венерологического отделения, который сегодня заступал на дежурство. Доктор Кубелик повернулся и сказал:

— Ну, коллега, я ухожу. Не забывайте, что у вас впереди трудная и утомительная ночь. Но постарайтесь справиться... Насколько это в ваших силах, разумеется. Койки, стоящие в ванной и коридоре, вы сможете, наверно, вскоре разместить в палатах.

— В восьмой один уже умер, — ответил доктор Янис Гринбергс, причем в голосе у него все еще звучала неуместная веселость, которая сразу рассердила Кубелика. Грациозно поводя кистью руки, весело настроенный латыш закурил папиросу и, чуть помедлив, добавил: — Да. И, по-видимому, восьмая палата будет не последней. Умрет, наверно, и тот поляк с гангреной бедра... А за ним, видимо, последует мой земляк, у которого дыра в животе.

— Вы хотели сказать — рана в животе? — зло процедил сквозь зубы Кубелик, но тут же взял себя в руки, откозырял и вышел. И сразу перед ним предстал ряд картин, мучительно и как-то стеклянно ясных, которые он видел словно сквозь огромную лупу: две сестры милосердия тихонько перешептывались, прохаживаясь по больничному коридору; вдоль стен и над выложенным квадратами каменным паркетом пола остро несло эфиром, который, казалось, походил на дурманящие болотные испарения и как бы беспрестанно перемещался с места на место, где-то позади, наверно, в десятой палате, раздался стон — там лежали раненные в голову; из комнаты, отведенной для умирающих, санитары вынесли носилки... на которых лежало нечто длинное и угловатое... поверх этого длинного и угловатого была накинута грубая полотняная простыня, и края у простыни колыхались, колыхались... Длинная костлявая рука внезапно соскользнула с края носилок и тихо зашелестела по полу, как бы обметая плиты, и тогда несколько больших мух в испуге взлетело с трупа... Одна из беседовавших сестер фыркнула и

пригнулась от смеха, вызванного, по-видимому, шуткой, которую сказала ей подруга... Кто-то закрыл дверь в десятую палату, и тихий стон, исходивший оттуда, разом смолк.

Доктор Кубелик спустился по широкой лестнице и, приналегши всем телом на тяжелую дверь, еще раз особенно ясно ощутил резкий запах операционной, словно застоялся этот запах где-то в глубине носа и лишь сейчас начал улетучиваться из сознания. На улице, куда он сразу же вышел, было до отвращения холодно и сыро. Но зато все было совсем иным, далеким от того, что окружало его там, откуда он ушел. Доктор как бы пил воздух большими глотками, и даже ледяные капли осеннего дождя, которые ветер швырял в лицо, доставляли удовольствие. Офицерский мундир показался вдруг удивительно неудобным — жал под мышками, жесткий стоячий воротник натирал подбородок и шею, в сапоги словно набился теплый песок, от которого немели и пальцы, и пятки...

Засунув руки поглубже в карманы шинели (все еще будто тоскуя, все еще будто ощущая неловкость!), доктор быстро зашагал вперед, но вскоре резко остановился и потянул носом. «Черт возьми, неужели от меня так и не отстанет этот запах гниющего мяса?» — подумал Кубелик, передернул плечами, словно от нервного тика, и принялся разыскивать по карманам коробку папирос, твердо решив напиться сегодня в дым. Все, что он видел на своем пути, угнетало доктора. Все кругом разбухло от затяжных осенних дождей, лежало тяжело и уныло. Размокшая земля, казалось, страдала исподволь разъедающим ее накожным недугом, а жалкие сараи без окон, покосившиеся высокие заборы, казалось, сбрасывали с себя коросту большими лохмотьями. Между камнями мостовой хлюпала грязь. Женщина, шедшая навстречу, поглядела на доктора сквозь влажные ресницы. На соседней улице грохотали и нагло ревели тяжелые грузовики: ту-ту-ту-ту! — они были отважны и бесстыжи, эти тяжелые грузовые машины, им разрешалось быть такими, они тоже являлись частью войны и таким образом вершили судьбы мира. «Именно так — офицеры и грузовики

ныне правят миром, и те, и другие — элементы войны и... им это дозволено, — размышлял доктор Кубелик. — Все, кроме офицеров и грузовиков, существует лишь для того, чтобы дать войне место, где она могла бы достойно развернуться, чтобы содействовать ей, причем над войной нельзя даже иронизировать: война — это все сущее, война — альфа и омега, война — начало и конец!» — думал доктор. Закрыв глаза, он остановился. Лил сильный дождь. Кубелик напрягался, стараясь во что бы то ни стало совладать с обрывками своевольных и бесцельных мыслей: ему казалось, что если он с этим не справится, все в нем полетит вверх тормашками, разлетится на тысячу осколков, неизбежно погибнет.

Ему вспомнилось, что в течение ближайших трех часов у него нет ни одного сколько-нибудь значительного дела; но, как ни удивительно, сознание этого отнюдь не утешило доктора, а напротив, еще более омрачило его настроение. Вообще-то нужно пойти домой и лечь спать. «Лечь спать, лечь спать!» — повторил он, беззвучно шевеля губами, и пошел дальше. Он ступал прямо по лужам, промочил ноги и, перебирая пальцами, чувствовал, какие они скользкие и противные. «Не хнычь, жалкий старик, в окопах люди сидят неделями, не разуваясь! — подумал он с печальной горечью. — И погибшие ложатся в могилу... тоже не разуваясь... Так оно, пожалуй, самое правильное — немые трупы разлагаются наверняка скорее, чем чистенькие». Еще одна женщина прошла мимо; старая и косая, она глядела на собственный нос, и доктору Кубелику пришла в голову новая, еще более нелепая мысль: «Будь все люди косыми, как бы развивалась жизнь на земле?». Да, что случилось бы, если б были косоглазые солдаты, косоглазые офицеры, косоглазые цари и короли! Если б косоглазыми стали немцы, русские, англичане, итальянцы, французы и австрийцы? Да, судари мои, будьте любезны, скажите, что произошло бы в таком случае с войной? Какими средствами люди смогли бы при таком положении вещей убивать и увечить друг друга? Скажите, скажите, пожалуйста!». Он вслух засмеялся столь

несуразным представлениям, выплюнул потухшую папиросу, которая, описав широкую дугу, упала в лужу, и немедленно закурил новую, продолжая свои раздумья; мысли, то скрученные в узел, то разодранные в лоскутья, словно мотались на холодном ветру, тяжело швырявшем их из стороны в сторону, сталкивались, цеплялись одна за другую и без конца повторялись, угрожая этим назойливым повторением свести с ума.

Дойдя до Рижского шоссе, доктор Кубелик задержался, купил у промокшего до нитки мальчугана газеты и сунул их в нагрудный карман. Силуэт тускло-белого здания больницы едва проступал теперь сквозь завесу дождя над серым скопищем крыш. И наверно, там, в этом линиялом больничном доме, что виднеется над чащобой крыш сквозь струи дождя, и сейчас кто-нибудь находится при последнем издыхании, какой-то безвестный человек, который в этот тяжкий миг страшно одинок в мире, далек от всего, что некогда давало ему радость. И никто из его близких не знает о том, что он умирает, они, может быть, смеются и поют, говорят глупости, хлопчут о пустяках... Да, так оно и есть в нынешнюю злую пору, так оно и идет: человек извивается, как червь, человек кричит от боли, а все, кого он любил, кто когда-то был ему близок, возятся с разной ерундой. «... Эй вы там, слушайте и не хлопчите по пустякам: тот, кого вы любите, тот, кому вы когда-то были близки, сейчас умирает!» — так мог бы сказать господь тем женам и детям, чьи мужья и отцы собирают свою последнюю котомку в Долгий Путь. Но нет, господь бог, конечно, не скажет так, ему до этого нет никакого дела, ему тоже лень прислушаться, он и сам, небось, занят всякой бестолочью... Сыны человеческие умирают в ужасных муках, а боженька знай посиживает где-нибудь в небесном уголке да разной чепухой занимается. «Здравствуй! — только и молвит он. — Покончил ты наконец со своими делами, болван?». Дождь не переставал, форменная офицерская фуражка все тяжелее давила на лысое темя доктора, все сильнее сжимала ему лоб и затылок, словно постепенно суживающийся, тускло поблескивающий стальной обруч.

Возле мрачного коричневого здания аптеки Кубелик свернул в узкую и кривую улочку, которая, таинственно петляя, выводила к центру города. Тупая боль в спине и пояснице, докучавшая доктору ночью во время работы, понемногу отпускала, но руки по-прежнему сильно ныли и казались чужими. «Господи, неужели ты не видишь, как ноют и по самые плечи немеют руки у бедного старого доктора Кубелика? И разве тебе не известно, что все это от работы, от того, что приходится резать, пилить, держать пинцеты, ковыряться в ранах?» — «Нет, я этого не знаю, потому что вообще ничего не знаю и, кроме того, сие меня не касается». — Так, так, так, стало быть, тебя не касается? — вслух пробормотал доктор Кубелик. — А имеешь ли ты вообще какое-либо отношение к тому, что происходит в мире? Чем же ты, почтеннейший, занят, над чем ты там трудишься, уж не мешаю ли я тебе? И если я тебе все-таки мешаю, то, надеюсь, ты извинишь меня? Сегодня, когда я чистил рану на колене у бородача-капрала, бедняга вопил на весь дом. Дошли до твоих ушей, о всеведущий, вопли этого безвинно несущего свой крест страдальца? Он кричал, как животное, которое подвергают жесточайшим мученьям, рот у него был разинут, черная бороденка тряслась, глаза отчаянно молили о пощаде: «Ой, перестаньте, ой, не троньте!». Господи боже, видел ли ты это? Очень ли беспокоило тебя, всемогущего и всеблагого, такое зрелище? Прошу прощения! В следующий раз я скажу своим пациентам, чтобы они вели себя тише: героям полагается умирать, стиснув зубы и улыбаясь, — полистай-ка наши прекрасные иллюстрированные журналы! Герои, самое большее, только стонут, эдак стыдливо, тихонечко, сжав губы. «Эй ты там, заткнись! Чего разорался? Разве не видишь, что господь бог, Иегова Вседержитель устал и хочет спать, у него глаза слипаются... Молчать! Попробуй только потревожить его своим гамом!». Боги тоже, поди, спят, закрыв глаза, и ноги у них наверняка воняют во время войны так же, как и у нас, убогих людишек, топавших по земле...» — думал доктор Кубелик. Он сейчас шел парком, ветер сотрясал старые деревья и обдавал путника крупными холод-

ными каплями; начало сильно клонить ко сну, голова налилась свинцом, в мышцы словно насыпали песка. Аллея между серыми стволами деревьев была топкой и грязной, люди сутулились, бредя сквозь октябрьский туман. Женщины шли под зонтиками, мужчины поднимали воротники, солдаты плотней запахивались в потертые серые шинели. Где-то в переулке, зажато между мокрыми заборами, гудели тяжелые грузовики; над головой скользили низкие, будто закопченные облака, они равнодушно совершали свой путь по небосклону, меняя очертания, меняя место...

Немного погодя доктор Кубелик добрался до Рыцарской улицы, где движение было оживленней, и в голове у него сразу прояснилось. Воинская часть маршировала к станции: топ, топ, топ, топ! Поблескивали винтовки, развевались полы шинелей, грязные сапоги отбивали такт по грязным камням, вверх и вниз колыхались кокарды на шапках, чернели рты, тоже как будто испачканные грязью и разинутые в громком крике боли. Солдаты пели монотонно и тоскливо:

Эх, да щуку на крючок
Я поймал сегодня,
И хорошую уху
Я сварил сегодня...

Доктор Кубелик остановился на краю тротуара и, хотя у него почти смыкались веки, несколько минут смотрел на жестяные котелки, что бренчали, ударяясь о пряжки солдатских ремней. Люди выглядели очень утомленными, шагали они с усилием, их пошатывало, с мокрых ранцев ручейками стекала вода, и казались эти ранцы пудовыми. Не было ни цветов, ни ликующих приветствий, как в первые дни войны, ни барышень с длинными косами, в белых платьях, с лакомствами для солдат, ни дебелых светских дам с букетами и папиросами; ни трепещущих в воздухе платочков, ни сверкающих глаз, ни преданных взглядов и воздушных поцелуев, ни реющих знамен... «Теперь это уже не нужно, теперь помирайте тихо и не тратьте слов попусту, — так говорит господь бог. — Умирайте как герои, стиснув зубы, а не визжите, как поросята!». И еще говорит господь: «Жерт-

вуйте свои ничтожные жизни на алтарь отечества, во славу государя и перестаньте лить слезы о себе и своих пустых горестях!». — Так-так, на алтарь отечества и во славу государя, — насмешливо пробурчал Кубелик, пытаясь сохранить иронический тон. И вместо того, чтобы свернуть на свою улочку, доктор тоже зашагал к вокзалу, как бы превратившись в крошечную частицу металла, которую увлекает за собой крупный магнит.

Благодаря офицерской форме доктор Кубелик беспрепятственно миновал часового, пересек пустое здание старого вокзала и зашагал назад и вперед по перрону. Здесь было еще холоднее, чем на улице. Под длинным навесом дул резкий, пронизывающий до костей ветер, и у доктора возникло ощущение, будто эта сквозная ветряная крутоверть еще больше освежила ему голову; мысли больше не мельтешили как попало, а строились ровными шеренгами. Вокруг Кубелика не смолкая шумели, горланили, перекидывались шутками солдаты, стараясь за этой шумной возней скрыть страх смерти; они знали, куда их ведет нынешний путь. Бесчисленные начальники и командиры отдавали бесчисленные распоряжения; теплушкам с открытыми дверями пришлось бы раздуться вширь и вдоль, чтобы выполнить эти бесчисленные приказы и вместить всех солдат. Знакомый офицер подошел к Кубелику и, щелкнув каблуками, сказал:

— Ну, доктор, желаю здравствовать!

— Вам также, вам также, полковник! — ответил Кубелик, и со стороны этот ответ прозвучал даже бодро. Заметив, что от него ждут еще каких-то слов, он добавил: — Надеюсь, и сами вы, и ваши люди вскоре вернетесь. Я имею в виду — вернетесь благополучно!

— Все в воле божьей! — Офицер пожал плечами и как-то тихо и печально улыбнулся.

— Да, все в воле божьей, — машинально подтвердил Кубелик.

Знакомый полковник вскоре ушел, а доктор продолжал ходить по перрону, ходить беспокойно, неестественно быстрым шагом, хотя спешить было некуда, встречаться здесь было не с кем. Он снова

задумался о минувшем лете, когда войска покидали город совсем по-иному. В ту пору пушечное мясо еще не сбросило напускной удали, еще бравировало своей воинской судьбой, в ту пору люди, остававшиеся еще в тылу, считали своим долгом, провожая солдат, осыпать их цветами, оделять романтических смельчаков, идущих на смерть, всевозможными сувенирами и подарками. Тогда никто не хотел плакать, все стыдились слез, пушечное мясо не плакало, а играло на гармошке, пушечное мясо, вместо того чтобы лить слезы, орало лихие песни, пушечное мясо ликовало и с ревом бросало шапки в воздух. И те, кто стоял за зеленым привокзальным штaketником, тоже удерживались от слез, и там заливалась гармошка, и там ликовали, пели и швыряли вверх шапки... Замызганные вагонные двери разукрасились зеленеющими березками и пестрыми венками, и пушечное мясо под сенью зеленых березок и венков размахивало кулаками и орало: «Отцы родные, матушки родимые, живите хорошо, в добром здравье! Женушки наши и ребятишки, ждите нас — скоро вернемся с победой!». Отцы и матери, жены и дети дружно кричали им в ответ, дружно махали руками, а потом замолкали, расходились по домам и плакали, теперь уже каждый в одиночку. Но люди оказались способны позабыть и тогдашнюю скрытую в душе скорбь, и тогдашнее постыдное ликование, сейчас они смеются и болтают, как и в прошлом году, а их отцы, мужья, сыновья и любимые мрут тем временем по окопам и госпиталям... кто быстро и безболезненно, кто мучаясь и томясь великим страданием...

Доктор Кубелик внезапно вздрогнул, очнувшись от раздумья, ставшего теперь гораздо логичнее, — кто-то фамильярно взял его за локоть и самоуверенным бархатистым баском произнес:

— Прости, дорогой дядюшка... то есть mon colonel¹, хе-хе-хе! Мне хочется *немножко с тобой побеседовать*². Можно?

¹ Мой полковник (франц.)

² Здесь, как и далее в тексте, курсивом выделены слова и фразы, которые автор приводит на русском языке. (Прим. перев.)

— А, ваше благородие, прапорщик Пауль! — бросил в ответ доктор Кубелик.

Он на миг закрыл глаза, чтобы окончательно прийти в себя, а когда спустя мгновение снова взглянул на юношу в офицерской форме, стоящего перед ним в сером свете ненастных сумерек, то смог даже улыбнуться: тщательно выбритый розовый подбородок и новенькие погоны племянника являлись вполне ощутимой реальностью, и у доктора возникло ощущение, будто он может снова на что-то опереться всем своим усталым телом. Сегодня этот щеголь, окопавшийся где-то в тыловой канцелярии, казался менее антипатичным, чем всегда, и Кубелик неожиданно сравнил прапорщика с бородатым фронтовиком, которому только что пожелал счастливого пути. «Кто из них двоих чувствует себя истинным героем, а кто воспринимает нынешнюю обстановку лишь как неизбежность, зависящую только от строгого приказа и безусловного его выполнения?». Солдаты в теплушках отвоевывали друг у друга места получше, на запасном пути гудел паровоз, несколько проституток, с глазами, зачем-то густо подведенными черной краской, стояли, опершись о невысокий штакетник, и в надежде подзаработать, несмотря на дождь, заигрывали с пьяными мужчинами, которых было здесь немало. Очень смуглая молодая женщина, сохраняя грустное выражение лица, беседовала с невероятно веснушчатым офицером, который пожирал ее глазами и, видимо, терзался своей беспомощностью, ставшей ему помехой. Где-то выкрикивали команды, которых никто не слышал. Стройный молодой прапорщик, подхватив сутулого старика-доктора под руку и звякнув шпорами, обнажил в изящной улыбке крупные передние зубы и все тем же бархатным, очень низким голосом сказал:

— Видишь ли, дядя, *mon colonel*, я разыскивал тебя. И, знаешь, чуть не с самого утра. Даже в госпиталь звонил, но там мне сказали, что ты уже ушел. А вчера вечером я, как ни странно, не застал тебя и дома. Прислуга болтала что-то насчет ночного дежурства. Разумеется, наивный и детский разговор — понятно, понятно, хе-хе-хе! Не найдется ли у тебя немного свободного времени, часа этак в четыре?

Найдется, правда? *Как ты думаешь, а?* — закончил он по-русски.

— Часа в четыре? — переспросил Кубелик. — Гм! А зачем?

— Есть, *понимаешь ли*, больной, который нуждается в твоём совете, — продолжал Пауль и почему-то неестественно громко откашлялся, словно сталкивая в горле какие-то резонирующие предметы.

Чуточку помедлив и подумав, доктор спросил:

— Так. Больной, стало быть?

— Да, — подтвердил прапорщик Пауль бархатным баском, прозвучавшим ещё более низко. — Может статься, ты даже его знаешь. Это женщина, она замужем за сыном твоего брата Яака... гм, гм... её зовут Эва... да ты, наверно, слышал... *понимаешь*.

Доктор Кубелик поглядел на бесцельно снующих по перрону солдат и наконец сказал:

— Нет, не знаю я жены сына моего брата Яака, а вот сына самого, конечно, знаю. По-моему, он сейчас где-то на передовых позициях.

— На передовых, думаешь? *Н-да, может быть*, что и там, — пробормотал прапорщик Кубелик.

Доктор снова не торопясь зорко взгляделся в суетню, царившую кругом, и погодя спросил:

— Так что же случилось с женой моего племянника?

— *А черт её знает*, я не разбираюсь, — сказал прапорщик Кубелик. — Она живет на той же улице, где и мы... только в конце, совсем возле фабрики... Я утром заглянул к ней, *случайно, понимаешь*, — нужно было кое-что передать. Тут она и пожаловалась, что-де ужасно болит шея. Горло у неё, *видишь ли*, совсем запухло. Сама сказала, что уже несколько дней хворает. Я пообещал направить врача к четырем часам. А потом совсем *нечаянно увидел*, как ты повернул к вокзалу, и поспешил за тобой. Ну, в общем, сможешь ли посетить её сегодня? *Как ты думаешь?*

Доктор Кубелик вынул из нагрудного кармана записную книжку и на обложке пометил адрес, сообщенный ему молодым героем. Почесывая кончиком карандаша клочковатую бороду, он деловито заключил:

— Болит шея и распухло горло? Вероятно, ангина. На людей, имеющих к ней склонность, нынешняя сырая осень действует весьма неблагоприятно. Ну, я схожу туда, обязательно схожу.

Чувствуя, что он окончательно справился с недавним безволием и вялостью, доктор решил сразу же отправиться домой, чтобы успеть хорошенько отдохнуть перед приемом больных.

Однако энергичному прапорщику не хотелось расставаться с дядюшкой. Они довольно долго шли вместе. Доктор Кубелик молчал и скучал, племянник же говорил без умолку на каком-то своем смешанном эстонско-русском языке, сильно искажая и тот, и другой. Пауль пересказывал последние известия из газет, которые снова сообщали о победах то здесь, то там, причем немцы будто бы понесли потери убитыми и ранеными в несколько тысяч человек, в то время как о наших потерях не стоит и упоминать.

— После ожесточенных боев наши доблестные войска овладели несколькими городами и большим числом деревень... где-то в Австрии, если не ошибаюсь, — сказал племянник. Военский эшелон тронулся, со стороны вокзала, оставшегося далеко позади, донеслось беспорядочное «ура» и постепенно затихло вдалеке. Снова потянулись куда-то тяжелые грузовые машины с бортами, забрызганными грязью. Подойдя к своему дому, доктор утомленно махнул рукой и, обратившись к юному басистому герою, который с азартом выкладывал все новые и новые потрясающие вести с фронтов, сказал:

— Итак, дружище и родственничек, как видишь, я дома, всего хорошего!

— Я зашел бы на минуту, если ты не возражаешь... У меня, знаешь, имеется немного свободного времени, — сказал Пауль и тоже, словно это само собой разумелось, подался к маленькой калитке.

— Нет, не стоит, как-нибудь в другой раз. Сейчас мне хочется отдохнуть.

Устало улыбаясь, доктор вошел в дом. И стоило ему лечь на диван — в мокрых сапогах, не сняв пропахшего эфиром и карболкой мундира, как он сразу же уснул.

Глава вторая

ДОМА В ЧАС ОТДЫХА

Доктор Кубелик проснулся часа в три. После освежающего отдыха, который продолжался несколько часов, он чувствовал себя значительно бодрее: недавнее удручающее смятение в мыслях исчезло без следа, весь мир стал как будто более радостным и более определенным. В дымоходе шумел ветер, поздние мухи кружились под потолком и над письменным столом, телефонная трубка, уютно покоясь на своей высокой вилке, казалось, внимательно прислушивалась к чему-то. Стеклянная дверца шкафика с медицинским инструментарием бросала на пол слабое отражение, в центре которого лежала тень от крестообразной рамы — некий отдаленный и косвенный символ того периода, для которого вот уже второй год характерны смерть и разрушение.

Откуда-то через невидимые щели в закрытых дверях проникал вкусный аромат жарившегося мяса, который пробудил у Кубелика острое чувство голода. Так как доктору нужно было спешить, он быстро сел и тотчас ощутил запах своих немытых ног. Настроение сразу омрачилось — не без легкого отвращения он подумал о необходимости сменить носки. Стаскивая высокий сапог, доктор зацепил его каблуком за перекладину стула и потянул что было силы. Но сапог соскользнул с упора, а сам Кубелик ударился затылком об стену. Затем он некоторое время снова размышлял о своих госпитальных обязанностях, но сейчас они уже не казались столь угнетающими, как несколько часов назад, они отошли куда-то далеко-далеко в пространство, а он был снова обыкновенным частным лицом, врачом, готовящимся к приему больных. Мокрым полотенцем доктор обтер ноги, ему была приятна прохладная влажность. Затем

растер ноющие колени, икры, босиком прошелся два-три раза по полу, и это еще более укрепило в Кубелике ощущение какой-то прочности и уверенности.

Спустя несколько минут доктор перешел в соседнюю комнату, где госпожа Няэлик (женщина высокого роста и средних лет) хлопотала у стола, и, дружески улыбнувшись, сказал:

— Вот я и воротился... как из своей клиники, так и из царства сновидений. Какие же вкуснейшие блюда вы намерены предложить мне сегодня? Ну-ка, докладывайте!

— Все, что только угодно уважаемому господину доктору, — ответила женщина, также улыбаясь, и сделала шутливый легкий книксен: они давно уже были большими друзьями и обычно относились друг к другу со скромной вежливостью, но все же порою, оставаясь вдвоем, допускали известную фамильярность. У них было как бы две различных жизни: одна — в пределах дня, другая — ночью. Однако они спали и ели вместе, как это делают люди, которым нечего стесняться своих отношений. И сейчас, подвигая доктору Кубелику мягкое кресло и обращаясь к нему, как обычно, на «вы», женщина сказала:

— Прошу, садитесь сюда. Я не думаю, чтобы вы могли отдохнуть за такой короткий срок, и, поверьте, мне вас очень, очень жаль. Вам следует устроить так, чтобы не дежурить по ночам. Вы и так чересчур утруждаете себя.

— Ничего! Ваша забота возмещает сторицей самые страшные неудобства, — ответил доктор Кубелик с оттенком старомодной галантности. Тут же его взгляд упал на початую бутылку коньяка, пододвинутую к блюду с жарким. Он хитро подмигнул, невольно усмехнувшись этой случайной близости, и наполнил две хрустальные рюмки на высоких ножках. Госпожа Няэлик протянула ему чашку дымящегося кофе, горьковатый запах которого приятно щекотал ноздри. Отвесив снова легкий поклон, доктор с той же учтивостью конца прошлого века, какую он обычно проявлял к этой заботливой, но немного грешной женщине, произнес:

— Ну-с, мой прелестный домовой, за ваше здоровье!

— Как, и мне тоже выпить? Правда? — радостно воскликнула Няэлик и, слегка кокетничая, по-девичьи озорно заглянула доктору прямо в глаза.

— Само собой разумеется, как же иначе? — подтвердил Кубелик.

Крепкий, отливающий золотом напиток согрел и взбодрил его. Словно пляшущие искры пронеслись по жилам, словно жаркое пламя пробежало под кожей по тканям тела, обострив чувства и придав новую силу восприятию. Ему казалось, что он способен слышать все, что происходит вокруг, ясно различать все детали и контуры, которые до сих пор лишь смутно проступали в сером свете дождливого дня. Ветер посвистывал за оконными стеклами, как будто пытаясь подать какие-то сигналы, ноги, обутые в толстые войлочные туфли, ощущали приятное тепло и чуточку зудели, падающие листья опускались на тротуар. Госпожа Няэлик, глядя на розовеющие щеки доктора, снова тихонько улыбнулась, как будто нежно приласкав его этой улыбкой... Потом стало слышно лишь негромкое позвякивание посуды... Отбивные с квашеной капустой были отменно вкусны. Сидевшие за столом ели с откровенным аппетитом, словно по целым дням скитались голодными и теперь наконец вернулись домой, к обильному столу... «Человек быстро забывает, о, да, да, очень быстро!» — подумал доктор Кубелик. Наконец-то исчез приторно-сладкий душок операционной — не пахнут теперь ни руки, ни одежда. Слава богу, пропал этот запах, выветрился, не будет больше мучить! С веселой, торжествующей улыбкой он снова поднял рюмку, отпил, вопреки обыкновению, большой глоток и снова обратился к своей даме, которая наблюдала за ним взглядом, смягченным дружеской иронией, продолжая слегка улыбаться.

— Я чрезвычайно, чрезвычайно благодарен вам, госпожа Няэлик, поверьте, просто не знаю, как бы я сейчас мог обходиться без вашей помощи! Если действительно существует то, что попы и пасторы называют раем, я ни за что не отправлюсь туда один, вам необходимо будет сопровождать меня... Разумеется,

захватив с собою рецепты ваших превосходных блюд!

— Да ну, что вы, доктор! Как вы все преувеличиваете! — воскликнула госпожа Няэлик. — Лучше пожмите лишний раз руку своему доброму братцу, который оделяет нас кое-чем из своих запасов. Такая помощь в наши дни... прямо манна небесная. Случалось ли вам, господин доктор, когда-нибудь пить кофе или чай, который подслащен сахарином или скверным сиропом?

Доктор весело помотал головой и снова налил рюмки.

— Никак нет, не случилось. А вам?

— Да, я пила, но только из любопытства. Сейчас большинство людей может позволить себе лишь такие суррогаты, а мы здесь... с помощью вашего любезного брата просто пируем! — с наивным пафосом произнесла госпожа Няэлик.

— Ну, это еще не бог весть какой великий грех, — сказал доктор Кубелик, приканчивая вторую отбивную. Несмотря на свои пятьдесят лет, он обладал отличными зубами и еще лучшим аппетитом. Спустя минуту-другую, скрипнув лезвием ножа о тарелку, он снова заговорил.

— Если это безумие вовремя не прекратится, дело будет совсем дрянь, и тогда лакомиться даже плохим сиропом смогут лишь избранные, вроде нас с вами. Еще рюмочку — не угодно ли, госпожа Няэлик?

— Нет, спасибо, — покачала головой собеседница, чуточку задумалась и, кивнув, добавила: — Конечно, вы правы — война пожирает все, людям остается лишь терпеть нужду и голодать. Устраиваются, правда, всякие благотворительные базары, лотереи-аллегри в пользу бедняков, но больше для развлечения самих устроителей, чем для помощи нуждающимся. Молодая супруга городского советника Мартинсона, наша местная красавица, на одном из таких вечеров, говорят, продавала свои поцелуи с публичного торгового... на каком-то американском аукционе... Возьмите огурчика, будьте любезны, они нынче удались мне и еще не очень соленые. Дай боже, чтобы скорей заключили мир. Я сегодня выходила и слышала, что наша армия будто бы опять продвинулась.

— Да, в отношении всяких лотерей-аллегри вы правы, — кивнул доктор Кубелик. — Кстати, о модном коммерческом предприятии госпожи Мартинсон мне сообщили уже в госпитале. — По лицу доктора пробежала болезненная усмешка. — Что же касается наших войск, то, по всем признакам, они и дальше будут продвигаться. Ибо в наше время — обратите на это внимание и запомните, так как в этом одна из основных особенностей нынешней войны — вообще нет ничего, кроме продвижения вперед. Продвигаются русские, то есть мы, продвигаются французы — наши союзники, продвигаются англичане — тоже наши союзники, продвигаются, наконец, немцы и австрийцы — наши кровожадные и безбожные враги. Можно опасаться, что на земле вообще не хватит места для такого непрерывного продвижения победоносных армий всех воюющих государств или же что сражающиеся и взаимопобеждающие стороны, продвигаясь, невзначай проскочат друг мимо друга. А вероятнее всего вот что: если наши доблестные войска все так же будут устремляться вперед, то можно вскоре ожидать, что фронт передвинется с линии Юкскюла—Двинск на линию Тарту—Таллин. Ваше здоровье, госпожа Няэлик! Хотя вы и не поддерживаете меня в моем легкомыслии, все же пропущу еще рюмочку.

— Пожалуйста, пожалуйста! — В глазах госпожи Няэлик снова мелькнули озорные искорки, и она прощепетала с шаловливым смешком: — Вы по-прежнему верны своему язвительному остроумию. Сами в высоком чине, шикарный офицерский мундир носите — а все не помогает. Милый господин доктор, не стоит зря подвергать себя опасности: и в нашем городе найдется немало людей, которые от чистого сердца верят победным сообщениям и всякую шутку насчет них считают величайшим грехом. Ах да, супруга вашего брата, мадам Эмилия, говорила уже с вами?

— В последние дни я, слава богу, не видел эту самодовольную гусыню. А в чем дело?

— Приходила, спрашивала вас. Они думают на днях нагреть в госпиталь со своими подарками в корзиночках.

Услышав это, доктор Кубелик сразу перестал жевать, его продолговатое, слегка порозовевшее от коньяка лицо досадливо сморщилось и помрачнело. Гораздо басовитей, чем обычно, он проворчал с досадой:

— Ах так? Надеюсь, этого они сделать не смогут. Однажды, прошлым летом, такой фокус им удался. А теперь — будь у них в кармане пропуск хоть от самого генерала — выгоню без всяких церемоний! — Доктор снова принялся за еду, но лицо его по-прежнему хранило напряженное выражение. — Юстусу надо бы побольше загружать свою супругу домашними делами, горничную отпустить, и пусть почтенная Эмилия сама возится. Пусть чистит свою виллу... внутри и снаружи... И оставит в покое тех, кто и без того обременен непосильной ношей. За дверьми в госпитале не фарс разыгрывают, там люди страдают, а страдания человеческие никому не дозволено превращать в цирковой номер, на который ходят глядеть из идиотского любопытства или чтоб пощекотать свои вялые нервы. — Кубелик вдруг заговорил громче, словно его слышала сама госпожа Эмилия. — Да, они могут быть уверены, что я спущу их с лестницы, вышвырну на улицу! Если не сам я лично, то санитары вышвырнут с огромным удовольствием. Виноват, это уже третья рюмка, если не ошибаюсь!

— Скоро четыре часа, — заметила госпожа Няэлик.

— Да, я знаю, — откликнулся доктор Кубелик, — но я надеюсь, что те там, в приемной, могут посидеть минутой дольше. Ведь людям вроде меня и поспать-то удастся теперь только стоя. Будьте так добры и дайте мне еще что-нибудь из ваших кулинарных шедевров. Например, кусочек ветчины и ломтик огурца.

— Пожалуйста. Я рада, что могу хотя бы куском ветчины и огурцом быть вам полезной среди ваших житейских забот, — сказала госпожа Няэлик, проворно и ловко переставляя блюда на столе.

Доктор Кубелик немного поблаженствовал за столом, покурив, затем поднялся и подошел к окну. С улицы доносился негромкий и смутно растекаю-

щийся шум. Доктор рассеянно вслушивался, пока не почувствовал, что его снова клонит ко сну. Женщина подошла сзади, взяла его под руку своей теплой рукой, так они и стояли рядом, бок о бок. Мостовая и тротуар, тянувшийся между толстыми стволами каштанов, все сильнее завлакивались плотным, идущим с моря туманом.

В приемной снова хлопнули дверью, кто-то поздоровался, пришедшие раньше буркнули в ответ, пробили часы, висящие рядом с буфетом. И госпожа Няэлик обратилась к доктору очень тихо, словно боясь помешать этим случайным обыденным звукам.

— Погода сегодня такая скверная, вряд ли будет много пациентов. Посидим еще чуточку, а вы лучше расскажите мне что-нибудь о своей работе в клинике.

— В клинике? Нет уж, увольте! — Кубелик поморщился, но сразу же заговорил энергично, не скупясь на слова, будто пытаюсь утаить что-то за этим обилием слов: — По правде говоря, о чем мне вам рассказывать? Раны так же однообразны, как и все прочее в мире. Один ранен в руку, другой в ногу, третий в голову, четвертый в грудь или в живот, пятый опять в руку, шестой опять в ногу, седьмой опять в голову... и так далее. Одни раны полегче и доброкачественные, другие — тяжелые и очень плохие. Кое-кто поправляется, кое-кто умирает, а очень многие остаются на всю жизнь калеками. Вот и все. Мы, врачи и сестры, делаем что можем. А когда помочь уже нельзя, только вздыхаем и в своей беспомощности прячемся за спину неизбежности. Предназначенные для этого люди выносят мертвеца в предназначенное для него помещение, в соответствующей книге делаются соответствующие записи. Последними приступают к делу могильщики и выполняют предназначенные для них обязанности. Все! Да, больше ничего!

— Боже мой, как подумаю иной раз об этих ужасных вещах, просто слезы душат, — вздохнула госпожа Няэлик и, сев рядом с доктором, откинулась на диванную спинку. Она, по-видимому, чего-то ждала. Кубелик курил и размышлял. За окном небо свет-

лело, все больше светлело, становилось все светлей и светлей. И с деревьев падали крупные капли... и ветер пробился сквозь серый туманный воздух, и опавшие листья зашелестели... а теперь с деревьев прямо полило частым дождиком... И госпожа Няэлик смущенно поглядела в окно, слушая шорох водяных брызг, срывающихся с деревьев, и наконец сказала как-то боязливо:

— Я так надеялась, что вы к ночи вернетесь домой. И ждала вас до двенадцати. Неужели вы не можете устроить так, чтобы не дежурить по ночам? Ведь найдутся же, наверное, люди помоложе вас, которые не будут так утомляться.

— Если бы мы справлялись хотя бы с половиной того, что должны сделать, — вздохнул доктор Кубелик, испытующе поглядел на женщину и, сунув папиросу в пепельницу, взял руку госпожи Няэлик, погладил длинные пальцы, немного покрасневшие от каждодневных трудов по дому, и спросил, нежно улыбаясь:

— Так вы ждали меня! Правда... ждали?

— Конечно, конечно же, ждала... — Госпожа Няэлик густо покраснела и от этого еще больше смутилась. Она отколола закрученные на затылке тяжелые русые косы, и они скользнули вдоль спины до самой талии. И она повторила еще тише, едва выдохнула: — Да, я ждала вас! Ждала и все прислушивалась — не идете ли?

— Благодарю... благодарю, — прошептал Кубелик и обнял ее, позабыв обо всем вокруг.

Доктор Кубелик вошел к себе в кабинет около пяти часов. Его помощи ожидали трое больных: юная девушка с увеличенной щитовидной железой, рыночная торговка, страдающая хроническим поносом, и старый крестьянин, у которого был рак на губе. Всех их доктор давно уже знал и обычно, утешая пациентов, обращался к ним с напускной веселостью, хотя ему самому порой хотелось бы заплакать. Сегодня, выписывая рецепты, Кубелик с неутихающей нежностью думал о женщине, которая хлопо-

тала по хозяйству в соседней комнате, о женщине, которую он только что ласкал.

Частный врачебный прием занял чуть меньше часа. Когда доктор освободился и остался один, его охватило чувство глубокого удовлетворения. Стоя посреди небольшой уютной комнаты, он скрестил руки на затылке и, приятно потягиваясь, привстал на цыпочки. Весь мир как бы раскололся надвое — та половина, где была больница с ее горестями и вопиющим убожеством, отодвинулась куда-то за тысячи верст. О ней напоминал, может быть, только офицерский мундир Кубелика с серебряными погонами, а здесь, в этих привычных комнатах, была его действительная жизнь с ее укоренившимся укладом, привычками, заботами. Но эти заботы были совсем иными, несравненно более близкими, чем все то, чем он занимался еще сегодняя утром: стоит только уйти из кабинета и закрыть за собой дверь, чтобы почувствовать себя независимым и совершенно свободным человеком!

При этой неожиданной мысли доктор Кубелик ухмыльнулся и даже начал что-то напевать. Тщательно вымыв руки мылом и щеткой, он снова прошел в столовую, чтобы собраться и уйти из дому. Однако размывчивое ощущение уюта, овладевшее не только телом, но и душой, не отпускало доктора, оно росло и росло, оно заставило Кубелика еще немного понежиться на диване. Сначала он сидел, опершись на мягкие подушки, потом лег. Для развлечения он из-под полуопущенных век следил за госпожой Няэлик, проворно сновавшей из комнаты в комнату, курил, пуская к потолку большие клубы дыма, или, закрыв глаза, представлял себе, как они скользят в воздухе, колеблемом хлопотливыми движениями женщины. И было очень тихо. И ветер дул в окна, шуршали по тротуару мокрые пожелтевшие листья, и падали с деревьев частые тяжелые капли... И часы мелкими шажками отмеривали время, оставшееся до вечера: тик-так, тик-так, тик-так. И доктор Кубелик, призвавши всю силу воли, разжал веки, встал, зашаркал мягкими подошвами комнатных туфель по полу и только теперь, шагая из угла в угол, сказал:

— Вот видите, мой добрейший домовой, сделано еще одно дело. Мне повезло — случай и тот может иной раз быть благосклонным к человеку. Между прочим, ваш замечательный коньяк и крепкий кофе освежают лучше многочасового сна. К сожалению, мне предстоит еще несколько визитов к больным, а не то я непременно пригласил бы вас совершить небольшую прогулку или посмотреть в кинематографе таинственную и захватывающую картину «Фантом».

— Неужели вам опять нужно куда-то идти? — разочарованно протянула женщина.

— Да. Но, надеюсь, это не отнимет много времени и я вернусь, самое позднее, через час-полтора, — ответил доктор Кубелик и как бы виновато улыбнулся.

— Вы только и знаете — обещать! — с легким упреком произнесла госпожа Няэлик и, насупившись, продолжала заниматься своим делом.

Когда она вышла с блюдами и тарелками в кухню, доктор, взяв со стула пачку свежих газет и журналов, принялся перелистывать их. Писали о том же: о потрясающих зверствах немцев на захваченных территориях, о страданиях узников прусских лагерей для военнопленных, о страшном голоде, который-де в самом ближайшем будущем сокрушит проклятых гуннов, о восстаниях славянских народностей против престарелого Франца Иосифа. Да, не следует сомневаться, что зло вскоре получит по заслугам. Мельницы господни мелют медленно, но зато тщательно. Сам Иегова вынес справедливый приговор наглым центральным державам. На картинках, которым журнал «Нива» отводил целые страницы, изображались донские казаки, которые мчались неистовым галопом, а их кривые, сплошь залитые кровью шашки обрушивались на скорчившихся в страхе неприятельских солдат в касках, напоминающих шишаки. Павшие герои, одетые в новехонькую защитную форму, покоились в поэтических позах среди цветов и кустиков, а раненые поднимались из лужиц крови, не выпуская из рук оружия, чтобы и сейчас обороняться от наступающих громил. Сербские крестьяне, бесстрашно выпя-

тив грудь, стояли в ряд у стены, большие глаза горели огнем отваги: «Убейте нас, расстреляйте, изрубите на куски — мы вечно будем верны своему королю, его дражайшей супруге и любимому наследнику престола!». И снова атака донцов, и снова немцы, бегущие в панике, и снова убитые и раненые в живописных позах! И снова красивый, как куколка, офицер размахивает саблей, и юноша с лицом девически свежим поднимает знамя на вершине холма, обрамленный разрывами снарядов, точно гигантским батровым венком. «Ура, вперед! Всыпьте этим псам!» — проговорил доктор Кубелик, едва шевеля губами. Внимательно разглядывая эти героические картинки, он ощутил какую-то вялость, забросил газеты и журналы под стул, снова лег на диван и попытался задремать, вытянув одну ногу и свесив к полу другую.

Но уснуть на этот раз не удалось — стоило ему отложить патриотические картинки, как сон совсем прошел. Госпожа Няэлик, кончив уборку, вернулась в комнату, села у окна. Они поговорили о разных пустяках, посмеялись над светскими дамами, которые всюду суют свой нос, снова перекинулись шутками насчет прелестной супруги городского советника Мартинсона, торгующей поцелуями. Потом они несколько минут посидели рядом, плечом к плечу, а когда часы, висевшие около буфета, пробили наконец семь, Кубелик встал и с пленительной старомодной галантностью, которая неизменно отличала доктора даже в самых обыденных делах, сказал:

— Вот так! Я удаляюсь. Может быть, вы будете так любезны, доставите мои сапоги. Вероятно, они остались в кабинете.

Когда сапоги были не без труда надеты, госпожа Няэлик спросила:

— Вы действительно скоро вернетесь домой? Или же и сегодня обманете меня и заставите .. понапрасну ждать?

— Никак нет. В этот раз, поверьте, я не обману вас. На все мои походы мне понадобится немного более часа, самое большое — часа два.

Госпожа Няэлик ласково погладила Кубелика по руке и сказала, улыбаясь, совсем девичьим голоском:

— Не забудьте ключ. Если вы задержитесь, я уже, наверное, буду в постели. Ах, вы... такой... нисколечко обо мне не заботитесь.

— Клянусь моими седыми усами, я не забуду вас даже на смертном одре, — сказал доктор Кубелик и шутливо поцеловал женщину в мягкие светлые пряди.

Захватив кожаный чемоданчик, он быстро удалился.

Глава третья

МЫ, ОФИЦЕРЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ!

Спустя мгновение Кубелик вышел на улицу, поднял воротник шинели и направился к центру города. Туман густел, казалось, сильно похолодало. Сейчас, когда доктор отдохнул после неимоверно тягостной минувшей ночи, ему был по душе этот холодный туманный день, ему хотелось бы шагать и шагать все дальше, без всякой цели, для того лишь, чтобы вбирать в себя как можно больше сурового освежающего воздуха, который накатывался на город большими спокойными волнами. Дождь перестал, блестящие мокрые тротуары, пожелтевшие верхушки деревьев колыхались, колеблемые порывами затихавшей бури. Кое-где у дверей лавок стояли длинные очереди. Люди, из-за войны оставшиеся без работы, до смерти утомленные многодневными дождями, выбрались из своих тесных каморок, чтобы прислушаться к ползущим по городу противоречивым вестям, занесенным сюда солдатами, приехавшими с фронта на побывку. Городовой задержал мужика с бутылкой самодельной сивухи и вел его в участок, властно держа руку на грядке телеги. Старухи с голодными лицами ругая ругали сгорбившегося винокура: «Свинья! Кровосос! Тебе бы только грабить! Мертвецов и тех оберет в могилах!». Высокого роста, худой и беспрерывно кашлявший рабочий сказал доктору Кубелику: «Глядите-ка, он, сволочь, на этакое пойло изводит зерно, а мы, чтобы пудик муки добыть, хоть пополам разорвись!». Как бы в подкрепление этих сердитых слов, уличный мальчишка запустил в лошадь камнем величиною с кулак, камень ударился о мокрую дугу и, отскочив, попал прямо меж ушей сытому, равнодушно шагавшему мерину.

Доктор Кубелик свернул в боковую улицу, тянувшуюся к морю. Из-за угла показался какой-то обоз. Он медленно приближался, словно вырастая из тумана, наплывавшего со стороны залива. Вереница тяжело нагруженных подвод тянулась мимо, колеса на железном ходу громыхали по булыжникам, лошади казались такими же усталыми, как и бородачи в грязных шинелях, которые их вяло потоняли. В низком, длинном доме, где раньше собирались конфирманты, а теперь были устроены казармы, орали и пели. Пьяный офицер бил кожаными перчатками по лицу солдата-кавалериста в длинной шинели, который замешкался отдать ему честь. У бедняги шла носом кровь, его мокрая шинель была спереди вся залита.

Доктор Кубелик внезапно почувствовал, точно его укололи в сердце. Он протиснулся сквозь толпу, тронул офицера за плечо и, покашливая от волнения, сказал:

— Эй вы, поручик, не кажется ли вам, что хватит этого свинства?

— Сопляк... дерьмо собачье, сукин сын! Не слепой же он, чтобы меня не видеть, — возразил юный ревнитель порядка, отирая со лба капли пота, выступившие от его рьяных усилий.

— Взять под козырек! Как вы стоите... словно корова на льду! — крикнул Кубелик неожиданно высоким голосом и все еще покашливая.

С хмельного поручика сразу соскочила самоуверенность, он послушно щелкнул каблуками, хотя по лицу его видно было, что он не бог весть как высоко ставит этого старого костоправа с узенькими погонами, который только по нелепой случайности оказался гораздо выше его чином.

Пройдя еще немного, доктор Кубелик догнал артиллерийскую часть, двигавшуюся в одном направлении с ним. И в этом движении, как и во всем, что попадалось ему нынче на пути, чудилось нечто поверхностное, бесцельное и ненужное. Казалось, эти блекло-серые колонны могли бы идти в совсем противоположном направлении, к совсем другой цели, и это ровно ничего не значило бы, никому до этого не было бы дела. Холодные лучи солнца

вдруг сверкнули из-за мутно-синих облаков, и грязь на мостовой заблестела. Батарея тяжелых орудий, стоявшая за городом на холме Эаметса, начала каждодневную учебную стрельбу, и земля, растревоженная громовыми залпами, казалось, застонала: ох, ох! И вслед за этим грохотом, который перекатывался, как исполинская каменная глыба, сразу слышался глухой звук летящих снарядов. Он напоминал шум тысяч крыльев огромных птичьих стай, несущихся высоко в небо. Короткие очереди учебных пулеметов пронизали туманный воздух, точно сама война хохотала там, оскалив зубы, над несчастным страдающим миром, который она потрясла до самых его устоев, до сих пор считавшихся незыблемыми.

На углу Купальной улицы доктор Кубелик опять встретился с Паулем, своим затянутым в военную форму племянником. Ретивый молодой человек точно по воинскому уставу приветствовал доктора, но лукаво подмигнул ему, словно тот был таким же юнцом. На боку у племянника висела сейчас длинная сабля, которую он то и дело осторожно трогал и поправлял. Снова щелкнув каблуками, прапорщик обратился к дяде на своем смешанном наречии верноподданного Российской империи.

— Хорошо, очень хорошо, что ты пришел. Впрочем, был бы *wunderschön*¹, (это слово невзначай сорвалось у него по старой привычке), если б мы немного прошлись: я только сейчас от нашей больной, и она сказала, что ей удобней принять тебя чуть позднее. А я сейчас снова по воле случая человек свободный — *вольный сокол*, как изволит говаривать полковник Квадратов. Что ты скажешь насчет легкой прогулочки вдоль морского побережья? К тому же, весьма любопытно взглянуть и на новый оборонительный пояс, который возвели там лишь этой весной и летом. Ты, конечно, знаешь, где он проходит?

— Что? Берег моря? Знаю, конечно.

— Да какой там берег? Ха-ха-ха! Новый укрепленный пояс!

¹ Чудесно (нем.)

— Нет, этого я не знаю. И, по правде говоря, это меня очень мало интересует. — Доктор Кубелик пожал плечами.

Пауль добродушно рассмеялся:

— Ну, *понятно, понятно!* Для вас, медиков, важнее всякие там перевязочные пункты и походные лазареты, чем окопы да проволочные заграждения, ха-ха-ха! А мы, офицеры Действующей армии, смотрим на вещи совсем по-иному. Нет, нет, конечно, я отнюдь не собираюсь утверждать, что лазареты и перевязочные пункты не нужны. *Этого я не скажу.* Однако, по-моему, война как общественно-юридический акт нуждается прежде всего в том, что непосредственно дает возможность воевать. Ну что за беда, если у какой-нибудь воинской части не окажется, скажем, персонала, отмеченного Красным Крестом, — сестер, санитаров и даже вас, врачей. Разумеется, в таком случае раненые будут помирать сами по себе — не будут над ними хныкать сестры, а добросердечные эскулапы вроде тебя не будут с глубокомысленным видом покачивать головой. Да, какое-то количество раненых, которые при нужном уходе выжили бы, безусловно, отправится на тот свет. Но ты ведь понимаешь, что для войны в целом это не имеет значения. Ни самомалейшего, даже если учесть, что наши средние потери возрастут в общем на несколько сотен солдат. Но вот если у воинской части, скажем, не окажется винтовок, а вместо них она будет располагать запасом иода в несколько бочек, что тогда произойдет, как ты считаешь?

— Что произойдет? Не знаю, — доктор снова пожал плечами. Пауль расхохотался, звякнул шпорами:

— Тут не надо особой проницательности, чтобы предвидеть полнейший разгром. И поэтому мы, офицеры Действующей армии, всегда говорим: все прочее пусть летит к черту, а нам давайте винтовки и патроны. Да, *дайте нам только оружие и патроны*, и вы увидите, как мы пойдем от победы к победе. И, *Gott sei dank*¹ (тут он опять промахнулся, неожи-

¹ Слава богу (нем.)

данно ввернув немецкую фразу), наша богатая отчизна способна всем снабдить в изобилии нас, своих верных сыновей, которые всегда стремятся за нее в бой... В то время, когда наши противники стоят от голода и лишений, мы живем, как настоящие баре! Точно, точно, как настоящие богачи! И они, бестии, они, подлецы, свиные хари, осмелились на нас полезть! Ты только представь себе, смелости хватило у них, сволочей, ссориться с нами! Ха-ха-ха!

— Да, смелости у них хватило, что с ними поделаешь. Однако с начала войны прошло уже почти полтора года, и было бы прекрасно, если б вы, офицеры Действующей армии, побыстрее вершили свои патриотические дела. Говорят, что и у нас то здесь, то там обнаруживается недостаток продовольствия и всякие другие неприятности такого рода.

— Э, чепуха! Поверь, это чепуха и дурацкая болтовня. — Пауль сделал обиженно-презрительную гримасу и продолжал наставительным тоном вполне осведомленного человека: — А как ты полагаешь, дядюшка, сколько лет мы сможем провоевать, прежде чем у нас иссякнут запасы? Сколько? Не знаешь? По меньшей мере лет десять! Понятно? Я лично уже много раз говорил о том, что людям пора одуматься и к любому делу подходить трезво. Да, трезво и без паники! Ибо это наш священный долг и мы обязаны выполнить его хотя бы ценою жизни! А что мы видим вокруг, всюду, куда ни взглянешь? Стоит какому-нибудь болвану наплести вздор, как со всех ног бегут к лавкам, сразу возникают хвосты, создается впечатление, будто у нас в стране и впрямь бог знает какая... ну, как сказать... нужда. Это непозволительно! Совершенно непозволительно, понимаешь? Ведь нельзя забывать, что среди нас на каждом шагу предатели и шпионы. Они вынюхивают, собирают сведения, промышляют изменой. Эти предатели и шпионы распространяют всякие слухи, всякие небылицы! Мне самому на прошлой неделе с пеной у рта доказывали, что-де нашу армию везде бьют и бьют, что мы, мол, только отступаем. Я сразу сказал: ну, нет, дудки! — сказал я. Провалилось только самое первое наступление в

Восточной Пруссии, да и то лишь из-за измены, лишь по вине проклятого Ренненкампа и его пособника подлюги Самсонова. Теперь такому больше не бывать. *Понимаешь?* Не бывать!

Доктор Кубелик кивнул в ответ и согласился:

— Да, да, племянш, понимаю, понимаю.

— Теперь, когда мы можем поспокойней взглянуть на прошлые времена и события, нам остается только покачать головой, — сказал Пауль. — Вспомним хотя бы картину, которую мы наблюдали раньше в этом самом городке, где мы оба живем. Целые кварталы сплошь заселяли немцы и их приспешники. Даже некоторые честные, но простодушные люди из числа настоящих, преданных попадались на немецкую удочку и — ну как бы сказать? — заблуждались. Наш звучный, прекрасный государственный язык, который мы сейчас с такой любовью изучаем, на котором так охотно говорим, тогда на этих улицах можно было слышать редко, очень редко. Когда началась война, значительную часть наиболее подозрительных элементов выслали, правда, в отдаленные губернии, но все-таки много весьма опасных деятелей застряло здесь по самым разным причинам. И будь уверен, они продолжают заниматься своими черными махинациями, они делают свое дело — они-то и сообщают своим сородичам всякие сведения насчет нас! Поэтому не диво, что немцы предугадывают многие наши шаги. Разумеется, при таком положении вещей им нетрудно своевременно выступить против той или иной из наших широко задуманных операций. Вот именно отсюда и происходят наши временные неудачи... на определенных, так сказать... участках фронта. Но это ничего не значит. Войну выиграет тот, кто сможет выставить больше военного материала: *и людей, и пушек, и снарядов*. А у нас всего этого гораздо больше, чем у трижды проклятых убийц, которые предпочитают воевать с нашими женами и детьми. О, у нас есть что выставить, целая *уйма*, понимаешь! И скоро этим вонючим немецким хищникам будет крышка, понимаешь! Разве ты не слышал: их до того скрутило голодом, этих скотов, что они не останавливаются даже перед чистейшим каннибализмом! Тьфу,

черт! Безобразие! Мы, офицеры Действующей армии, уже давно говорили, что...

— Так, так... Они, значит, и в самом деле уже поедают людей? — спросил доктор Кубелик.

— А как же! Едят! Натурально, едят! — убежденно подтвердил Пауль, выпучив свои бесцветные и какие-то мальчишеские глаза. — Чему же тут удивляться, если они так поступают? Ведь наукой доказано, что их развитие пошло по совершенно особому пути: даже строение черепа и размеры мозга у немцев совсем не те, что у народов, действительно происшедших от библейского Адама. По-видимому, это порода людей, которая повелась от братоубийцы Каина.

— Ну конечно! — согласился доктор Кубелик и продолжал, уже явно высмеивая наивного юношу. — Один из пациентов, которого я недавно лечил, рассказал мне, например, что у них под волосами прощупываются бугорки — зачатки рогов, а это означает... — добавил он шепотом, — что они, следовательно, много веков назад обитали в болотах и трясилах... как настоящее дикое зверье. Неужели вы не знали этого, прапорщик?

— Нет... вот этого я действительно не знал, — доверчиво признался Пауль и покачал головой. — Ты смотри, какие свиньи! Да чего ж удивляться, это можно было думать, удивляться нечему.

— А некоторые из них до сих пор — все равно голод там или нет — едят только сырое мясо и с кровью, — сказал доктор Кубелик, продолжая сгущать краски. — После такого жуткого обеда они, говорят, бегут куда-нибудь к ручью, бросаются на берег и пьют как псы... лакают языком.

— Ну что ты скажешь! — воскликнул Пауль таким густым басом, что у него запершило в горле и он гулко закашлялся до слез.

— Да, так говорят. И не только об этом, но кое о чем и пострашнее.

Пауль только теперь смекнул, что над ним потешаются. Он покраснел и, звякнув шпорами, как бы подбадривая себя, сказал:

— Э, ерунда, люди вечно чего-нибудь да присочинят и доведут до абсурда любое самое ясное дело.

Но, слава богу, мы, офицеры Действующей армии, умеем отличать правду от лжи... и неправду от истины. И мы, офицеры Действующей армии, не односторонни. Еще в школе прапорщиков нам наказывали всегда и везде стоять за справедливость. Мы никогда не станем осмеивать противника или глумиться над ним. Но раздутые слухи о немцах вполне можно понять и объяснить, потому что немцы сами сплошь и рядом дают для этого повод. И вообще — что это за армия! Люди знающие говорят, что в некоторых частях вообще нет ни винтовок, ни патронов. Единственное, что еще побуждает немцев воевать — это грабеж: хватай и грабь сколько душе угодно! Возьмут какое-нибудь село или город — и сами налопаются вволю за долгое время, и своим голодающим домашним пошлют сала, яиц.

— *Вот правильно!* Даже о врагах надо судить справедливо! — сказал доктор Кубелик, подражая верноподданнической интонации племянника. — Однако находятся люди, которые этому не верят. Вернее, находятся люди, которые верят прямо противоположному. Осенью у нас объявился какой-то дурень, с Карпат, кажется, то есть с австрийского фронта. Так он, например, говорил мне, что вопиющую нужду в *оружии и снарядах* испытывают именно наши доблестные войска. Этот дурак договорился до того, что, мол, наши полки идут на передовую подчас с простыми дубинками и получают *ружья* лишь от тех, кого сменяют. А те, которые сменяются, забирают принесенные дубинки. Такая игра в прятки идет *знаешь, почему?* Просто-напросто для того, чтобы разведчики — немцы или австрияки — не узнали правды. Видишь, дорогой племянш и господин прапорщик, какую иногда чушь несут у нас!

— *Безобразие!* — воскликнул Пауль. И продолжал без усталости сыпать словами, словно почувствовав потребность оправдать свое пребывание в тылу. — Недели две-три назад я и несколько моих друзей снова подали рапорт, просили послать нас на фронт. Мы-то знаем, как там нужен каждый храбрый воин. Но наш план не удался. Да, не удался! Потому что опять вмешался полковник Квадратов, наше прямое

начальство. Старик, конечно, прав... потому что и здесь не справиться, если взять... бог знает кого. Ну, подумали мы и решили — пусть еще какое-то короткое время все идет по-старому. Но когда-нибудь мы все же тронемся отсюда. *Непременно* тронемся! Скоро как раз должно начаться большое наступление, закипит великий бой, *понимаешь*, и я не хочу оставаться в стороне.

— *Тоже правильно*, не оставайся! — поддержал Пауля доктор Кубелик, сохраняя серьезность.

— У нас тут в канцелярии тьма-тьмущая работы, это одно и удерживает. — Прапорщик пошел на попятный, словно испугавшись сказанных слов, и пустился перечислять важнейшие требования, которые предъявляет им полковник Квадратов. — В здешних учреждениях каждый служащий должен всегда быть на месте, всегда! Он должен уметь справляться и с тем, и с другим... Бывает, на минуту опоздаешь — *боже сохрани!* Если б ты видел, какая пропасть бумаг проходит через наши руки — ух! (Юный делец схватил себя за голову и принялся отчаянно раскачивать ее слева направо и справа налево). — Иногда прямо страх берет. *Ты ведь сам знаешь*, какая путаница и канитель царят в некоторых учреждениях. Просто беда! Ну вот и докатывается эта неразбериха разными путями до нас, и начинаем мы распутывать, что к чему. Ужасно трудно бывает ухватиться за верную ниточку, но уже если ухватился — *держись*, парень! Наш старик не уймется, пока — *ну как тебе сказать* — не выведет все на чистую воду. Ну-да, такова война. Если кто-нибудь думает, что победить можно играючи, тот глубоко ошибается, тот болван! Каждый из нас обязан прежде всего самоотверженно трудиться во имя победы, и чтобы фронт мог выполнить свою задачу, мы здесь, в тылу, должны забыть личные удобства и, так сказать, быть на чеку. Мы ведаем машиной, в которой нельзя допустить ни малейшей порчи, туда не должно попасть *ни пылинки*, от этого зависит судьба всего нашего великого и любимого отечества, зависит здоровье и жизнь тысяч его доблестных сынов! Да! Если вы, врачи и сестры, оказываете помощь раненым, из которых

большинство могло бы свободно подохнуть, потому что никакой пользы от них не жди, то мы призваны заботиться о сильных и здоровых солдатах, которые своими штыками пишут славную страницу истории, переживаемую сейчас всеми нами. Понимаешь мою мысль, а? Понимаешь? Я не хочу этим сказать, будто вы, врачи и сестры, совсем бесполезны. Нет, такого я не говорю и не скажу! Но исход войны зависит именно от нас, тыловых деятелей, и от тех, кто жертвует своею жизнью в окопах и блиндажах. Ты меня понимаешь, подполковник?

— Понимаю, прапорщик, понимаю, — сказал доктор Кубелик и деловито кивнул.

— Когда у тебя найдется свободный часок, заходи ко мне на службу, я тебе кое-что покажу, — предложил Пауль. — И вот тогда только ты увидишь и смекнешь, что значит современная война. Верь мне, подполковник, это самая мощная и грандиозная война из всех происходивших войн. Это, можно сказать, грозная война, могучая война! Что, по-твоему, нужно для того, чтобы накормить один-единственный полк? Ну, знаешь, и это уже далеко не шутка. А возьмем дивизию, возьмем корпус, возьмем, наконец, целые армии! Если наша тыловая деятельность почему-либо нарушится, что тогда будет, как ты думаешь? А получится то, что в несколько дней вся машина разладится. Поэтому неудивительно, если мы подчас поступаем по всей строгости, которая постороннему может показаться... ну... даже ненужной, лишней! Да, выберешь время — приходи поглядеть, с каким жаром и самоотверженностью мы ныне обязаны работать, чтобы война была... настоящей войной! Н-да!

— Постараюсь, постараюсь прийти, — сказал доктор Кубелик. С минуту он помолчал, а потом заговорил, грустновато усмехаясь и щуря задумчивые глаза: — Спасибо тебе за любезное приглашение, господин прапорщик. И чтобы не быть у тебя в долгу за твою предупредительность и радушие, позволь мне, со своей стороны, пригласить тебя в госпиталь. Да, будь так любезен, приходи. Приходи, старый друг, прапорщик! Наше дело, как ты давеча вполне правильно определил, второстепенное и

вообще никчемное. Но на него стоит посмотреть, ох как стоит! У нас там есть парни, которые могут тебе кое-что порассказать и насчет передовой, куда тебя не пускает твое прямое начальство, твой строгий полковник Квадратов. Потолкуй с этими парнями, обменяйся мыслями! Они наверняка расскажут о таких геройских подвигах, которые запомнятся тебе на всю жизнь, придадут тебе силы и энергии. Так пожелаешь, прапорщик? Ты найдешь меня там в любой день, с девяти часов до полудня, за исключением тех дней, когда я накануне дежурил ночью. Ну как, можно тебя ждать, прапорщик?

— Ну что ж, посмотрим, — ответил Пауль. Заметив на другой стороне улицы двух своих гуляющих сослуживцев, он подал им знак рукой и весело воскликнул: — Вот и они, наши молодцы ребята. Прости, пожалуйста, я тебя догоню.

— Прощу, если угодно, — сказал доктор Кубелик.

Пауль, придерживая эфес сабли, так зазвенел шпорами, точно в его ослепительно блестящие сапоги были насыпаны серебряные монеты и теперь он их весело встряхивал.

Глава четвертая

МАЛЕНЬКАЯ АГНЕС

Минут через двадцать быстрой ходьбы доктор Кубелик оказался близ картонной фабрики, давно уже бездействующей, и вскоре остановился перед домом, где жила его больная родственница. Он оглядел фасад большой рабочей казармы, вошел в сени, а затем, увидев на доске у двери список жильцов, прищурился и стал в полумраке разыскивать нужный ему номер квартиры. Длинное двухэтажное каменное здание было очень мрачным и запущенным. На полу валялись окурки, темнели плевки, давно здесь никто не мел, не убирал. По светло-коричневым истертым перилам, терявшимся в темноте верхнего этажа, словно там уже начинался чердак, катались тощие дети. Они с любопытством смотрели на пришедшего и, казалось, чувствовали себя в этом коридоре, пропахшем грязью и табачным дымом, вполне счастливыми. Горбатый мальчуган в те минуты, когда не съезжал по перилам, грыз семечки, а две девочки, время от времени близко склоняясь друг к другу, тихонько хихикали, словно закадычные подружки, у которых есть общие секреты. Доктор Кубелик слышал, как одна из них сказала:

— Мыльный камень ему, черту, нипочем... разве только рот обожжет малость. Кабы ему цельную бутылку спить — другое дело. А не то поймать бы его всем скопом да скипидару под хвост. Вот, поди, завоюет... пусть тогда попробует позадаваться, как петух!

— Ага, скипидару бы под хвост! — повторила вторая девочка, ухватившись за эту мысль.

Доктор Кубелик постучал в ближайшую дверь, и ему сказали, что женщина, которую он разыскивает, живет в другом конце дома, ближе к двору. Одна из

девочек, ростом повыше и с более осмысленным лицом, почти неслышно подошла сзади и приветливо предложила:

— Пойдемте со мной, я провожу вас.

— А-а, вот это хорошо. А разве ты знаешь, кого я ищу? — спросил доктор Кубелик.

— Да, я слышала. Ведь вы очень громко спросили, — ответила девочка и добавила в пояснение: — Это моя мама.

— Ах вот как, твоя мама? — С неожиданной для самого себя нежностью он потрепал девочку по плечу. — Ну, так двинемся. У тебя, может, есть сестрички... или братишки? — спросил доктор через минуту, все еще не находя нужного тона.

Девочка кивнула, быстро глянула через плечо и сказала:

— Есть. Вот эти... двое. Мама вышла ненадолго, а нам велела сторожить. Если придет дяденька Пауль... с дружками... их надо впустить. Вы тоже из ихней компании?

— Нет, я не из ихней компании, я из своей, — ответил доктор Кубелик.

Старуха, выглядывавшая из приоткрытой двери, зашипела, словно ветер свистнул, и со своей стороны добавила:

— Оттуда они, оттуда. Беда с ними да и только — прямо как щенки. Хоть бы на своей половине возились да шумели. Заберутся с утра в этот конец казармы и до самого вечера торчат... А ежели тот жеребец пожалует, так и спят тут на ступеньках... как воробы на проволоке. Оно конечно, комната одна, нельзя же, чтоб дети видели... кхе, кхе, кхе!

— Те-те-те-те, не трещи. Катька-палка! — с неожиданной храбростью выкрикнула вдруг девочка поменьше и показала старухе язык.

— Ка-ак дам тебе, костей не собелес! — с угрозой произнес горбатый мальчик странно грубым для его лет голосом и швырнул в дверь соседки каким-то болтом или гайкой.

— Ой, господи! — взвизгнула словоохотливая старуха и мигом исчезла за дверью.

— Ты, целтовка... не смей лугаться! — добавил мальчик и сразу спрятался за спину сестер.

— Что ты с ней связываешься! Опять маме нажалуется, — одернула его старшая девочка. Она, казалось, считала своим бесспорным правом идти рядом с незнакомым гостем. Спустя минуту-другую она деловито заметила: — Странно, что мама ничего про вас не говорила...

Чувствуя, что ему становится как-то очень грустно и тяжело, доктор Кубелик ответил тоже деловито, словно разговаривал со взрослым человеком:

— Вот как, ничего не говорила? Ну, значит, забыла. — И, стараясь во что бы то ни стало казаться веселым, добавил: — Я доктор, и к тому же довожусь вашему отцу дядей, а вам — двоюродным дедушкой. Молодой дяденька Пауль сказал мне нынче утром, что твоя мама захворала. Я и пришел вылечить ее. Как же она могла уйти, если больна?

— Да вот, смогла, — сказала девочка. А потом, резко повернувшись к сестре и брату, которые плелись за нею, повелительно бросила: — Вы, дети, оставайтесь тут, не бегайте следом за мной! Пристали, как репей! — И она продолжала прерванный разговор, снова делаясь приветливой и по-серьезному деловитой: — А что маме было делать? Дяденька Пауль недавно приходил и все бранился — *шлюха* да *шлюха* — и сказал, что он и его друзья хотят вечером у нас водку пить и песни петь, и чтобы все было как полагается, *черт побери!* Съестного принес несколько кульков, обещал вернуться. Вот мама и пошла к тетеньке Тамм попросить у нее вилок и ножей, потому что когда дяденька Пауль вернется со своими друзьями, у нее уже не будет времени ходить...

— Так, а дяденька Пауль не сказал маме, что к ней придет доктор? — тихо спросил Кубелик и отвел взгляд от блестящих в сумерках глаз девочки, приткнувшись к ней плечом.

— Может, и сказал, не знаю, — ответила она.

Разговаривая, они вышли на улицу и направились по тротуару к другому входу, поначалу не замеченному доктором. Низкая покосившаяся дверь вела прямо на довольно крутую деревянную лестницу. Но здесь было чище, хотя и еще темнее: оконце в торцевой стене дома пропускало очень мало света,

наверное, даже днем. И воздух был совсем не такой, как в другой половине дома, выходящей на улицу. Тут пахло больше всего плесенью, сырой известью и еще чем-то, чего доктор Кубелик не мог определить. Лестница, ведущая наверх, была узкая и темная, и когда они добрались наконец до второго этажа, доктор Кубелик невольно остановился, чтобы глаза привыкли к царившему здесь вечному полумраку.

Девочка нашарила ключ, недавно ею же запрятанный под старый половик, и сказала:

— Видите, нет еще мамы... Тетенька Тамм — как трещотка, ужас как много говорит, и мама там всегда задерживается. Но сейчас она должна скоро вернуться, надо ведь все успеть, не то дяденька Пауль опять забранится. Скажет: пошла к чертям, проклятая сука!

— Неужели он так и говорит маме! — спросил доктор Кубелик, болезненно поморщившись в темноте.

— Ну да. Господи, и как еще говорит! Почти каждый день! — порывисто и возбужденно воскликнула девочка, еще шире раскрыв серые глаза. — Он ведь злой-презлой. Иной раз как заругается! Один раз, пес бешеный, схватил палку с вешалки, чтобы маму побить, а Эндель — это наш братишка — вскочил да и вцепился ему зубами в руку. Тот как завопит — больно! А сам без штанов, только с кровати встал, долго по комнате кружил, вроде польку танцевал. Эндель потом говорил, что у него в зубах кусок кожи остался, и с волосами. Заходите, тут мы и живем. — Отворив ключом дверь, разговорчивая девочка остановилась, вежливо пропуская гостя вперед.

— Спасибо, хозяйка, — сказал доктор Кубелик.

Они вошли в крохотную переднюю с двумя дверьми. Здесь тоже было почти темно, но плесенью и известью не пахло. И, видимо, курили здесь табак более высокого сорта, чем в другом конце дома, откуда они только что пришли.

Девочка распахнула одну из дверей и остановилась на пороге. Ее маленькая фигурка в темной раме двери напоминала картину, детали которой незаметно тонут в глубине темного фона. Девочка была по-прежнему очень вежлива, рассудительна и

разговорчива, как видно, ей приходилось не раз принимать гостей, это уже давно не было для нее чем-то необычным. Указав рукой куда-то назад, она совсем по-домашнему, без тени робости сказала:

— Будьте добры, дедушка, пройдите сюда. У вас калош нет? А-а, нету. А вот дяденька Пауль носит калоши. Он ведь ужасный франт, поэтому. Он в маму раз калошей запустил, да промазал. Калоша мимо — и прямо в окно! А сам говорит маме — эх ты, потаскуха, зачем голову отвела, видишь, стекло вдребезги, расход опять же!

— Да, у меня нет калош, — сказал доктор Кубелик, стараясь избегать взгляда говорливой девочки.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила она, ладошкой стряхнув пыль со стула.

Доктор Кубелик снял шинель, осмотрелся. Это была квартирка из полутора комнат (первая комната служила и кухней), маленькая, но уютная, с картинами на стенах и цветами подле окон. Дверь в соседнюю комнату была открыта, и за сдвинутой ширмой виднелась выкрашенная светло-желтой краской кровать, посреди комнатки помещался низкий стол с желтой стеклянной вазой, глиняной пепельницей и двумя-тремя журналами на русском языке. У коричневой печки стояло плетеное кресло-качалка, в простенке между двумя окошками с частым переплетом висело несколько поблекших групповых фотографий — видно, память о каком-то празднестве.

Заметив, что взгляд гостя задержался на этих фотографиях, девочка сразу же с готовностью рассказала о них:

— Посмотрите поближе, если хотите... Вот это мой папа. Он справляет свадьбу с моей мамой. А сейчас папа воюет где-то... кажется в Австрии... да вы, наверно, сами знаете. Мы надеемся, что он скоро вернется домой. Больше всего ждем его мы трое — я, Эндель и Анни. И давно уже сговорились — как только папа воротится, все ему расскажем про дяденьку Пауля и про то, как он нас ругает и бьет. Мама, конечно, за нас заступает, бранится, а что ему с того — ни холодно ни жарко. Ощерится, задымит трубкой и скажет: не скрипи, старая шлюха! Папа нас никогда не бил, ну никогда, ни меня, ни

Энделя, ни Анни. Иной раз, правда, когда придет с фабрики чуть навеселе, пошумит, что, мол, очень мы расшались, нельзя так, а потом развернет платок, в котором завтрак на работу носит, и всем нам по кренделю даст — вот по такому, большущему. И потом опять таким хорошим становится... Мы каждый вечер богу молимся... когда все вместе, а когда по очереди... чтобы он спас папу от смерти, чтобы обошла его немецкая пуля. А дяденька Пауль всегда твердит нам, что отца все равно убьют и что ни библия, ни молитвенник ему не помогут. Мама тоже молится, да мы не знаем, о чем она бога просит, мама никогда не молится громко. А по-вашему, что будет: сделает бог, как люди просят, вернет папу домой?

— Обязательно вернет, будь уверена! — изменившимся голосом сказал доктор Кубелик: тяжело было не дать ответа, еще тяжелее — ответить. Он вынул носовой платок, долго сморкался, потом закурил и, сам того не замечая, так жадно втянул в легкие табачный дым, что у него дух захватило. Покурив, он погладил доверчиво подошедшую к нему девочку по теплomu затылку.

— Ты, дружок, знаешь, не тревожься! Отец вернется, когда придет время, а твой плач, твои слезы этого не ускорят! Только сама ты от таких волнений похудеешь, отец тебя и не узнает. Как тебя зовут?

— Агнес, — ответила девочка.

— Агнес! Очень красивое имя, — сказал доктор Кубелик.

— Разве?

— Да, да! А меня зовут Антс, и это имя, как ты, наверно, сама заметила, совсем не такое красивое. Будь я маленькой девочкой, вроде тебя, мне бы тоже хотелось, чтоб меня звали Агнес. А вот если бы ты стала таким лысым старым доктором, как я, вряд ли тебе захотелось бы быть Антсом. Не правда ли?

— Хотела бы, почему же не хотеть, — улыбнулась девочка. — Я думаю, все имена красивые. Все... кроме Пауля! Вот Пауль — это ужасное имя, оно всегда напоминает мне клопа или паука, правда, странно? Эндель однажды сказал: если б его звали не Энделем, а Паулем, он сразу бросился бы в

реку и утопился со злости. И я тоже! Будь у меня имя Пауль, убежала бы на реку и утопилась!

Доктор Кубелик прикусил нижнюю губу, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие. Не проронив ни слова, он встал, подошел к групповому снимку на стене и прищурившись стал рассматривать выцветшую фотографию. Он увидел стоящих у заснеженной стены дома мужчин и женщин, простых крестьян, которые перед фотоаппаратом старались выглядеть как можно забавнее. Какой-то бородач показывал нос, другой поднимал пивную кружку, третий держал за горлышко бутылку водки, точно пестик для картошки. У всех во рту дымились папиросы, даже у парнишек, видимо, еще и на конфирмации не побывавших, и у старых дедов, которые обычно предпочитали посасывать трубку или жевать табак. Женщины и девушки, явно зазябшие, стояли скрестив руки на животе, многие держали голову так, чтобы виден был второй подбородок — признак зажиточности. Невеста была в миртовом венке, без пальто, жених держал руки на коленях и щурился от яркого света, падавшего ему прямо в лицо. Шапку он позабыл надеть, зимний ветер слегка взъерошил ему волосы, зато белесые усы были тщательно расчесаны и торчали кончиками кверху. Перед собравшимися лежала большущая пивная бочка, на ней верхом сидел деревенский музыкант, растянув мехи гармошки; казалось, он вот-вот пробежит пальцами по клавишам и начнет играть.

Доктор Кубелик показал пальцем на новобрачных, которые как-то подчеркнуто выделялись в этой группе, и тихо спросил:

— Вот эти?

— Да, они самые: мой отец и мать, — ответила девочка и сразу же спросила в свою очередь: — Вы когда-нибудь их видели? Я вас что-то не припомню. Наверно, вы у нас никогда в жизни не бывали?

— Ты права, не бывал, — ответил доктор Кубелик. — Однако твоего отца я все-таки знал, мы с ним раза два встречались... не здесь. А перед тем как совсем уехать — я имею в виду — на войну, — он даже навестил меня дома. Ах да, он тогда и о тебе говорил, хозяйюшка, и об Энделе, и об Анни. А маму

твою я никогда в жизни не видел, — закончил доктор Кубелик, беспомощно улыбаясь и пользуясь теми же словами, что и девочка.

— Не видели? А вот она, посмотрите, сидит тут, — сказала девочка, крепко прижимая тоненький палец к только что вытертому стеклу фотографии. — Папа здесь... как вы сами видите... без шапки. Он потом часто говорил нам, до чего было холодно так сидеть... и всякий раз, когда рассказывал, мне самой становилось холодно. Говорил, что у него прямо уши задубели, а фотограф все тянет и тянет... но зато уж когда домой пришли, папа цельный штоф горячего пива выпил... И мама тоже говорила — прямо счастье, что он не захворал от этого холода. А вы совсем-совсем на самом деле его дядя, а наш двоюродный дедушка?

— Да, — ответил доктор Кубелик, — совсем на самом деле.

— И не врете, чистую правду говорите? — недоверчиво спросила Агнес.

— Ну что ты, зачем же мне врать? — воскликнул доктор Кубелик.

— А как же вы... до сих пор? Почему вы раньше не приходили? — Девочка все еще сомневалась.

— До сих пор, да... до сих пор я был очень занят. Не имел времени вас проведать, — объяснил доктор Кубелик и тут же пообещал: — С сегодняшнего дня обязательно буду чаще наведываться к вам. А если я не смогу прийти, вы сами придете ко мне — ты и Эндель, и Анни. Ладно?

— Посмотрим, может, и придем, — сказала девочка. Не отнимая пальца от застекленной фотографии, она продолжала сыпать словами: — Вот здесь, видите сидят все папины знакомые и родственники. Это мой дедушка, а тут, поглядите, моя бабушка! А вот там сидит моя тетка с мужем, богатая и скупая, а рядом ее дети, двое; папа говорил, что она пичкает их топленым маслом да свежими сливками. Я их всех видела, а только уже не помню. Когда они сюда на ярмарку или на рынок приезжали, я была еще совсем маленькая. Когда отца забрали на войну, он хотел, чтобы мы поехали к дедушке в деревню. И после несколько раз писал маме —

почему мы не едем. Я, и Эндель, и Анни — все хотим туда. А дяденька Пауль не позволяет, всегда говорит: «Попробуй только, паразитка! А если ты мне понадобишься, я должен всякий раз в деревню таскаться?». Мама наша всегда делает так, как дяденька Пауль хочет, а не так, как другие хотят. Отец говорил, что у дедушки всего вволю, ешь до отвала, пусть хоть живот вырастет, — там и горячий хлеб, и свежее масло. У вас тоже есть дедушка с бабушкой?

— Нет, у меня уже нету, они давно умерли, — ответил доктор Кубелик.

На миг наступила тишина. Доктор Кубелик беспокойно прошелся раза два по комнате и снова сел на стул. Где-то во дворе шумели и смеялись. Агнес подошла, оперлась на его колено, словно подчеркивая свое доверие и симпатию, и долго смотрела на него своими большими, серьезными, как будто невольно о чем-то спрашивающими глазами. У нее были длинные ресницы, смуглые щеки, высокий лоб; ее волосы, как видно, постепенно темнели, делались русыми, прежний светлый оттенок их сохранился лишь на кончиках густых кос. У нее был маленький мягкий подбородок, полные губы, изогнутые сердечком, и нос чересчур, пожалуй, вздернутый и задорный, словно девочка готова была упрямо с кем-то поспорить, кому-то все выложить напрямик. От нее исходил характерный горьковатый и вместе с тем какой-то чистый запах — так пахнут обычно здоровые и крепкие дети, даже немытые, даже если на теле у них уличная пыль.

Заметив, что дядя пристально глядит на нее, Агнес тихонько засмеялась воркующим смехом, сама не зная, что ее вдруг развеселило. Доктор Кубелик, взяв костлявыми длинными пальцами мягкую ручонку Агнес, спросил:

— В школу ты, наверно, еще не ходишь, хозяйшюшка?

— Нет, не хожу еще, — быстро откликнулась девочка.

— А когда пойдешь, на кого хочешь учиться?

— На сестру милосердия.

— Да? Почему именно на сестру?

— Потому что тогда и я смогу поехать на фронт. И если с папой что-нибудь случится, я тут как тут, сразу и помогу ему. Перевяжу раны и все такое...

Доктор Кубелик снова насупился, не выдержав детского взгляда.

— Ну да, конечно, — наконец протянул он и сжал пальцы, невольно задрожавшие.

Молчание.

Лишь через несколько минут девочка снова заговорила, как-то совсем по-взрослому, словно делясь своими давнишними раздумьями.

— Придет ли вообще конец этой войне? Или она никогда не кончится? Когда папа уходил на фронт, я была еще совсем маленькая. Теперь я уже большая, а папа все еще не вернулся. Да, так оно и есть — и правда не знаешь, может, война так и будет без конца... — медленно повторила она.

— Нет, наверно, скоро кончится, — сказал доктор Кубелик.

Девочка вздохнула.

— Кто его знает, — скептически произнесла она. — Вот было бы хорошо, если б поскорее кончилась. Папа обещал — как только мне исполнится восемь лет, он свезет меня к морю и научит плавать. И тогда, будь хоть глубоко-преглубоко, не пойдешь на дно, а будешь держаться на воде. Теперь мне уже скоро восемь лет, а папа все не возвращается. Дяденька Пауль, когда иной раз рассердится, разозлится, говорит, что нечего понапрасну ждать... что с войны никто не вернется и что все равно я до восьми лет не доживу, сдохну раньше от голода, как крыса в пустой церкви... А почему вы сами не на войне?

— Я-то? Я старый, слишком старый, — ответил доктор Кубелик. — На войну посылают только молодых и сильных, как твой отец.

И снова тишина. Доктор Кубелик придавил окурок в пепельнице. Он не знал, что еще сказать. Украдкой глянул на часы: не идет больная, не идет и не идет! На душе у него становилось все тяжелее — из-за этой измученной, но смелой девочки, которая доверчиво рассказывала ему о своем большом горе, из-за туманного вечера за окном. В который раз он думал, что самое правильное было бы уйти, но все-таки не

уходил, а сидел, стараясь держаться прямо. Последние солнечные лучи, скользя по серой стене прачечной, отразились среди чахлых цветов, комната стала чуть веселее. Где-то лаяли собаки... Где-то лаяли собаки — злобно, словно набрасываясь на человека... Где-то лаяли собаки, кто-то вдруг начал их ругать гнусными словами. А маленькое грустное семилетнее существо снова повело речь о своем отце, которого никак не дожидаться и которому дяденька Пауль так настойчиво пророчит смерть.

— Папа, пока был дома, всегда приносил мне в день рождения пряников. Самых разных — и круглых, и вроде сердца, и вроде маленьких человечков... Сла-адких! Давно это было, я уже и вкуса их не помню. В этом году, когда был мой день рождения, папа не смог приехать, его не отпустили с войны. Он хотел, а генерал не позволил... Дяденька Пауль в тот день опять наакался, как свинья, и вся его компания пришла к нам, и мне тоже вина поднесли. Глотнула я — сладкое такое, а потом заболела, тошнить стало. А дяденьке Паулю и его приятелям это так понравилось, что они чуть не лопнули со смеху... И... мама тоже смеялась вместе с ними... Теперь если папе удастся приехать на мое рождение, вряд ли он мне пряников привезет, ведь я уже большая... А летом он, наверно, выучил бы меня, как держаться на воде и не тонуть. А вы держитесь на воде или сразу на дно идете, как я?

— Держусь, держусь. Я давно уже не тону, — кивнул доктор Кубелик, никак не находя себе покоя. Он снова поднялся, подошел к окну, снова поглядел вниз. Посреди двора у водопроводного насоса стояли две пожилые женщины и болтали, перебивая одна другую. Маленький белый пудель, весь в саже и грязи, яростно лаял на кошку, сидевшую на крыше сарая.

И доктор Кубелик, снова отвернувшись от окна, сказал:

— А все-таки, хозяйюшка, я пойду. У меня больше нет времени. Видно, и у мамы твоей состояние не настолько плохое, как описал мне дяденька Пауль. А ты читать умеешь? Умеешь? Отлично! Вот возьми эту бумажку — мы, взрослые, называем ее визитной

карточкой — и сохрани ее, на ней мой адрес. Будет время, обязательно приходи проводить меня. Поговорим тогда не спеша и о тебе, и о твоём отце. Придешь, Агнес?

— Приду, если только отыщу вашу квартиру, — деловито ответила девочка. И вдруг, не сдержав порыва, вскочила, схватила доктора за руку и попросила: — Нет, не уходите ещё, дедушка! Посидите немного. Если мама ещё задержится, я сбегаю вниз и пошлю за нею Энделя. Мама на самом деле больная. У неё опухло горло и болит, она была бы рада, если б вы ей помогли. Вчера и сегодня до обеда она все время лежала в постели. Ну подождите чуточку... четверть часика... она скоро вернется!

Доктор Кубелик вздохнул и рассеянно хрустнул пальцами. Дяденька Пауль... дяденька Пауль... да, да... дяденька Пауль... — думал он с болью. Теперь ему было все известно об этой семье, ничто не укрылось от него... Неожиданно вспомнилось искаженное страхом и недоумением лицо молодого фабричного рабочего, который накануне отправки на фронт побывал у него: «Господин доктор, мне больше не к кому обратиться... Жена и дети остаются без поддержки. Не поможете ли вы им иной раз... хотя бы добрым советом». Рабочий ушел, и разговор с ним позабылся; а сейчас случай как бы в насмешку привел доктора именно сюда, к тем самым людям, о которых тогда шла речь и которым он обещал помочь... не только словом, но и делом... События, однако, ныне зашли уже чересчур далеко, здесь уже ничего больше не исправишь... губительная тля проникла слишком глубоко в здешнюю жизнь и сделала свое дело... Дяденька Пауль, ох, дяденька Пауль! «Война!» — подумал он, и сейчас же ощутил, что с минуты на минуту у него снова возникнет страшный сумбур в мыслях. Он судорожно прижал ладонь ко лбу, ему захотелось застонать, но он овладел собой и с деланной веселостью сказал Агнес:

— Ладно, подожду ещё... четверть часика.

В тот же миг кто-то начал подниматься по лестнице, тихо ступая и будто прислушиваясь к каждому своему шагу.

Глава пятая

БЕДНАЯ БОЛЬНАЯ ГОРЕМЫКА

Когда шаги добрались до сеней, Кубелика охватило сильное волнение. Он ждал. Агнес, держа палец во рту, тоже ждала. За дверью раздался громкий, надсадный кашель, зазвенели ножи и вилки, видимо, лежавшие в корзине не накрытыми. Кто-то вздохнул. Вздохнул громко, болезненно. Вздохнули еще раз, что-то со стуком поставили на пол. И вскоре в дверях показалась голова, обмотанная толстыми платками, видны были только большие светло-карие глаза и смуглый кончик носа. Испуганный взгляд женщины остановился на Кубелике, особенно на его офицерском мундире, который, как видно, вызвал какие-то подозрения и настороженность. Наконец женщина испуганно пробормотала на плохом русском языке, причем слова, как будто робко отдаляясь одно от другого, казалось, сыпались крошечными зернышками из-под теплых платков:

— Простите... Я на минутку выходила.

Доктор Кубелик заставил себя улыбнуться и ответил по-эстонски:

— О, ничего. Обо мне хорошо позаботилась ваша дочь. Я — врач.

— Ах, так... — протянула женщина, немного осмелев.

— Да. И я пришел, поверьте, только для того, чтобы помочь вам, — кивнул доктор Кубелик.

Женщина все еще не спускала с доктора испытующего взгляда. Потом она вышла на минуту в сени, повозилась там и вскоре вернулась. Она еще была в пальто, только сняла платки, намотанные на шею и лицо. Несмотря на слабый свет можно было разглядеть, что это женщина высокого роста, с черными волосами, крепкой, словно из камня отлитой,

грудью и широкими бедрами, туго обтянутыми платьем, из которого они словно стремились вырваться. Ее ноги, обутые в высокие ботинки на шнурках, казались большими и широкими, икры были тоже крепкие, но не слишком толстые. Протянув гостю загорелую руку, она произнесла с расстановкой, силясь говорить внятно, так как горло у нее, по-видимому, действительно очень распухло:

— Будьте добры... садитесь, пожалуйста, что же вы стоите? Да, мне нужно было отлучиться. Сама не знаю, откуда эта хворь... Но почти неделю я лежала пластом. Даже воды не проглотить было. А сегодня пришлось встать и выйти из дому... и сейчас как будто полегче.

Доктор Кубелик кивнул и сухо сказал:

— Да, со многими больными так бывает; уж если соберется человек с силами, потом как бы и не замечает своего тяжелого состояния. — Пауза. — По ночам вам, вероятно, хуже, но, возможно, наиболее острая стадия болезни уже проходит, — добавил он, помедлив и словно в душе стыдясь своего плохого настроения и откровенно осуждающего тона.

— Да... это странно. Ни с того ни с сего совсем заложило горло, делай что хочешь, ничего не помогает, — продолжала женщина. — У меня трое детей, и я боялась — если надолго слягу, то... один бог знает, что с ними станет. Жаль, что я вас понапрасну побеспокоила, и все из-за этих глупых страхов! А теперь не стоит тратить на меня время, теперь я справлюсь и без посторонней помощи...

— И все же — оставьте-ка эти разговоры! — сказал доктор Кубелик и раскрыл свой чемоданчик с инструментами, ощутив вдруг теплое сочувствие к этой грешнице. — Раз я уже здесь, надо осмотреть ваше горло, хотя, может быть, дело и пошло на поправку. То, что вы сейчас на ногах, еще ничего не значит. Сядьте, пожалуйста, сюда на стул. Нет, нет, не беспокойтесь, это займет лишь две-три минуты. Так. Благодарю. А теперь скажите — а-а-а. Еще раз. Спасибо.

Доктор Кубелик потушил карманный фонарик и продолжал стоять над откинувшейся на спинку стула больной. Он сгорбился, глаза его смотрели

жестко и остро. Женщина кашляла долго, не в силах справиться с удушьем, по щекам ее катились слезы. По-видимому, кроме ангины, у нее был сильнейший бронхит. Доктор Кубелик выждал, пока больная отдышалась, снова зажег фонарик, прижал лопаткой белый, обложенный язык и снова с тщательностью опытного человека осмотрел распухшие железы. В правой миндалине, вне всякого сомнения, уже шел гнойный процесс. Мягкое нёбо и язычок тоже были красные и набухшие, весь свод гортани как будто навис и еще больше сузил проход. Сейчас достаточно было кончиком ланцета лишь слегка коснуться пожелтевшей ткани, чтобы ускорить ход заболевания. Освободив язык женщины и опершись рукой о край стола, словно ища в этом опору для своего решения, доктор Кубелик сказал:

— Видите ли, уважаемая, я бы порекомендовал вам небольшую операцию. Вернее, это даже не операция, а скорее пустячный укол. Это делается быстро, пять минут — и вам станет легче.

Женщина проглотила слюну и снова раскашлялась. Потом она робко спросила:

— Вы советуете операцию... А без нее не пройдет?

— Разумеется, пройдет, я в этом не сомневаюсь, — кивнул доктор Кубелик. — Однако лучше со своей стороны помочь природе. Кстати, я довожусь вашему мужу родным дядей и уже в силу этого сделаю все с величайшей осторожностью.

— Вот как... — протянула больная. Такое известие, по-видимому, озадачило ее. А для доктора теперь не было сомнения: она беременна, на седьмом или даже восьмом месяце. Помолчав, женщина спросила, видимо, уверенная, что врач уже заметил ее положение: — А если я не соглашусь на операцию, что тогда будет?

— Надеюсь, ничего особенно плохого, — сказал доктор Кубелик. — Однако я не могу утверждать, что с вами ничего не произойдет. Видите ли, уважаемая, иногда ангина оказывается довольно злым недугом, особенно в тех случаях, когда гной попадает в кровь. Между прочим... да... я довожусь вашему супругу дядей, а значит, являюсь и ему, и

вашим детям довольно близким родственником. Писал вам муж в последнее время? У него по-прежнему все благополучно?

— Да, он говорит, что пока грех жаловаться, — запинаясь ответила женщина, смотря куда-то в угрожающе темный угол, а потом тихо добавила: — Не могу понять, почему его не отпускают на побывку... Он еще ни разу не приезжал домой.

— Бывает, — сказал доктор Кубелик.

Помолчали.

— Я думаю, все-таки стоит сделать операцию, — наконец сказала женщина, как будто намеренно переводя речь на другое. Она была теперь очень взволнована, старалась не смотреть на доктора, поглядывала то на дверь, то на грозно темнеющий угол. Пальцы ее перебирали пуговицы блузки, кадык, видневшийся из-под теплого платка, непрерывно двигался вверх и вниз, словно она без конца что-то проглатывала. Кроме того, женщина судорожно пыталась втянуть располневший живот... Всякий раз, когда доктор Кубелик поднимал глаза и что-либо говорил, она быстро отворачивалась — видимо, готова была расплакаться, но старалась во что бы то ни стало удержать слезы. И вдруг она крикнула, злобно искривив рот:

— И чего вы... чего вы... обо всем расспрашиваете? Не все ли вам равно, как я... живу и что... что... что делаю!

Доктор Кубелик, занятый своим саквояжем с инструментами, удивленно поднял голову, но прошло несколько минут, прежде чем он ответил.

— Простите, если я сказал что-либо неуместное. Дело в том, что перед своим отъездом ваш супруг побывал у меня, поэтому я проявляю к его судьбе, возможно, чересчур повышенный интерес. Вот так-с. Перед тем как вскрывать злосчастную миндалину, мне нужно попросить у вас некоторое количество урины. На всякий случай. Думаю, что это не имеет существенного значения, но для полной уверенности надо все же исследовать ее под микроскопом.

— Урины?... — пробормотала женщина, инстинктом поняв, что хочет доктор, и покраснела еще сильнее.

— Да, — подтвердил Кубелик, — это необходимо.

Женщина, судорожно поджав губы от стыда и возмущения, скрылась в соседней комнате. Вскоре она воротилась, по-прежнему подбирая живот, и поставила на окно обернутую в бумагу бутылочку. Видно, подумав, она решила, что старик-врач расспрашивал ее без всякой злорадной задней мысли, и сейчас ей было стыдно своей недавней резкости. Хлопнула дверь — это, наверно, пришел Пауль. Женщина еще больше залилась краской, вспотела и сняла пальто.

— Ага, ты здесь, — сказал доктор Кубелик появившемуся в дверях племяннику. — Это хорошо, тебя-то я и поджидаю. Нашей уважаемой сударыне придется сделать небольшую операцию в горле и будет очень хорошо, если ты поддержишь ей голову. О-о, не бойтесь, дражайшая родственница, это лишь предосторожность: вы можете испугаться и сами себе повредить. Так. Теперь сядьте совсем прямо и откройте рот. Это в порядке. А ты, дяденька Пауль, раздобудь умывальный таз и чуточку чая, чтобы прополоскать горло. Благодарю. Раздобыл все без особых поисков? Молодец! Так, так, так. Прекрасно. Благодарю!

Болтая с деланной беспечностью, но не спуская с больной зоркого, внимательного взгляда, доктор Кубелик быстро и искусно вскрыл воспаленную, почти превратившуюся в нарыв миндалину. Больная сплюнула в таз буроватую, отвратительно пахнущую слизь и, как видно, сильно напуганная, снова беспомощно раскрыла рот. Пауль, усердный, как молодой пес, изо всех сил сжимал голову больной, побледневшей до самого кончика носа, мясистого и чуть раздвоенного: она, казалось, была близка к обмороку. Доктор Кубелик внезапно весело рассмеялся и сказал:

— Ну, вот и дело с концом! Спасибо. Ты, прапорщик, дай сударыне стакан... Полощите, полощите поосновательней. Она у вас действительно была спелая как изюм. А теперь сразу в постель и по меньшей мере два стакана горячего липового или малинового чая! Полощите рот ромашкой каждый час. Не реже... понятно? Кроме того, после еды нужно прополаскивать горло риванолом. Запомнили — ривано-

лом! Нет, лучше я напишу рецепт. Так. А теперь, с вашего разрешения, я несколько минут отдохну.

С этими словами доктор Кубелик сел, скрестил руки и глубоко вздохнул. Агнес, боязливо стоявшая в стороне, снова подошла к нему и с еще большей доверчивостью оперлась о его колено. Женщина прополоскала рот и сплюнула в таз. Еще раз прополоскала и еще раз сплюнула. И снова тщательно полоскала и снова сплевывала в таз. Потом встала, подошла к постели и легла, укрылась одеялом и вздохнула. И воцарилась тишина, и вскоре опять женщина глубоко вздохнула. Она смотрела на Пауля, но тот молчал. Во дворе у помпы все еще судачили словоохотливые старушки, не слушая одна другую, взапуски ловя подходящий момент, чтобы завладеть нитью разговора. Больная, лежа под одеялом, опять принялась вздыхать и почти умоляюще посмотрела на Пауля. И тот наконец спросил, шурша бумагой и развертывая нервными пальцами пачку табака:

— Как ты считаешь, это нам удалось?

— Натурально, на-т-у-раль-но, — кивнул доктор Кубелик.

— Ну и хо-ро-шо! Вам, костоправам, кое в чем надо отдать справедливость, ха-ха-ха! — сказал Пауль и закурил трубку.

— Спасибо за признание. Пожалуйста, не кури, — вполголоса произнес доктор Кубелик.

Пауль будто не расслышал, засмеялся и собрался было что-то ответить, держа зажженную спичку в двух вытянутых пальцах.

— Прощу тебя не курить! — так же тихо повторил доктор Кубелик.

— Я понял бы, если... — Тут Пауль поднес огонь к трубке, затянулся и пустил к потолку большое облако серого дыма, которое растеклось как туман.

— Пожалуйста, не кури! — упирая на каждое слово, в третий раз сказал доктор Кубелик.

— Да, я от этого кашляю, — нерешительно и боязливо протянула женщина.

— Черт тебя побери, негодяй, ты слышал, что я сказал? — вдруг крикнул доктор Кубелик так громко, что и сам удивился.

Пауль мгновенно превратился в того, кем он был на самом деле, — в густо покрасневшего мальчишку и тотчас загасил трубку. Хотя ему и пошел двадцать второй год, Пауль выглядел намного моложе, а подчеркнутая значительность его речи и манер была попросту смешна. «Разрушитель брака? Ух! — подумал доктор Кубелик. — Соблазнитель? Любовник, который требует покорности, а иногда может стать грубым, даже отколотить. «Он в маму раз калошей запустил, да промахнулся. Калоша мимо — и прямо в окно!». Война — громила, дикий зверь, этим всем мы обязаны тебе... Это твои нравы, это твои привычки, твои повадки, твои взгляды! Желторотые юнцы разбивают семьи настоящих мужчин, устанавливают новую мораль, отнимают у детей их матерей и превращают в потаскушек! Розовощекие маменькины сынки звякают шпорами и хохочут жутким басом: «Хо-хо! М-мы, оф-фицеры Действующей армии, хо-хо!». И доктор Кубелик порывисто встал, как-то резко ступая на всю подошву, подошел к постели и сказал, с усилием освобождаясь из плена отрывочных и бесплодных мыслей, которые снова начали было его мучить:

— Знаете, мне не хочется сейчас утомлять вас. Если вы ничего против не имеете, я зашел бы снова часам к девяти, а если вас это время не устраивает, то ждите меня завтра рано утром. Я слышал, как вы кашляли, и хотел бы выслушать легкие. Что вы скажете, милейшая родственница, как вам удобней — сегодня вечером или завтра утром пораньше?

— Разумеется, лучше завтра утром, — быстро вмешался Пауль.

— Кому? Ей или тебе? — жестко спросил доктор Кубелик, и ему очень захотелось дать пощечину этому мальчишке.

Женщина, даже лежа под толстым одеялом, пыталась скрыть свой большой живот.

Успокоившись, доктор Кубелик добавил:

— Ты, милый прапорщик, человек весьма сообразительный, но позволь тебе заметить, что есть вещи, в которых даже вы, офицеры Действующей армии, не так уж хорошо разбираетесь.

Обратившись снова к больной, он сказал:

— Если выбор предоставить мне, то я пришел бы сегодня вечером. Стало быть, сударыня, до вечера?

Женщина смотрела на него большими неподвижными глазами.

— Да, приходите вечером, — прошептала она, уйдя лицом в подушку.

— *Безобразие!* — промычал Пауль сквозь зубы.

Доктор Кубелик надел шинель, простился. Болтая с маленькой Агнес — та и сейчас не хотела еще отпустить старого дядю, — он украдкой следил за рассерженным племянником, за его сдвинутыми бровями, запылавшими щеками. Было ясно, что юнец хочет остаться здесь: ему есть о чем поговорить с этими, да-да, он еще п-покажет этим г-голодным к-крысам, как нарушать его планы! Его наглые глаза прямо-таки метали искры, он сжал кулаки и с силой упер их в колени. Женщина на кровати дышала испуганно и все более устало. Доктор Кубелик напряженно думал, как поступить, и наконец обратился к рассерженному прапорщику, снова пользуясь его собственным смешанным диалектом:

— *Видишь ли, парень, мне надо потолковать с тобой. Проводи-ка меня до ворот... понимаешь?*

— До ворот? Пожалуйста, почему бы и нет, — сказал Пауль.

Вдруг женщина, вконец сломленная страхом, чуть слышно взмолилась:

— Доктор... все-таки не приходите вечером, придите лучше завтра утром.

— Я буду здесь ровно в девять часов. И, разумеется, сегодня, а не завтра утром, — отчеканил доктор Кубелик.

Маленькой Агнес, оставшейся подле матери, он поручил сходить потом в аптеку.

— Я пока побуду с нею. Прощайте, дедушка, — печально протянула девочка.

— Всего, всего хорошего, маленькая хозяйюшка, — улыбнулся ей доктор Кубелик.

Сойдя с лестницы, он взял Пауля за локоть и сказал:

— Вот что, дорогой прапорщик и племянник, тебе нужно поостеречься, поверь мне.

Молодой человек решил, что дядюшка примется выговаривать ему за недостойный образ жизни, и снова покраснел до ушей. Он изо всех сил подыскивал доводы в свою защиту, у него от этого даже нервно задергались сухие мышцы щек. Собравшись с духом, Пауль смущенно пробурчал:

— Остеречься? В каком смысле? Что ты хочешь этим сказать?

Доктор Кубелик привлек к себе молодого офицера, так что тот очутился лицом к лицу с дядей.

— У нее, миленький, не просто ангина, а весьма и весьма заразительная болезнь — неужели тебе это не известно? Даже мы, старые, ко всему привыкшие врачи, боимся этой болезни. Говоря откровенно, она может вызвать множество осложнений, особенно у мужчин. — Загибая пальцы, доктор стал перечислять: — Она в состоянии перекинуться на почки... на суставы... на мускулы, на живот, легкие и так далее. Она способна даже — извини, пожалуйста, — превратить человека в кастрата, если микробы проникнут в соответствующие железы. И поэтому я советую тебе как Кубелик Кубелику — будь осмотрительнее, не рискуй собой столь смело и безрассудно! Недаром пословица говорит, что осторожность — мать мудрости.

— Это... это... действительно так страшно? — пролепетал Пауль и попытался отодвинуться от дяди.

Доктор Кубелик заключил со вздохом:

— Да, что там скрывать — это на самом деле ужасная вещь.

— Я... я сбегаю за шинелью! — крикнул прапорщик и взбежал по лестнице на второй этаж, перескакивая через несколько ступенек.

Доктор Кубелик невесело усмехнулся и вышел на улицу. Погода изменилась к лучшему, поэтому он решил не брать извозчика, а пойти пешком. После нескольких недель надоевшего ненастья воздух был чист и прозрачен; вдоль улиц дул резкий ветер, доносивший с моря соленую свежесть. Пулеметы прекратили свою каждодневную трескотню, смолк и грохот девятидюймовых орудий на дальнем холме Эаметса, вокруг, насколько хватал глаз, не было

видно военных. Молчаливый инвалид с женой, который недавно повстречался доктору, сидел на низкой скамейке, прислонив костыли к березке. Казалось и они, эти пасынки жизни, чему-то радовались, наверное, тому, что они вообще еще могут быть вместе. Шумело море. Подбежала маленькая Агнес, теплыми ладошками схватила доктора Кубелика за руку:

— Я иду... иду за лекарством для мамы! Дяденька Пауль убежал, да еще как — во всю прыть, даже штукатурка с потолка посыпалась. Ух, прямо страх забрал. А теперь я в аптеку, маме лекарство принести!

— Молодчина, хозяйюшка, ступай, — сказал доктор Кубелик и кивнул улыбаясь.

В это время из переулка показался учитель музыки Керих в сопровождении своей полной и смиренной жены. Едва доктор Кубелик успел раскланяться, как благочестивый муж закричал:

— Простите, доктор! Одну минутку!

— В чем дело? — спросил Кубелик, все еще не отпуская мягкую руку девочки.

Учитель музыки, покинув свою набожную супругу, быстро перешел улицу и выпалил, злобно прищуриваясь:

— Ну, однако, вы и отличились! Вчера вечером допустили такую выходку, такие грубые шутки! Моего брата и пастора Паульсона чуть не хватил удар. Вероятно, они попытаются... снова встретиться с вами и...

— Сделайте одолжение, сделайте одолжение, — монотонно отозвался доктор Кубелик.

Учитель музыки подался поближе к нему и вдруг как-то испытующе взглянул в упор, а когда доктор Кубелик не отвел глаз, спросил, медленно цедя слова:

— Зачем вы так поступаете? Человече, ведь они идут к вашим раненым страдальцам, чтобы донести до них слово божье, чтобы поведать им о господе нашем Иегове. О Христе... о жизни вечной, на которую мы все должны уповать в горестях наших.

Доктор Кубелик внезапно побагровел — кровь бросилась в голову — и, насупив брови, спросил:

— А он у вас с собой?

— Кто? Кто должен быть со мной? — пробормотал учитель музыки и недоуменно огляделся вокруг.

— Кто? Да ваш господь, Иегова, — ответил доктор Кубелик. — И если он действительно у вас с собой, давайте его сюда. Я накинута ему на рога веревку и потаскаю его по белу свету, пусть поглядит, какое свинство он допускает на земле! Ну-ка, подайте мне своего Иегову, дорогой господин музыкус!... Сюда его... сюда!

— Как... как вы смеете, вы... вы... — пролепетал Керих дрожащими губами.

Доктор Кубелик не удостоил разъяренного святошу ответом.

Девочка потянула дядю за собой, и он ускорил шаги, чтобы поскорее уйти от добродетельного мужа.

Глава шестая

«БРАТЕЦ... БРАТ!»

Вечером, когда доктор Кубелик, склонившись над микроскопом, заканчивал анализ мочи, в передней раздался громкий звонок. Затем доктор услышал, как отворилась дверь в кабинет, и крикнул госпоже Няэлик, которая, остановившись на пороге, ждала распоряжений:

— Откройте, пожалуйста! Вы же видите, что я дома.

— Мне было бы приятней сказать обратное, — тихо ответила она.

— Обратное? Стало быть, хотите солгать? Нет, нет, идите поскорее! — сказал доктор Кубелик, теряя терпение.

Пока шаги заботливой хозяйки раздавались в передней, он напряженно всматривался в дрожащий круг, который, отливая голубоватым цветом, казалось, то приближался, то отдалялся. Ничего подозрительного не обнаруживалось, даже лейкоциты были в пределах нормы, и это неожиданно порадовало доктора. Чтобы окончательно утвердиться в своем выводе, он медленно водил предметным стеклышком туда-сюда и изо всех сил напрягал зрение, пока не заболели глаза.

Потом до него донеслись быстрые шаги, направлявшиеся к двери в кабинет, и кто-то нетерпеливо постучал. Не отнимая пальцев от холодноватого винта микрометра, доктор энергично бросил через плечо:

— Входите. Прошу!

Вслед за легким скрипом двери послышался чей-то жалобный голос.

— Дядя... прости, что я... так...

Доктор Кубелик, удивленный, обернулся — да, он

не ошибся, это действительно Айми-Ли, его племянница.

— Ба! Это ты! — с искренней радостью обратился он к ней. — Если мне память не изменяет, ты ведь должна быть сегодня на дежурстве?

— Сестра Мария заменит меня, пока я не вернусь, — запинаясь проговорила Айми-Ли и вдруг судорожно разрыдалась.

Доктор Кубелик поднялся и дружески поглядел на девушку: легкомысленная, кокетливая барышня, которую он еще год назад попросту недолюбливал, за короткий срок стала одной из самых толковых сестер. От плача ее красивые, полные плечи вздрагивали, пальцы, прижатые к лицу, трепетали, дрожал даже белый форменный чепчик на темных волосах. Доктор подумал о молодом ясноглазом адвокате, сыне старого Эбермана, — об этом юноше в свое время доходили до Кубелика какие-то смутные слухи. Наверное, теперь и о нем получены печальные вести, какие присылают обычно неведомые друзья погибшего: «Считаю своим скорбным долгом сообщить, что...» Разве он сам, старый, усталый врач, не рассылал таких же шаблонных извещений, таких же холодных писем, несущих тяжелый удар? И разве не рассылала их и сестра Айми-Ли, сейчас рыдающая в отчаянии? Пока внезапное горе не обрушилось на нас самих, мы воспринимаем несчастья других как нечто логическое, вполне естественное, но если смерть ударит косой в ряды наших друзей и близких, это кажется нам несправедливостью!

Снова надев мундир, пропахший больницей и лекарствами, доктор Кубелик обнял плачущую девушку за плечи и ласково сказал:

— Перестань, милая, перестань! Скажи, в чем, собственно, дело?

— Братец... брат! — пролепетала Айми-Ли, продолжая всхлипывать, вздрагивая всем телом.

— Брат?... Капитан Аугуст? — повторил доктор Кубелик, чувствуя, как у него кровь отливает от головы и устремляется куда-то вниз. Значит, и это свершилось! После короткого молчания, тихо-тихо, словно боясь разбудить кого-то, он спросил: — Когда?

— Я... я... не знаю, — плакала Айми-Ли.

И снова молчание.

Едва слышно Кубелик произнес:

— Умер?

Но Айми-Ли тотчас же ответила, к его великой радости:

— Нет... нет... не умер... он ранен. — И рассказывала более подробно, сбиваясь на каждом слове: — Его привезли ночным поездом, но отправили в другой госпиталь. Там он от кого-то услышал, что ты заведешь больницу, и попросил перевезти его... к нам. Позвонили нашему дежурному врачу и спросили: не найдется ли места для... какого-то его родственника. Это была, конечно, ошибка — они думали, что ты сам подошел к телефону. Врач согласился... и я... увидела, что это Аугуст. Доктор Гринбергс начал ужасно ругаться и пригрозил... что сразу же отправит его обратно... Я от твоего имени распорядилась... подождать... Не позволяй ему...

Доктор Кубелик, ничего не говоря, взялся за телефон. Несколько крепких русских словечек, брошенных в трубку, пришлись вовремя, Гринбергс как раз собирался осуществить свою угрозу. Обернувшись к плачущей племяннице, доктор Кубелик деловито осведомился:

— Он... тяжело? И куда?

— Я ничего... ничего... не знаю. Я... я еще не успела даже посмотреть его историю болезни... и с ним не поговорила как следует. Скорее... побежала к тебе. Но насколько я поняла...

Она не могла точно определить ранение, а поэтому выражалась многословно и порою путано:

— Он лежит на животе... и он... он... он сказал мне, что пролежал в таком положении... целых восемь дней. Наверно... у него поражена... regio analis.¹

Доктор Кубелик слушал ее внимательно, глядя в пол и стараясь уяснить себе сказанное. Ранения в нижнюю часть тела, как и вообще все ранения, бывают самого различного характера; во всяком случае, ни горевать, ни смеяться тут нечего, по суще-

¹ Область заднего прохода (лат.)

ству ничего особенного в этом нет. Он быстро оделся, выбросил препарат урины в грязное ведро, снова заключил микроскоп в футляр и погасил свет — можно идти.

На дворе было очень темно, шумел ветер, опять пошел дождь.

Фонариком освещая дорогу девушке, идущей чуть впереди, доктор Кубелик говорил:

— Надеюсь, что дело не так уж скверно. Regio analis — это еще ничего не говорит. Ты ведь достаточно навидалась всевозможных ран, чтобы не пугаться слов и тех представлений, которые они вызывают! Обычно ты своей стойкостью и смелостью даешь немало очков вперед даже иному ученому врачу, а тут вдруг испугалась какого-то латинского термина!

Айми-Ли обеими руками отерла мокрые щеки.

— Да... но он так осунулся! Такой бледный...

— Осунулся! Бледный! Глупости, глупости! — сказал доктор Кубелик и, ободряя племянницу, засмеялся. — Разве ты не ухаживала за людьми с пустячной царапиной где-нибудь, скажем, на икре или на плече, которые выглядели кандидатами на тот свет? И разве не лечила ты таких, что, кажется, вот-вот лопнут от упитанности, а потом ни с того ни с сего внезапно умирают? — Он сразу перевел речь на другое, и в свете того, что он говорил, все казалось действительно таким незначительным и обыденным.

— Нынешняя война — это трагедия миллионов, судьба отдельного человека — капля в океане, какой бы смертью он ни умер, куда бы его ни ранили. На следующем углу возьмем извозчика. Видишь, какая собачья погода!

— Да, взять бы извозчика — скорее доберемся, — откликнулась Айми-Ли.

Несколько минут они молчали, шагая как можно быстрее. Дождь лил как из ведра; с угольно-черного неба словно ручьями струилась вода, угольно-черный воздух наполнился журчащей, клокочущей, пузырящейся водой, угольно-черные, невидимые в темноте уличные канавы были полны до краев громко журчащей водой. Мостовая с глубокими выбоинами,

тоже невидимая во мраке, превратилась в сплошную исполинскую лужу, и путники брели в воде. Нигде не мерцало ни огонька, окна домов были задернуты толстыми занавесками; одинокие прохожие, застигнутые непогодой, неожиданно возникали из тумана словно призраки, сталкивались с идущими, спотыкались, сердито бранились, пытались проникнуть в подъезды, но те оказывались уже запертыми: даже самые близкие соседи вызывали в ту пору подозрение. Откуда-то стал приближаться размеренный гул, словно грозивший все затопить; он шел не то сверху, не то из глубин земли — как будто оттуда выплеснулся огромный мутно-грязный вал. Но оказалось, что это была проходящая мимо воинская часть. Офицеры искали дорогу в темноте, освещая ее яркими электрическими фонариками, и конусы света колебались вверх и вниз, в такт шагу лошадей; едва угадывались сгорбленные фигуры солдат, бредущих под проливным дождем, тускло поблескивали винтовки. Сквозь потоки дождя, сквозь плотный туман, оседавший на мокрые лица, слышались резкие слова команды. Воинская часть прошла как видение, трепетно мерцающий свет электрических фонариков как будто повернулся спиной к идущим, его слабый отблеск еле виднелся, постепенно угасая. Доктор Кубелик, стараясь и сейчас хоть немного помочь все еще всхлипывающей девушке, взял ее под руку и крикнул сквозь шум дождя:

— Бедняги! Им погоду выбрать не приходится, еще хуже, чем нам с тобой!

— Да, но им не так тяжело, как на передовой, — не сразу ответила Айми-Ли.

— В этом ты, конечно, права, не так тяжело, — согласился доктор Кубелик.

Они прошли еще порядочное расстояние, пока добрались наконец до места, где можно было найти извозчика. И действительно нашли — это был ленивый дед, который забрался на сиденье под поднятым верхом экипажа и храпел во всю мочь. При первом же окрике бородач с неожиданным проворством вскочил на козлы, подождал, пока седоки устроятся, отчаянно задергал вожами, так что лошадь едва не поднялась на дыбы, и сразу погнал вовсю. Кубелик

засмеялся: это все казалось так забавно, это казалось даже очень смешно! Но так как ехали они все же в нужном направлении, доктор промолчал. Сонная одурь у извозчика вскоре, видимо, прошла, он резко остановил экипаж на ближайшем углу, и смущенный голос спросил, точно откуда-то с высоты:

— Куда господин доктор прикажут?

Доктор Кубелик встал в пролетке и сквозь порывы ветра прокричал:

— В военный госпиталь! Давай в госпиталь! — Снова опустившись на сиденье рядом с племянницей, он принялся изо всех сил утешать ее; это был сплошной поток слов, порою усыпляющих, — ничего лучшего ему сейчас не приходило на ум.

— Да... да... дорогой дядя... и я хочу надеяться... — Она опять всхлипнула, а затем робко добавила: — По мнению доктора Гринбергса... правда, он был очень зол... бедный братец останется калекой, и это в лучшем случае.

— За такую болтовню мы самого Гринбергса калеккой сделаем!

— А если все-таки... — Айми-Ли запнулась.

— Никаких «все-таки»! — воскликнул доктор Кубелик. И так как события последних дней сильно разволновали его самого, он продолжал болтать напропалую, хотя и признавал, что должен бы стыдиться своего развязного тона. Смешно задрав голову, он говорил, словно покрикивал на кого-то: — Золотце, а кто такой этот доктор Янис Гринбергс! Попросту — дурак. Я тоже кое-что знаю, опыт у меня как-никак имеется, не правда ли? Эх, подрезал бы я этому нашему болтуну поджилки, чтоб не давал воли языку! И ни малейших угрызений совести не испытал бы!

Лед, который хотел взломать старик-врач, был взломан этой довольно-таки плоской шуточкой. Айми-Ли теперь не только плакала, но и смеялась. Она сидела очень прямо, но как-то неловко, и сквозь намокший рукав шинели доктор ощущал тесное, как бы просящее помощи, прикосновение ее локтя, тепло ее плеча, зрелую округленность бедра. Милая, мужественная девушка, пора бы ей успокоиться, найти себя, вновь стать такой же сильной, как всегда! Про-

летка катилась с камня на камень, хлюпала вода под колесами, дождь хлестал изо всех сил по кожаному верху. Однако небо чуть посветлело; бесчисленные крупные капли, разбиваясь о блестящий кожаный фартук, осыпали лица седоков крошечными холодными как лед брызгами. Нежно прижав к себе племянницу, доктор Кубелик снова заговорил, все так же многословно, все с той же целью — окончательно ободрить ее:

— Тебе следовало учиться на врача, да, надо было в свое время вместо этой проклятой «Töcherschule»¹ поступить в гимназию, окончить ее, потом пойти в университет, на медицинский. У тебя есть все данные, которые нужны врачу, — и сердце, и нервы. А в мире сейчас не хватает людей именно с этими качествами. Таких мало. Есть множество карьеристов, множество сентиментальных истериков, которые считают себя спасителями и поэтому делаются чрезмерно жалостливыми, есть весьма искусные мясники, у которых в груди кирпич вместо сердца. А чтобы стать хорошими врачами, мы должны быть по-христиански отзывчивыми и чуткими, и в то же время в каждом своем движении — точными, суровыми и смелыми, знатоками своего дела в лучшем смысле этого слова. Да, мы должны обладать хладнокровием и отвагой настолько, чтобы брать на душу ответственность, рискуя человеческой жизнью... когда смерть все равно заглядывает через наше плечо и этот риск представляется единственным слабым шансом... Черт возьми, какая собачья погода! Эй, старик, мне сдается, что ты все время едешь правыми колесами прямо по канаве, чего доброго, вывалишь нас в грязь!

— Нет, господа ошибаются, это Большая Кузнечная, — отозвался извозчик.

Айми-Ли засмеялась, уже во второй раз.

Доктору Кубелику захотелось рассмешить ее в третий раз, и он снова крикнул в непроглядную тьму:

— Послушай, старина, а что с нами будет, если ты где-нибудь на ухабе ось поломаешь?

¹ Школа домоводства в дореволюционной Эстонии.

— Эта? Нет, сударь, до Рижской улицы еще порядком ехать, — сразу же ответила непроглядная темень.

Наконец приехали. Доктор Кубелик сунул извозчику мокрые бумажные деньги, помог Айми-Ли выйти из коляски и быстро поднялся по широкой каменной лестнице, освещенной тусклыми дрожащими лампочками. Не успел он открыть двери, как в лицо хлынула донельзя знакомая смесь запахов: йодоформа, эфира, карболки, пота, разлагающейся человеческой плоти. Проходя длинными коридорами, доктор Кубелик снял перчатки и нервно потер зудевшие ладони одна о другую. Ему ясно представилось, как он снова быстро и четко займет свое обычное место: да, вот так, ведь он сам — частица огромного, наполненного болью организма, который укрылся в этом душном каменном мешке. На несколько часов он, Кубелик, вырвался из этого организма и его оболочки, а сейчас опять постепенно сливается с ним в одно целое. Ему вдруг представилась жутковатая картина: старый трехэтажный дом раздувается, расширяется дюйм за дюймом, чтобы он, доктор Кубелик, всем руководящий и все организующий мозг, мог снова занять свое гнездо. Разве эти стены не кланяются ему? Разве дверные проемы не растягиваются в широкой дружеской улыбке? Разве темные углы не подмигивают ему заговорщически: э-э, вздумал удрать отсюда, старый проказник! И он снова осознал свои обязанности и свои задачи — да, все они снова предстали перед ним, они ждали его, он должен их выполнять!

Повернув по коридору направо, он обратился к Айми-Ли, которая все время проворно следовала по пятам:

— Больше никаких значительных происшествий не было?

— Нет. В палате умирающих сейчас заняты три койки: поляк с гангреной бедра, один — из десятой, тот, что страшно мучился утром, и перебежчик-австриец с абсцессом легкого. Возможно, кто-нибудь из них уже... скончался.

— Да, это единственное, что остается им пожелать.

С этими словами доктор Кубелик отворил дверь в кабинет и... как вкопанный застыл на пороге. Из-за недостатка помещений приходилось использовать в госпитале каждый уголок, поэтому он перевел в свой кабинет и дежурную комнату. А доктор Гринбергс сегодня пригласил сюда какого-то гостя, и они пили, видно, с самого раннего вечера. Оба сидели у стола, скинув мундиры, таращили глаза и хрипло тянули песню. Мальчишка, вроде Пауля, с погонами поручика отбивал такт обоими кулаками по столу, а доктор Гринбергс, вытянув губы трубочкой, после каждой строки дурацкой песни громыхал: бум-бум-бум! Немного оправившись от изумления, доктор Кубелик гаркнул на них, словно из ружья выстрелил:

— Встать! Чем вы тут занимаетесь?

— А что вы, милсдарь, тут делаете?... — пробормотал хозяин пиршества и с трудом поднял голову. Однако чувство долга, видимо, еще не окончательно его покинуло, он как будто чуть протрезвел, наконец поднялся и промямлил, еле ворочая языком:

— К нам привезли... этого... самого капитана... вашего однофамильца, только... места у нас нет... даже для тех коек... что стоят в коридорах и ванной. А вы... его... как родственника... Я... я протестую!

— Замолчите и ступайте проспите! Завтра поговорим подробнее! — сказал доктор Кубелик, постепенно беря себя в руки.

Повесив на вешалку мокрую шинель и фуражку, он надел чистый халат, покинул загаженный кабинет и отправился провести своего друга, который где-то здесь с нетерпением ожидал его.

Что касается Айми-Ли, то она превратилась из племянницы, которая обращалась к доктору на «ты», в серьезную и толковую дежурную сестру и, следуя за начальством на должном расстоянии, мужественно глотала слезы, подступавшие к горлу.

На стенных часах в коридоре стрелки подходили к девяти.

Глава седьмая

КАПИТАН КУБЕЛИК ЛЕЖИТ НА ЖИВОТЕ

Молодая высокая сиделка, которую они встретили, выйдя из кабинета, сказала, что раненый, переведенный из другого госпиталя, помещен в шестую палату — там недавно умер от внезапного кровотечения какой-то солдат. Доктор Кубелик промолчал и только нахмурился. Подойдя к двери, за которой, наверно, их с нетерпением ждали, он остановился и, улыбнувшись как-то беспомощно и грустно, быстро взглянул на Айми-Ли, чтобы убедиться, что она держится достаточно храбро (в эту минуту девушка снова показалась ему такой близкой и славной). Наморщив лоб, от чего над мясистым длинным носом пролегли две глубокие морщины, доктор тихо сказал:

— Может быть, нам придется сразу перевязать его. Во всяком случае помни: надо быть мужественной. Этим ты поможешь ему больше, чем слезами.

— Я... я постараюсь... доктор, — виновато откликнулась Айми-Ли.

Доктор Кубелик осторожно открыл дверь и вошел в продолговатую комнату. Здесь было очень тихо, очень жарко и очень душно. Небольшое помещение, очевидно, предназначалось для совсем других нужд — все здесь было пристроено словно наспех и кое-как: электрические провода на потолке, проволока к звонкам над койками, маскировочные шторы на окнах. От сырости по штукатурке расползлись пятна, местами она обвалилась. Светло-желтая краска на полу стерлась. По внутренней стене тянулись в два ряда большие ржавые крючки — видно, раньше здесь что-то висело.

В палате лежали трое. Капитан-артиллерист, раненный в шею, читал толстую книгу, поручик,

тоже артиллерист, у которого несколько дней назад ампутировали по колено ногу, перебитую в трех местах и угрожавшую гангреней, смотрел в потолок. Он был еще очень молод и постигшую его беду еще не мог осмыслить как нечто неотвратимое. На третьей койке, у самых дверей, лежал тот, ради которого путники спешили сюда в ненастную ночь, черную как деготь.

Капитан Кубелик, как верно описала его Айми-Ли, был очень худ и выглядел крайне утомленным. Увидев дядю и сестру, он сделал попытку улыбнуться, но это не удалось, на лице у него застыла лишь напоминавшая маску усмешка. Он только беспомощно шевельнул рукой, свесившейся с края матраца: положение, в котором раненый вынужден был лежать, ограничивало всякую возможность двигаться, и от этого можно было сойти с ума. Сильно пожимая протянутые для приветствия руки, он сказал скрипучим, словно ржавым голосом:

— А, ученый муж, здорово! Итак, судьба, как и в прошлом, опять свела нас вместе, но с той разницей, что тогда я ходил на двух ногах. Не обижайся, если я вместо ожидаемых изъявлений радости задам вопрос, который сейчас больше всего меня занимает: что вы собираетесь со мной делать?

— Здорово, старый холостяк, здорово, — ответил доктор Кубелик. — Что мы с тобой сделаем? Ну разумеется, все необходимое, чтобы перевести тебя из горизонтального положения в вертикальное. Эге, да ты выглядишь не так плохо, как я представлял себе со слов Айми-Ли. Пожалуйста, сестрица, взгляни-ка сама! Не находишь ли ты, что раньше кое-что преувеличила? — закончил он несколько патетическим восклицанием.

И бедная маленькая Айми-Ли, сверх всякого ожидания, обнаружила ту стойкость и мужество, которых, как она знала, от нее ждали. Она кивнула головой и даже довольно искусно улыбнулась:

— Ну конечно! Но все это произошло до того внезапно... Если бы я могла себе представить...

Капитан Кубелик чуть повернул голову, чтобы лучше видеть, и пристально и вроде бы недоверчиво поглядел на нее.

— Черт побери, бросьте дурака валять! — сказал он наконец. — Я сам знаю, что дела мои не блестящи, но и подыхать еще не охота. Отчего же ты, чудачка, не сообщала мне о своей нынешней профессии?

— Сама... не знаю, почему... — потупилась Айми-Ли. И тотчас, как только она это сказала, ей вспомнилось минувшее лето, когда она вместе с другими девушками в белых платьях, с венками на голове, бросала цветы солдатам, проходящим в строю по городу. Сейчас память об этом вызывала только стыд, и от него краской заливало щеки. До чего же глупым и смехотворным казалось ей тогдашнее карнавальное настроение, которое до сих пор еще не забылось. Чтобы стряхнуть с себя эти постыдные воспоминания, она, глядя куда-то в сторону, спросила:

— А тебе моя профессия не нравится?

— Нравится, почему же нет, — ответил капитан Кубелик. — Каждому теляти хочется ныне шагать в ногу с нашей великой эпохой... и твой белый халат тоже придает эпохе кое-какие характерные черты. А главное — какое множество романтических фотографий останется у тебя для твоих детей!

— Твоя сестра — золото, мне без нее было бы трудно, — вмешался в разговор доктор Кубелик, взял со стола листок с историей болезни и углубился в чтение. — Ага, стало быть, со времени ранения прошло уже девять дней?

— Да, целых девять дней, — подтвердил капитан и поморщился от внезапного приступа боли, резкой, как удар ножа; искоса смотрящие глаза налились кровью. По-видимому, у него был жар, об этом говорили пылающие щеки, а также взгляд, в котором ощущалась какая-то неуверенность, какая-то мольба о прощении, как это бывает у людей, долгое время подверженных сильным страданиям. Наконец, стиснув зубы и сомкнув странно потемневшие веки, словно стараясь скрыть от других свои истинные чувства и переживания, раненый сказал:

— Слушай, ученый муж, ты мне хоть водки поднес бы. Спирта у тебя, наверно, хоть залейся, и беречь его тебе нет нужды: чего-чего, а этого зелья

в нашей могучей отчизне хватало даже в самые тяжелейшие времена. Ну, говори, говори, как ты находишь мое состояние?

Доктор Кубелик разглядывал рентгеновский снимок, принесенный палатной сестрой вместе с историей болезни. Отвечая раненому, он не был вынужден кривить душой:

— Рана не плохая. Когда организм выжмет из себя все эти куски железа, тебе сразу станет лучше. Кажется, и левый седалищный бугор затронут, но лишь слегка, и это в общем ничего не значит. Насчет водки — посмотрим и подумаем.

Айми-Ли неожиданно всхлипнула и в испуге закрыла рот рукой.

Капитан Кубелик, заметив это, насупил брови:

— Сестра моя родная, не ной, пожалуйста! — И тотчас снова перевел взгляд на дядю. — Я верю тебе, мудрый ученый муж, хотя все вы, медики, на один манер: утешаете всяческими сладкими словами, подбадриваете даже тех, кому уже ничем не поможешь.

— Да, иногда и я прибегаю к этому, — кивнул доктор Кубелик. — Но сейчас нет никакого основания для такой вынужденной лжи. — С этими словами он сунул раненому градусник под мышку. После долгого томительного ожидания вынул его и, взглянув, поднял брови: — О-го! Есть жарок. Но как бы то ни было, гораздо меньше, чем можно было ожидать после передряг в санитарном поезде. Сестра Айми-Ли, распорядитесь, пусть отвезут капитана в перевязочную. Да, ваше благородие, не мешает осмотреть тебя сегодня же вечером.

Айми-Ли снова судорожно всхлипнула и вышла из палаты. Слышно было, как удаляются ее шаги — тише, еще тише, и вскоре совсем пропали. Капитан, раненный в шею, с любопытством смотрел поверх своей толстой книги, как будто изо всех сил старался понять разговор на не знакомом ему языке. Поручик, у которого ампутировали ногу, по-прежнему разглядывал штукатурку на потолке. Он был поглощен своей собственной бедой, и все остальное его нисколько не интересовало. Где-то за толстой

стеной раздались было тихие стоны, но вскоре смолкли.

Доктор Кубелик все это время провел на ногах. Сейчас он подвинул стул и сел поближе к раненому другу. Капитан Кубелик, заметив на нем защитные форменные брюки, видневшиеся из-под халата, неожиданно рассмеялся:

— Ха-ха-ха! И на такого закоренелого пацифиста, как ты, напялили мундир! Если не ошибаюсь, ты обычно ополчался на все, что отзывало милитаризмом и казенщиной. Вот видишь, насколько ныне в этом грешном мире считаются с убеждениями людей вроде нас с тобою!

— Ты прав, братец, с нами не очень-то считаются, — согласился доктор Кубелик. И, зная, что эстонским языком владеют здесь лишь они двое, продолжал, пожав плечами: — Казенщина, милитаризм чужды мне и сейчас. Да, у меня стало больше работы по специальности, чем год назад, вот и все; разница лишь в том, что на работе надо носить форму. Вы пускаете друг дружке кровь, а я подчищаю последствия этого кровопролития. Впрочем, оставим эти мудрствования. Лучше расскажи о себе, о том, как тебе жилось в последнее время.

Капитан Кубелик опять поморщился и несколько раз глубоко затянулся папиросой, предложенной доктором. Во взгляде раненого снова мелькнула та покорность исстрадавшегося человека, которую врач сразу заметил, войдя в палату.

— О себе и о том, как жил в последнее время? — сказал он задумчиво. — А что тут, по-твоему, рассказывать? Жизнь героев одинакова везде и всегда. Атаки, контратаки, грандиозные наступления и пустяковые, крошечные отступления... исключительно из стратегических соображений. Ты, наверно, давно усвоил эту терминологию. Стрельба ночью, стрельба в полдень, стрельба вечером и поутру. Мертвецы, раненые, погибшие под развалинами и пропавшие без вести. Одних хоронят, другие гниют просто так... на вольном воздухе, под небом голубым и чистым. И вши за воротом, и грязь под ногами, и заскорузлые, немытые руки, и мерзкая вонь от заношенного белья. Что еще? Больше, пожалуй,

ничего примечательного нет. Ведь тебе едва ли важно знать названия тех городов или деревень, которые мне, вкупе с другими бедолагами, приходилось то оборонять, то атаковать и захватывать, и вряд ли нужно называть тебе реки и речки, глубина которых по-настоящему изведена лишь солдатами, когда водные преграды приходится форсировать под огнем пушек и пулеметов.

Свою горькую тираду он заключил вопросом:

— Ну, а ты? Доволен своим призванием благого целителя?

— Дьявольски недоволен. Я устал, — искренно ответил доктор Кубелик.

— Ага? Значит, и тебя, учитель, довели? Это видно — и по лицу, и по глазам.

Оба замолчали.

Раненный в шею капитан, который тщетно надеялся услышать какие-либо вести с фронта, снова углубился в книгу. Поручик без ноги тяжело вздыхал, не спуская с потолка глаз, как бы остекленевших от немого отчаяния.

Пришла Айми-Ли с санитарями, они положили капитана Кубелика на длинную каталку и ловко вывезли из палаты. Доктор Кубелик шагал рядом. Стараясь отвлечь внимание друга от приступов боли, вызванной движением и испытаниями сегодняшнего дня, он спросил:

— Ты все время был на австрийском фронте?

— Да, все время, — ответил раненый и снова заговорил торопливо, будто эти отрывочные слова несли ему какое-то облегчение. — Тебе, вероятно, известны такие названия, как Перемышль, Карпаты, Буг и прочее. Во всех этих местах оставил я свои грязные следы... Да и не только там... И если хочешь знать мое окончательное мнение... обо всей этой канители, то я скажу тебе твоими же словами: глупость, глупость и еще раз глупость! Не удивляйся, мудрый ученый, что сегодня я высказываю мысли, противоречащие моим прежним принципам; для того, чтобы сделать свой вывод о чем-либо, человек должен все увидеть воочию, пощупать рукой и попробовать на зуб, надо влезать во всякие обстоя-

тельства, как в кучу нечистот. Вот, ученый муж, я и влез в эти кучи... по самый зад.

— И признаешь теперь, что я прав? — улыбаясь спросил доктор Кубелик.

— Да, раньше ты тоже слишком часто бывал прав, — ответил капитан Кубелик.

Айми-Ли снова могла принять участие в разговоре. Она тоже улыбнулась и сказала:

— Да, действительно, дядя был прав во всем. Нам остается только ждать, чтобы это ужасное безумие наконец прошло.

— К сожалению, скорого конца не видно, — ответил ей брат и с размаха зло швырнул окурок на пол в коридоре.

— Н-да, — с рассеянным видом сказал доктор Кубелик. Наступило молчание. Добрались до перевязочной. Осторожно снимая пропитанный гноем плотный слой марли, доктор Кубелик снова заговорил, стараясь отвлечь внимание друга от боли и страдания:

— Странно, что наши войска не смогли удержать позиций, захваченных в первые месяцы войны. Казалось, один из противников довольно легко выведен из строя, да и другому, самому главному, скоро свернут шею. А теперь и тот и другой давно уже воюют по нашу сторону границы. С чего бы такая напасть, как ты думаешь?

— А что тут думать, все давно уже ясно, — ответил капитан Кубелик. — Произошло это прежде всего потому, что одним живым мясом не повоюешь! Россия, бесспорно, богата, но богатство ее заключается главным образом в человеческом материале, а свои природные ресурсы она еще не умеет, не в состоянии превратить в готовую продукцию, которая решала бы исход битвы. Пока австрийцы не подвезли на фронт достаточно орудий и пулеметов, мы попросту заткнули им рот нашими полками и дивизиями. А стоило им направить против нас и свою, и немецкую технику, мы уже не смогли продолжать в том же духе. Ух, ты там немного полегче, ученый муж! — чуть ли не криком закричал раненый, прервав свои рассуждения.

— Потерпи! — коротко бросил доктор, освободил

рану от последних бинтов и попытался оттеснить Айми-Ли подальше от перевязочного стола. Однако обойтись без посторонней помощи он не мог, поэтому приказал девушке: — Пошлите сюда сестру Марию. И поскорее!

— Я... я... сама, — пробормотала Айми-Ли, не желая уходить.

— Чего вы ждете? — еще строже сказал доктор Кубелик.

Когда девушка поспешно ушла, он снова всем своим костлявым телом склонился над капитаном и, прищурясь, деловито осмотрел рану. Она сильно гноилась, но ничего особенно плохого в ней не было, и это обстоятельство подняло у доктора настроение. Пришла сестра, заменившая Айми-Ли, и вместе с нею он уверенно принялся за дело. Он извлек из разможенной ткани несколько крошечных обломков кости; хватая пинцетами тампоны, которые подавала сестра, очистил, обработал рану. Действовал он очень осторожно, порою даже затаив дыхание. Когда раненый еле слышно застонал, доктор сразу же обратился к нему с новым отвлекающим вопросом:

— Ты что-нибудь слышал о своих двоюродных братьях Максе и Александре?

— Эти... эти скоты... ну их к черту обоих! — со стоном ответил капитан Кубелик, но через минуту, молча перетерпев боль, возмущенно продолжал: — Мои двоюродные братцы, эти бестии, оба на германском фронте. Я случайно кое-что слышал о них, главным образом от других офицеров. Им, говорят, живется хорошо: Александра Мартыновича за время войны дважды повысили в чине, он сейчас подполковник, как и ты. Он, слышно, величает себя уже не Кубеликом и даже не Кубеляевым, а Скобелевым. Обрати внимание, как эволюционирует наш богобоязненный родич — уже не Кубелик и не Кубеляев, а Скобелев... Породнился с самим Белым Генералом, ха-ха-ха! И к тому же подполковник, не забывай, золотце. В тридцать пять — подполковник, в тридцать шесть полный полковник, в тридцать семь или восемь — генерал! Это недурно, мудрый ученый, совсем недурно! Это честь всем нам, червякам!

— Ого! — сказал доктор. — Разумеется, недурно! Юстус говорил, что эти испытанные воины вскоре пожелают в отпуск, сразу и тот и другой. У Макса будто бы легкое ранение в мякоть плеча... Может быть, вы и встретитесь, чтобы обменяться своими военными впечатлениями.

— Провались они оба в нужник, с моего любезного разрешения! — ругнулся капитан Кубелик, и снова лицо у него исказилось гримасой боли. Он громко застонал, со лба скатились крупные капли пота. После того как сестра милосердия ласково отерла ему лицо, раненый снова взял себя в руки:

— Чего греха таить — я и сам был раньше таким же обормотом... Сейчас вот они карьеру делают, а я все в том же чине и только одну медалишку заработал. Ты не думай, что это меня трогает, что я завидую. Нет, черт побери, это все вздор. Главное, что я еще жив! Хотя и с больной задницей, а все-таки живу.

— Верно! Главное, что ты жив. Хотя у тебя и болит седалище, а все-таки живешь, — кивнул доктор Кубелик, извлекая из раны еще один белый кусочек кости. — А как с Максом? Он тоже здорово преуспел?

— Макс? Нет, он еще в одном чине со мной... У-уу! Нельзя ли чуть понежнее?.. А как у нас дома?

— Живут-поживают, — отозвался доктор Кубелик, заканчивая свою работу. Ему оставалось только перевязать раненого. Речь его оживилась, словно он уже заранее во всех подробностях продумал то, о чем сейчас рассказывал: — Насчет домашних не беспокойся. Мы тут прозябаем как полагается: тот же глубокий веселящийся тыл, как и во многих других местах. Одни торгуют, другие удобно устроились на тепленьких местечках, где им не грозит мобилизация, третьи бряцают шпорами во всевозможных учреждениях и языком берут то Вену, то Берлин. Вообще мы все теперь — верноподданные русские или, может быть, даже эстонцы, но никак не немцы... откуда-то там из Бремена. Ну вот! Как видишь, мы с этим делом справились благополучно. Или я тебе делал очень больно, ваше благородие?

— Нет, мудрый ученый, благодарю, — сказал капитан Кубелик. Перевязка была окончена, и дюжие, точно битюги, санитары повезли капитана Кубелика обратно в палату. Айми-Ли, терпеливо ожидавшая за дверью, храбро улыбнулась и погладила брата по руке, в которой тот держал папиросу. Худой была эта рука и, как показалось девушке, очень темной.

Где-то открывались и закрывались двери, теплым сквозняком тянуло по коридору. Неслышно сновали сиделки; в десятой палате снова застонал кто-то, монотонно и грустно; ночь всей своей тяжестью навалилась на госпиталь, неся его обитателям горячую испарину, лихорадочный бред, призрачные видения. Раненный в шею капитан-артиллерист отложил книгу на столик и от скуки вертел большими пальцами; одноногий поручик, судорожно стиснув зубы, по-прежнему не спускал глаз с потолка. Часы на лестнице глухо пробили десять и снова замолчали. Сильный дождь монотонно барабанил по занавешенным окнам; под темным октябрьским небом шумели все еще внезапно налетавшие бешеные вихри.

— Ты, наверно, скоро заснешь, — сказал доктор Кубелик и потрепал племянника по плечу. — Или у тебя есть ко мне какие-либо претензии?

— Претензии? Нет, не имеется, — пробурчал капитан Кубелик. Хотя боль и утомила раненого, ему хотелось подольше побеседовать с дядей. И он продолжил прерванный разговор о двух своих двоюродных братьях: — Этот Александр Мартынович Скобелев, по-видимому, все же далеко не глуп... как и обычно все карьеристы. До меня доходила довольно широкая молва о подвигах, которые совершил он сам и его часть. Немало тут, конечно, понавыдумано, но во всяком случае он — не Кузьма Крючков. Дядюшка Мартын Мартынович может гордиться своими сыновьями. Только эти наивные фокусы со своей фамилией мне совсем не по душе, хотя я и стараюсь относиться к нему беспристрастно.

— Он ведь русский офицер... что ж тут такого... — заметила Айми-Ли.

— От того, что он изменит фамилию на русский лад, у него в жилах не потечет русская кровь. Верно, ученый муж? — возразил капитан Кубелик. — Между прочим, прошлым летом, еще до отъезда на фронт, у меня произошла с ним довольно неприятная история, — продолжал раненый, вдруг засмеявшись. — Я встретился с Александром Мартыновичем случайно где-то в обществе. Человек я искренний, очень обрадовался и чуть не бросился ему на шею. Как ни странно, когда находишься вдали от родных мест, начинаешь сентиментальничать и видеть друга в каждом старом знакомом. Так вот, я, к сожалению, заговорил с ним по-эстонски. Он недоуменно пожал плечами и покачал головой: не понимаю, мол. Я извинился, сказав, что меня ввело в заблуждение случайное сходство. После, когда мы остались наедине, он пытался даже упрекать меня. Но тогда симулировал я: понятия-де не имею, кто он такой на самом деле. Видел бы ты, ученый муж, эту комедию! На нее, во всяком случае, стоило посмотреть, и я не забуду этого вплоть до моей блаженной кончины.

— Представляю себе, ваше благородие, представляю! — кивнул доктор Кубелик.

Айми-Ли смеялась.

Капитан Кубелик протянул сестре пачку папирос и попросил предложить соседям по палате. Затем он вдруг, словно собираясь с мыслями и еще раз прося прощения за свою прошлую жизнь, добавил:

— У меня лично, ученый муж, нет никакого права бунтовать против кого-либо. Ведь, правду говоря, я сам полтора года назад превозносил войну как основу общественного прогресса и личного преуспевания, единственно разумное явление в мире. А сейчас, как видишь, плюю в тот же колодец, и весьма основательно. Кстати, что касается моего двоюродного братца, то он отнюдь не единственный, кто не хочет, чтобы им напоминали... кое-какие неблагоприятные вещи из прошлого. Возьмем сыновей твоего друга, покойного старика Шмидехельма, — они давно уже из «благородных»! С одним из них я служил в полку, был даже его непосредственным начальством. Несколько раз он получал письма, адресованные

поручику фон Шмидехельму, и если бы я его не знал, то никогда не мог бы утверждать, что он родом не из какого-нибудь старого поместья в Курской или Вятской губернии. Да, ученый муж, меня и правда клонит ко сну.

Он почти мгновенно уснул, уронив папиросу, которую держал в пальцах, на пол рядом с койкой.

Айми-Ли и доктор Кубелик на цыпочках вышли из палаты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

ГОСПОДИН ЮСТУС БРАНИТСЯ С ЖЕНОЙ

В тот хмурый октябрьский день, когда доктор Кубелик возвратился из госпиталя мрачный и усталый, господин Юстус чувствовал себя чрезвычайно плохо. Он проснулся окончательно лишь около одиннадцати часов. Он видел ужасные сны: городской советник барон Вольфенбюттель и бывший городской голова из немцев гнались за Юстусом, причем у обоих в руках были большие сабли, похожие на тесаки, какими рубят кустарник; он панически бежал от преследователей, а потом, обернувшись солдатом, маршировал в непролазно грязной местности, где некуда было ни сесть, ни ступить и все кругом пахло забродившим кислым тестом. Господин Юстус с годами тучнел, и эта полнота угнетала его, мучила и душила; даже сквозь сон он ощущал, что простыни под ним мокры хоть выжми и на подушке не осталось и местечка сухого.

Но в то же время, хотя он сильно потел от внутреннего жара и духоты в непроветренной комнате, плечи его дрожали от неприятного легкого озноба. По-настоящему он заснул только под утро, когда на дворе уже светало и находившиеся поблизости предметы вновь приобрели свои очертания.

Окончательно проснулся господин коммерсант лишь незадолго до полудня. Он сразу почувствовал, что должен, как это ни противно, вытянуть шею и громко застонать — так отчаянно скверно он себя чувствовал. Каждая косточка в теле горела и ныла, все внутренности словно тронулись с обычных мест, поднялись и сдавили горло: ни продохнуть, ни глотнуть. Во рту пересохло, подступала тошнота, язык как будто невероятно распух. То и дело к горлу подкатывалась отрыжка, от которой несло тем же, что

и в ночном сне, запахом забродившего кислого теста. Согнув пальцы, Юстус долго и внимательно рассматривал руку, опухшую из-за плохой работы почек. Пальцы походили на отвратительные розоватые куски мяса. Вместе с отрыжкой по пищеводу время от времени поднималась какая-то жгучая жидкость, и ее приходилось сплевывать. Один раз он так надсадно закашлялся, что вынужден был поскорее сесть в кровати, — ему показалось, что он вот-вот задохнется от недостатка воздуха.

В то же самое время, когда господин коммерсант Юстус томился и метался в постели, жена его госпожа Эмилия спокойно спала и не помышляла о пробуждении. Муж искоса поглядел на нее, затем на часы, подумал, что надо бы встать и одеться, но вместо этого зябко натянул одеяло повыше, невзначай толкнув супругу локтем в бок. Госпожа Эмилия чуть подвинулась, пошевелила губами и вроде бы улыбнулась. Но тут же снова погрузилась в глубокий сон, она ведь тоже очень устала: с самого начала войны она была занята по горло — состояла членом всех патриотических объединений, проводивших сборы в пользу детей фронтовиков, числилась в двух общегородских обществах, которые пеклись о семьях павших воинов и распространяли в предместьях книжечки религиозного содержания; она же возглавляла организацию, по инициативе которой раненым, пребывающим на ложе страданий или на смертном одре, раздавались открытки с изображением всеблагородного Иисуса, а сынам отчизны, терпящим лишения на передовой, посылали теплые рубашки, вязаные жилеты, шерстяные носки и кистеты из цветных лоскутков. Таким образом, обязанности госпожи Эмилии были велики и ответственные, и нередко случалось, что она устраивала содержательные вечера с чаепитием почти по собственному почину.

В том, как войска проходили строем по городу, еще имелась немалая доля романтики, поэтому госпожа Эмилия частенько выходила на перрон или на перекрестки улиц, с корзиночкой в руке и трехцветным бантом на широкой груди, и раздавала солдатам папиросы. Она с гордостью рассказывала, что вде-

вала в петлицы живые цветы даже генералам. Ее единственной заветной мечтой было когда-нибудь попасть в окопы, в траншеи, побыть в непосредственной близости к истинным героям, порадовать их своими пакетиками и там, среди грязи и страданий...

Господин коммерсант Юстус зевнул, снова вперил взор в потолок, потом умиленно поглядел на давнюю спутницу жизни и отер тыльной стороной руки крупные капли пота, которые все обильнее катились по щекам, за ворот рубашки, на грудь. Госпожа Эмилия пошевелилась, гулко всхрапнула и закинула полные руки высоко за голову. Она выглядела сильно постаревшей: волосы были уже тусклые, все более теряли свой прежний цвет, только под мышками они все еще чернели и поблескивали, точно у юной девушки. Как и в течение всего последнего года, она и сейчас, даже во сне, слегка жеманилась: поджимала губы, растягивала уголки рта в тонкой улыбке, поднимала брови и раздувала ноздри. На ее скулах и на мясистом носу можно было и сейчас заметить следы розоватой пудры: госпожа Эмилия в последнее время стала усиленно заниматься своей внешностью. Не могла же она одеваться так просто и небрежно, как раньше, когда все ее общение с посторонними людьми ограничивалось участием в семейных вечерах. Сейчас ногти у нее были длинные, покрытые лаком, руки холеные, раза два-три ей даже делали педикюр... Но сегодня ноги у нее не отличались чистотой, потому что накануне она поздно вернулась домой и легла в кровать не помывшись...

И сейчас во сне она видела себя, наверное, на каком-то собрании, то ли выступала с речью, то ли высказывала свое особое мнение, — лицо у нее вдруг стало серьезным, темные брови презрительно сдвинулись. Поперхнувшись слюной, она закашлялась, открыла глаза, огляделась и с неподдельным испугом спросила:

— Боже мой, Юсти, который час?

— Скоро половина двенадцатого, — благодушно ответил муж, зевая в кулак.

— Господи, неужели половина двенадцатого! — еще громче воскликнула госпожа Эмилия, но и

теперь не поднялась, а продолжала лежать. Лицо у нее опять обмякло, она задумчивым взглядом посмотрела на свои вытянутые ноги, неподвижные в складках темного одеяла, ступни, чуть вздрагивающие от пульсации крови, влажные, скрещенные на животе руки. Комната, казалось, была полна густой серой пыли. Олеографии на стенах виднелись как бы сквозь легкую дымку, которая облачками реяла повсюду, где стояла мебель. Мокрые ветви за окном раскачивались на слабом ветру, море, угадывавшееся за парком, с ленивым шорохом набегало на песчаный берег. С пустовавшего городского пастбища, где каждый день солдаты усердно упражнялись в стрельбе, слышались беспорядочные винтовочные выстрелы и отрывистый треск пулеметных очередей.

Повздыхав, словно человек, угнетенный заботами, госпожа Эмилия нехотя сказала:

— Ой, Юсти, надо подниматься. Ничего не попишешь, время позднее, пора вставать.

— Верно, время позднее, — откликнулся господин коммерсант Юстус.

Они помолчали, глядя в потолок, и почти одновременно вздохнули. К самому носу госпожи Эмилии по невидимой нити спустился паучок, но, уstraшенный встречным потоком жаркого дыхания, сразу принялся сматывать свою нить. В соседней комнате прислуга занималась уборкой, двигала стулья, подметала пол. Дети еще не вернулись из школы, наверху царил тишина. Внезапно ветер взревел сильнее, море расшумелось, словно бесчисленные бичи с пронзительным свистом полоснули и без того беспокойную поверхность залива. Прислуга тяжело передвигала с места на место массивную мебель все вперед и назад, вперед и назад! Подняв брови, госпожа Эмилия в третий раз обратилась к мужу.

— Ой, Юсти, надо вставать. Хочешь не хочешь, а поднимайся. Поздно уже. Пора!

— Это верно, час и правда поздний, придется все-таки встать, — согласился господин коммерсант Юстус.

В столовой раздался бой часов, им вторили почти таким же звоном часы в гостиной и кабинете. При-

слуга лила воду, по-видимому, собиралась мыть пол. Господина коммерсанта Юстуса одолела отрыжка, которую он судорожно пытался подавить, но тщетно — отрыжка подступала ко рту, и тогда он всякий раз натягивал одеяло по самый нос, делая вид, что это просто так — для развлечения.

Госпожа Эмилия только сейчас заметила, что у нее на груди раскрылась ночная сорочка, вздохнула и опустила руки, которые закинула было за голову. Но ей хотелось раскинуться повольготней, потому что в спальней было очень жарко. Так она и сделала — ногами сбила одеяло в комок к изножью кровати. Ну да, так и есть — лежать стало свободнее, легче! Рассеянно пошевелив голыми коленями, она, видимо, вспомнила нечто весьма приятное и вместе с тем смешное: блаженная улыбка растеклась по лицу, и даже гусиные лапки под ее серыми глазами и те будто заулыбались. И тотчас же, словно застигнутая на месте преступления, госпожа Эмилия, смущенно взглянув на мужа, повторила:

— Ну так как же, по-твоему: не пора ли нам вставать? Время и в самом деле позднее!

— И верно... Время позднее, — почти теми же словами, но как-то очень медленно подтвердил господин коммерсант Юстус и снова вздохнул.

Пытаясь удержаться от упорно возвращавшейся предательской улыбки, госпожа Эмилия вдруг стала гораздо разговорчивее.

— Да, с удовольствием полежала бы еще немного — до чего же я утомилась! Вчера целый день как во сне — то одно, то другое, бегай, хлопочи!.. И живот своего требует... Утром, когда детей отправляла в школу, немножко перекусила с ними, да что с того, уже и проголодалась... И ты тоже еще не завтракал. Скоро уже пора опять отправляться, и туда зайти, и сюда... по делам. Нет, правда, чего мы валяемся? Ну, давай вставать! — И так как ей не удалось сдержать свою всю растущую загадочную веселость, она быстро повернулась к мужу спиной и прыснула в подушку, глубоко, с удовольствием вдыхая исходящий от подушки густой запах разных духов.

Но вскоре этот неожиданный приступ смеха прошел, госпожа Эмилия, снова став серьезной, приняла прежнюю позу и спокойно продолжала лежать. Прислуга, как всегда нерадивая, с грохотом опрокинула стул в столовой. Госпожа Эмилия вздрогнула, легонько вскрикнула, а господин коммерсант воспользовался случаем и основательно рыгнул, освободив желудок. Во рту у него по-прежнему было сухо и горько, он охотно хлебнул бы водицы, но графин на ночном столике оказался пустым, а вставать и идти через столовую в кухню не хотелось. Он мужественно терпел, перебирая в уме обрывки случайных мыслей.

Госпожа Эмилия, проклиная неосторожность прислуги, вдруг снова уснула. Ее мясистая рука, сползая по влажной от пота подушке, задержалась на темени лежащего супруга и нежно прижалась к нему. Эмилия пробормотала при этом нечто непонятное, по-видимому, какое-то имя, мелькнувшее в памяти.

Однако господин Юстус не обратил на это внимания, потому что, вдобавок ко всему, его затошнило, он вынужден был тихонько выбраться из постели и в одном белье проследовать на кухню. К счастью, там не было в тот момент ни кухарки, ни горничной, лишь огонь полыхал в плите и на сковороде шипели большие ломти мяса. Залпом выпив стакан освежающе холодной воды, тучный господин коммерсант пустился в обратный путь — в спальню. На ходу он обеими руками придерживал пояс кальсон, грозивших соскользнуть с бедер.

После такой вынужденной вылазки он снова залег в постель. Ему стало гораздо лучше — боль под грудью прекратилась, в животе не бурчало, даже тошнота постепенно прошла. Поэтому настроение его поднялось; теперь он не сомневался в том, что недавнее недомогание было вызвано лишь чрезмерной едой накануне. Да, разумеется, он уже не в том возрасте, когда человек может всю ночь напролет поглощать бог весть какие жирные яства и бог весть в каких количествах! «Ох, пищеварение, пищеварение!» — подумал он. Странно было представить себе, что еда может повредить человеку. А не будет ли

все же самым разумным сходить к брату Хансу, чтобы тот основательно осмотрел его?

Часы пробили половину первого. За окном стало еще пасмурней, доносящийся извне монотонный шорох приятно убаюкивал господина Юстуса, разрозненные мыслишки, которые до сих пор плавно и мягко проносились в сознании, теперь метались, как искры. Мерещились какие-то крошечные пейзажи — морское побережье под жарким солнцем. Минуту спустя он уже сидел где-то в густой и мягкой траве, пил шипучий лимонад. И вдруг случилось чудо, которого он никак не мог предугадать: лимонад превратился в нечто сухое, как мука, и застрял в горле!

Господин Юстус глотал, глотал, кашлял, давился и, наконец, рывком сел на кровати. Жена тоже проснулась и, потянувшись, несколько минут наблюдала за мужем из-под опущенных ресниц.

Когда противный приступ удушья прошел, оба довольно долго следили за пауком, разгуливающим по потолку, и беспричинно досадовали друг на друга. Наконец госпожа Эмилия, зевнув, проговорила:

— Боже сохрани и помилуй, это же какое-то безумие! Ты мог бы уже подняться. Не видишь, что ли: подошло время обедать! И вообще — за последние три дня ты ни разу не побывал в магазине!

— Это что еще, черт побери! Учти, я тебе не раб, чтоб вечно на голове ходить! — в сердцах отпарировал господин Юстус. Мгновенно улетучилась вся его недавняя нежность к своей старой подруге жизни.

— Господи Иисусе, как ты можешь... Юсти! Раб? Мой раб, который вечно должен на голове ходить? Никогда я этого тебе не говорила и не думаю говорить, но тебе нужно знать, что неплохо иной раз проверить служащих — вдруг нечисты на руку? Особенно сейчас, когда ты единственный владелец! — воскликнула госпожа Эмилия, покраснела и вдруг тоже закашлялась.

— Так, так, мне, видите ли, нужно это знать? А по-моему, и ты могла бы заняться чем-нибудь дельным, — злобно отрезал господин коммерсант.

Недовольство супруги возросло. Она откашлялась и, еще больше входя в раж, продолжала:

— Ах, вот как! Ты, видно, хочешь сказать, что я ленива, что я плохая хозяйка? Ну конечно! По-твоему, я только сплю да слоняюсь без дела, а ты за это меня кормишь. Я... я... трачу твои деньги и перевожу твое добро, наверно, потому что... Ты грубый, ты жестокий, я тебе этого никогда не прощу, и не думай... Я слышала от тебя столько упреков, перенесла такие издевательства, что... и не думай... Ты уже старый человек, мы женаты больше тридцати лет... Я была невинной девочкой, когда ты на мне женился, а теперь вдруг.. одумайся, бессовестный ты человек! Ни с того ни с сего... Ну хорошо же! Завтра отпущу обеих служанок и все буду делать сама. Будешь тогда доволен, дикарь? Тебе приятно будет смотреть, как я на коленях мою пол и чищу картошку? Уж-жасный человек! Ладно, ладно, терзай меня, мучай сколько можешь... что мне, слабой женщине, делать?

При этих словах госпожа Эмилия зарыдала столь бурно, что затряслась всем телом, начиная от тусклых волос и кончая растопыренными пальцами ног, на которых сейчас как-то особенно была заметна грязь.

— Замолчи ты, ведь я тебе ничего такого не говорил. Перестань молоть чепуху! — сердито бросил через плечо господин коммерсант.

Госпожа Эмилия резким движением села в кровать.

— Ах, по-твоему, я мелю чепуху? Я, значит, мелю чепуху? — Ее и без того высокий голос временами доходил до визга. — Ах, значит я не говорю... а мелю чепуху? Хорошо же, хорошо. Я теперь больше ни слова не скажу, раз я только и умею молоть! Ты говоришь, а я мелю чепуху. Все другие говорят, а я мелю! — Внезапно притихнув и грустно качая головой, она продолжала: — Если бы ты думал, что ты говоришь, милый муженек, ты мне таких вещей не сказал бы. Я уж и не знаю, как себя вести, чтобы ты был доволен мной. Все тебя раздражает — то одно, то другое. Остальные люди как-то уважают друг друга, живут в дружбе и согласии, а тебе только бы бранить меня... бранить... Ну, что же, брани, если охота! Брани,

если угодно... Для того я и существую, чтобы ты...

— О-ох! — простонал Юстус и сделал вид, что хочет заткнуть уши. — Тра-та-та-та! Умоляю тебя: попридержи язык, прошу тебя... ты... ты... старая кляча!

Ругательство сорвалось невзначай, но тем ужасней было его действие. Госпожа Эмилия смолкла, всхлипнула, скривила лицо и разревелась еще громче. Толстые щеки ее пошли красными пятнами, мясистые губы нервно подергивались. Слезы до неузнаваемости изменили ее лицо, в нем появилось что-то очень отталкивающее и гадкое. Она сжала колени и укрылась одеялом, точно надеялась отомстить мужу этой подчеркнутой супружеской отчужденностью. Но так как господин Юстус сегодня остался тверд и никакого внимания не обратил на отчаяние супруги, то ее истерический припадок быстро прошел. Уголком простыни она вытерла лицо и сердито процедила:

— Хищ-ник — вот ты кто! Раньше норовил в немцы выйти, мечтал об этом, так знай, немчура старая, такой ты и есть! Самый настоящий старый немец! Удивительно, что ты еще со мною не расправился, как твои сородичи в Польше расправляются, да и не только там... Нет в тебе ни на грош ни эстонской, ни русской крови, и не вздумай тут пыль в глаза пускать! Можешь коверкать наш славный государственный язык сколько влезет, все равно немец ты есть, и немцем останешься. Конечно, Бремен тебе и во сне не снился, уж это я знаю. Какой-нибудь прощелыга барон обрюхатил девку-скотницу, вот ты на свет и появился! Ну хорошо! Можешь меня мучить, я все равно из-за тебя в петлю не полезу, и не надейся, негодяй бесчувственный!

— Тра-та-та! — снова пробубнил Юстус и устало закрыл глаза.

Вскоре он уже спокойно спал, усыпленный бесконечным потоком слов, все более злых и безобразных, катившихся через него, как дождевые капли по стеклу.

Когда господин коммерсант пробудился в третий раз, время перевалило за два часа. Наконец-то он

почувствовал себя вполне отдохнувшим! Откинув с лица край простыни, Юстус вскочил с постели, чтобы одеться к обеду, аппетитные запахи которого просачивались сквозь дверные щели.

Тут же Юстус глянул на жену — та уже успела причесаться и, сидя на кровати, натягивала чулок. Розовые панталончики туго облегали ее бедра. Усталую после яростной перебранки, ее тоже сморил сон, и она, по-видимому, лишь недавно проснулась. Хотя гнев госпожи Эмилии давно испарился, она всячески выказывала свое недовольство, поджимала губы и шевелила ноздрями, словно принюхиваясь к чему-то. На голой шее у нее багровели две жирные, потные складки. Шаркая туфлями, Эмилия прошла к шкафу и, высоко подняв руки, надела длинную темную юбку. Потом, занявшись блузкой с буфами на рукавах, она обратилась к мужу низким голосом, напоминавшим гудение шмеля:

— Поторопись, пожалуйста! Дети, наверно, давно уже вернулись. Просто стыдно — так заспать! Кроме того, мой брат как раз сегодня хотел прийти к обеду. Горничная сказала, что стол уже накрыт.

— Не беда, успеем, — ответил господин Юстус. Заканчивая свой туалет, он весьма миролюбиво добавил: — Да, здорово поспали! Но можем утешаться тем, что так бывает не каждый день. Завтра наверстаем потерянное время. Не так ли, милостивая государыня?

— Чего ты паясничаешь? — сказала госпожа Эмилия, видно, не намереваясь сразу же идти на мировую. Ведь оставаясь непреклонной, она может кое-что выгадать для себя!

Господин коммерсант Юстус вытянул губы трубочкой и по-мальчишески заюлил перед супругой:

— Ай, ай, милсдарыня, ты никак в самом деле рассердилась! Стоит ли? Злопамятность — великий грех. Бери пример с меня: громыхнул разок, как гром, а спустя четверть часика все позабыто. Ну, прости, женушка, прости и не презирай, иначе, поверь, у меня разорвется сердце!

— Вот всегда ты такой! Ругаешься, ругаешься, а я только терпи! — сказала госпожа Эмилия.

— Нет, погоди! Выслушай, выслушай, пожалуйста, мои покорнейшие извинения! — воскликнул господин коммерсант, готовый в шутку упасть перед женой на колени.

Постучалась горничная и доложила за дверью:

— Господин и госпожа Керих.

Госпожа Эмилия быстро пожала руку мужа и, чуточку волнуясь, сказала примирительным тоном:

— Ну ладно, Юсти! Объяснимся после, а сейчас — марш к столу!

Следуя друг за другом и широко улыбаясь, они прошли в гостиную — очень солидные, очень воспитанные люди.

Старинные часы с медным циферблатом пробили три.

Глава вторая

ТРАПЕЗА ЧАД ГОСПОДНИХ

Набожный учитель музыки и его богобоязненная жена сидели рядышком на кушетке, держа руки на коленях. Казалось, перед тем как идти в гости, они тщательно начистились и напomaдились, придали себе достойную и значительную мину. Господин коммерсант с легкой неприязнью покосился на своего шурина и невольно подумал о Беренсе — верном и преданном работнике, который вел у Юстуса торговые дела и тоже был всегда начищен и нафабрен, с той лишь разницей, что весь он казался покрытым невидимым слоем пыли.

Гости вежливо поднялись и разом, словно по команде, заулыбались улыбающимся хозяевам. Господин Керих сказал:

— Здр-р-р-авствуй, дорогая сестра, мы просим извинить нас за опоздание. Разного рода препоны не позволили нам сдержать слово... Здр-р-равствуй, милый Юстус! Разреши узнать, как ты поживаешь?

— О, господи... здоровы ли вы все? — спросила госпожа Керих с таким испуганным лицом, словно она давно уже чуяла какую-то беду.

— Благодарю за внимание, да, мы все здоровы, — сказала госпожа Эмилия. — А вы как?

— Мы тоже, тоже, — ответил господин Керих.

— И мы тоже здоровы, — подтвердила госпожа Керих со своей стороны и добавила, боязливо глянув на мужа: — С божьей помощью... мы тоже совершенно здоровы.

— Вот именно, — с божьей помощью, — сказал господин Керих, как бы дважды подчеркивая каждое слово. — Ибо в годину суровых испытаний, ставшую нашим уделом, люди могут жить только милостями вседержителя Иеговы. Слава богу и бла-

годарение за великие щедрости, явленные нам, грешным! — воскликнул он, еще более напрягая горло и возводя взгляд к потолку. — Ныне, когда царства ополчились на царства, простолюдины на простолюдинов, князья на князей, императоры на императоров, знаем ли мы вечером, отходя ко сну, увидим ли еще завтрашнее утро? Я сегодня снова читал библию... Я и моя дорогая супруга, мы вместе еще раз основательно углубились в нее и более всего в книгу откровения святого апостола Иоанна, и мы нашли там очень много поучительного, чего раньше там, может быть, никто еще не находил. Какое ужасное пророчество, о, какое мудрое, проникновенное, но одновременно и страшное пророчество! Только глубоко продумав каждое слово и каждую строку, мы ясно видим, что годы страшной кары, которые послал нам господь бог, были нам давно уже возвещены! Да, да, сколь это ни кажется нам удивительным, не только сама нынешняя война, но и все ее главнейшие сражения были предугазаны нам благочестивым Иоанном. У меня есть один набожный знакомый... правда, он не истый лютеранин, а принадлежит к секте адвентистов... так вот, этот набожный знакомый неоднократно давал мне необходимые указания, как именно следует понимать священное писание.

— Да неужели? — спросила госпожа Эмилия и от волнения широко раскрыла глаза.

— Представьте себе! — воскликнула госпожа Керих и тоже вытаращила глаза. Добродетельная супруга, она, казалось, всю жизнь ходила чуть ли не на цыпочках, чтобы невзначай не причинить кому-либо зла. И сейчас, дождавшись, пока другие умолкнут, продолжала тихим голосом, роняя слова, точно мягкие пушинки: — Это действительно достойно удивления... Мы мним себя очень важными... думаем, что мы очень умные... Но это не так, это — заблуждение... Отец небесный давно уже занес наши судьбы в свою великую книгу жизни... об этом он свидетельствует в святой библии!

— Да, да, истинная правда! Только жаль, что пророки иногда выражаются очень путано, — сказала госпожа Эмилия, чтобы не отстать от гостей.

— Путано? О боже... как же так? — изумилась госпожа Керих и посмотрела на мужа, словно спрашивая совета.

— Да я думаю, что... я их не сразу понимаю... пока не покормишь над ними, не разберешься, — слегка небрежно заметила госпожа Эмилия.

Господин советник Юстус заложил большие пальцы в проймы жилета и сказал, также не заботясь о тщательном отборе слов:

— Что верно, то верно! И я тоже в этих писаниях ни бельмеса ни понимаю.

— Ты должным образом не стремишься понять, не стремишься, поэтому! — терпеливо вразумлял его учитель музыки.

— Черт его знает. Иногда я, по-моему, серьезно старался, — сказал господин коммерсант Юстус.

— Пу-та-но? — повторила госпожа Керих, укоризненно глядя на госпожу Эмилию, и покачала своей крупной головой, слегка склоненной под тяжестью густых волос.

Учитель музыки пустился в пространные объяснения:

— Лично я никогда не осмелился бы сказать: путано. Разумеется, моему пониманию доступно еще не все, это правда. Однако до известной степени сокрытие истин от слабых духом сынов человеческих вполне уместно. Разве хорошо, по-твоему, если любой невежда сможет без особого труда познавать великие божественные пророчества? Нет, дорогой Юстус, даже очень хорошо, что это написано преимущественно для нас — христиански мыслящих людей. Так же, как и этот благой принцип: каждый да трудится в поте лица, чтобы обрести блаженство!

— Если бы люди научились разуметь нашу святую книгу книг, воспринимать те знамения, которые открываются нам на каждом шагу в повседневной жизни... — проговорила госпожа Керих.

— Ты права, жена, — подхватил учитель музыки. — То имеющие очи могли бы давно уже видеть, а имеющие уши — слышать! Ведь и о начале нынешней грозной войны было возвещено всевозможными знаками и чудесными явлениями. Страш-

ные всадники в тучах! Ягнята с отрубленной головой! Огромные стаи саранчи неслись поначалу с севера к югу, а потом обратно — с юга на север! Подумайте только: сперва — с севера на юг, а потом с юга на север! Я сам знаю нескольких человек, которые видели ночью летающего овна с серебряным руном. И многие суровые воины видели тайные знаки, когда шли в бой и когда возвращались с поля битвы! Неисповедимы пути господни, и я всегда говорю: те, кто не верует, кто изрекает надменные слова, будут покараны!

Незаметно для себя благочестивый учитель музыки снова повысил голос, как заправский проповедник; затем ему стало чуточку неловко и он принялся утирать пот. Господин коммерсант пожал плечами, протяжно зевнул и сказал:

— Всякое бывает, конечно...

Госпожа Эмилия проявила несколько больше интереса к затронутому вопросу.

— Как все это справедливо. Даже я сама, как теперь припоминаю, заметила прошлым летом, перед самой войной, совершенно необычные вещи, но только не решалась никому говорить об этом. — И она с жаром, порозовев от благостного волнения, рассказала: — Однажды поздно вечером вышла я во двор и вижу: стоит у нашего колодца черный человек... высоченный черный человек и простирает к небу огненную руку. А из пальцев... у него молнии так и бьют! Напугалась я до смерти, чуть не упала. Даже и сейчас, через год, не могу понять, как у меня хватило тогда духу на небо посмотреть! Верьте не верьте — луна, круглая, огромная, вздулась, точно волдырь, налитый кровью. Именно волдырь! Помнишь, Юсти, я долго не могла прийти в себя, как сумасшедшая.

— Помню, помню! Стало быть, ты с перепугу этак?... — подивился господин коммерсант, хотя наверняка не помнил ничего подобного.

— Это означало войну. Только войну, — убежденно сказала госпожа Керих. Сейчас она не казалась той кроткой и безответной женщиной, какой ее издавна считали.

— Поди ж ты, с перепугу, а? — повторил господин

коммерсант. — И ни словечка мне обо всем этом не сказала, ай, ай, ай! Почему же?

— Сама не знаю, почему! — воскликнула госпожа Эмилия и неожиданно до того поверила в рассказанную историю, что вздрогнула, словно от холодного ветра.

— Было очень много предзнаменований — это твердо установлено, — заявил учитель музыки Керих. — Сумей кто-нибудь их вовремя записать, человечество извлекло бы огромную пользу для себя. Да! Но мы не смогли даже прочесть их. Ибо нужна большая мудрость, чтобы узреть и понять невидимое. Если бы немцы и австрийцы были покорны и смиренны, как наш самодержец и наше великое отечество... и если бы они сумели разгадать ниспосланные знамения и мудрость святой библии, они не взялись бы за оружие, а жили бы в радости и счастье. Но они зазнались и возгордились и, не сумев провидеть будущее, вознамерились одолеть нас... И ныне острый меч российского императора косит их, как траву. Кровью залита половина всей земли, миллионы стонут: о горе нам, горе! — Учитель Керих, обратив прищуренный взор к потолку и сопровождая свои слова глубокими вздохами, продолжал: — Так оно и есть, дорогие друзья. Слишком далеко отошли народы мира от божественной мудрости и ее познания, чтобы понять вещие пророчества, поэтому и суждено людям нести тяжкую кару за свои прегрешения... ох, какую тяжкую кару!

— Это очень серьезный вопрос — насчет греха, потому что нынешняя молодежь сама, видно, не знает, что делает и чего хочет, — сказала госпожа Эмилия, а затем, чинно поднявшись, кивнула в сторону столовой: — А теперь перейдем туда, дорогие гости! Да, сейчас никто не думает о том, что мы живем не только в этом мире! Прошу к столу. Ты, братец Адольф, садись здесь, а тебя, дорогая невестка, посадим туда. Я однажды беседовала с пастором, и он сказал, что многие годами не бывают у причастия. Эрика, будь повежливей и не толкайся. Рондольф, тише! Отправляю в угол, если не перестанешь! — прикрикнула она на детей, которые, как обычно, затеяли возню. — Ведь не так трудно посвя-

щать ежедневно хоть две-три минуты заботам о своей душе... не терять связи с церковью, с любимым пастырем. Очень, очень сомнительно, чтобы в каждой семье соблюдали старинные домашние обряды — я говорю об утренней и вечерней молитве. Милый сынок, подай-ка сюда хлеб, будь же хоть раз о кавалером, — с нежной улыбкой обратилась она к Антону, который только что сел на свое место.

— Пожалуйста, — хмуро буркнул Антон низким голосом.

Учитель музыки Керих взял себе большой кусок жареного мяса с луком, обильно посыпал его перцем, а на край тарелки намазал толстый слой темно-желтой горчицы. «Настоящий христианин не должен превращать вкушение пищи в забаву», — изрек он однажды, занимаясь этой процедурой.

Слова сестры, видимо, пришлись ему по душе — он торжественно и степенно склонил голову. Когда же он отправил в рот первый кусок мяса, глаза у него как-то странно заблестели, нос покрылся каплями пота, на лысине проступила испарина. Слегка подавшись вперед, учитель музыки сердито заговорил, словно вступил с кем-то в ожесточенную полемику, одновременно перекачивая во рту жгучий кусок жаркого.

— Ты, разумеется, права, сестрица, говоря о безразличии к вопросам веры со стороны некоторых наших соотечественников. И это можно отнести не только к молодому поколению, но и к старшему! Мало того, что нет надлежащего уважения к домашним молениям, над религией и богом попросту насмеются. Но бог не потерпит, чтобы глумились над ним самим и над верою в него. Рано или поздно разразится его священный гнев и тогда последует возмездие! (В эту минуту кусок мяса, щедро смазанный горчицей, жег, наверно, особенно сильно!) И я, будем откровенны, ничего не имею против этого. Да, не имею! Пусть грядет... это возмездие. Пусть! Так и должно быть! И еще нужно, очень нужно... для будущих поколений, чтобы верующая община сама взялась за дело и с божьей помощью устроила во всем мире святую варфоломеевскую ночь. Благодетельную, беспощадную и суровую! Корчевать

сорняки, резать их под корень — не грех, это необходимость, это творит каждый добрый хозяин на своем поле. А если пренебречь этим, упустишь время, чертополох и крапива заглушат все полезные злаки, и они не взрастут, и тогда настанет голод. — Учитель музыки глотнул раз, другой, пламя за щеками погасло, и он, сразу став гораздо терпимее, утер пот с носа и темени и продолжал уже по-дружески: — Война, которая сейчас омрачает чувства и мысли народных масс, является тоже своего рода достойной карой, но наказует она не всегда должным образом, и многие удары постигают и праведных. Поэтому нужно пройти дом за домом... и все духовно загнившее... попросту изничтожить... Я сейчас отведал твоей горчицы, Эмилия, она сегодня поистине вроде очистительного огня. Я много думал и пришел к заключению, что все сотворенное богом как на земле, так и во глубине вод, под землею и высоко над нею в небесных облаках должно принадлежать сообществу верующих, а не тем, кто идет тропой отступничества и кто падок на всякие греховные земные утехы.

— Ну конечно! Ну ясно! — поддакивал господин коммерсант Юстус, уплетая цвибельклопс кусок за куском, воздерживаясь, однако, от острых приправ. Ему порядком надоело слушать Кериха и, он ткнув вилкой в ломтик огурца, поднес его к своим пышным усам, придержал у рта, прежде чем съесть, затем оперся локтями о стол и сказал: — Ну, дружище, мы, кажется, вдоволь наговорились о делах небесных, перейдем-ка теперь к делам земным. Вчера я не без маленькой задней мысли пригласил тебя к нам... Мы ведь довольно близкие родственники, не так ли? Так вот, мне посчастливилось снова немного раздобыться сахарком и саговой крупой. Товар отменный, поверь, старина. Сахар — белейший, как морская пена, а саго — крупинка к крупинке, точно муравьиные яйца. Если пожелаешь, отсыплю тебе сколько угодно, ну скажем... по мешку того и другого!

— Господи, Адольф! — воскликнула госпожа Керих таким выразительным, сочным голосом, что душу господина коммерсанта пробрала сладостная дрожь.

— О-о, tanke!¹ По нынешним временам это прямо-таки дар господень! — сказал учитель музыки, зардевшись от удовольствия и даже забыв о том, что с первых же дней войны он тоже перестал быть немцем и превратился в латыша из города Вынну. И как всегда при столь сильных переживаниях, он вновь устремился в дебри благочестивых слов: — Благодарю, о, благодарю! Видите, друзья, как силы небесные благословляют начинания твои... Даже сейчас, в годину тяжких испытаний, когда десятки и сотни... ах, что я говорю! — когда тысячи и миллионы не знают, что принесет им завтрашний день, когда во многих домах царит вопиющая нужда, нам, богобоязненным, даруют как бы спасительную манну небесную. Поэтому я и говорю, что мы, ревнители веры, должны проявлять более энергичную деятельность во славу и защиту нашего создателя. Почему бы не стать нам карающей десницей, которая очистит вертограды господни от греховной плесени? Почему бы, да, почему бы нам не стать тем острым серпом, который избавляет хлебные злаки от их душителей-сорняков?... Почему, о почему не уподобиться нам отточенному ножу, что вырезает из тела гнойную опухоль, дабы не отравила она нашу кровь и плоть?... О, милые мои, дорогие друзья, почему бы не стать нам вроде...

— А правда, мама, почему бы дяде Адольфу не быть как те толстощекие мясники на бойне? — Рондольф обратился к матери с весьма невинным видом, но глаза у него были наглые.

— Ты, мальчик, помолчи, когда взрослые разговаривают! — лениво и скучно протянул господин Юстус.

— Но, папа, вы же не разговариваете. Дядя Адольф просто проводит очень интересный урок! — крикнула Эрика и сама звонко засмеялась своей смелой шутке.

— Ха-ха-ха! Толстощекий мясник с бойни! Ха-ха-ха! — загоготал Антон, вызывающе покривился и крестом сложил на тарелку вилку и нож.

¹ Искаженное немецкое danke — благодарю.

— Ну, послушай, ты! — протянула госпожа Эмилия, покраснев.

— Подумать только: мешок саго и мешок сахара!.. — проникновенно произнесла госпожа Керих и обвела всех сидящих за столом взглядом светлокерих глаз.

Рондольф вдруг заторопился уходить, так как недавно начавшийся дождь постепенно утихал.

— Знаешь... меня уже начинает тошнить от этого твоего мясника, — шепнула ему Эрика.

— Черт побери, заткнетесь вы или нет! — обозлился господин коммерсант Юстус, потянулся за бутылкой вина, о которой совсем забыл, и, направляя беседу по другому руслу, сказал хвастливо: — Да, мне грех жаловаться, торговля идет хорошо! По правде говоря, даже очень хорошо. Хендрик, старый упрямец, сглупил, когда бросил фирму и забрал свою часть капитала, а мне это безусловно на пользу. Через наш город проходят крупные воинские части, всем им нужен провиант и фураж, а у меня знакомых хуторян — множество, и я один поставляю сена и овса столько же, сколько все остальные торгаши вместе взятые. — И он вдруг принялся похвалиться без удержу, хотя вообще это не было ему свойственно.

— Захоти я только, я бы получил на это дело монополию! — воскликнул господин коммерсант, многозначительно подмигнув. — Без всяких разговоров. Но дело в том, что я сам этого не хочу, я уже не мальчик, чтобы шнырять туда-сюда. Пауль, правда, кое в чем сейчас помогает, но все-таки... Итак, за ваше здоровье, друзья! Ну, ну, проухен¹ Хелене, неужели вы не отведаете винца? Это известный старинный сорт! И ты, Антон, тоже пропусти глоточек — вино тебе не возбраняется.

— Нет, благодарю, — наотрез отказалась госпожа Керих, покачав головой, увенчанной тяжелой коронной волос.

— Прозит! — Антон подмигнул Рондольфу и еще дважды наполнил свою вместительную рюмку.

¹ Уменьшительное от «проуа» — госпожа (эст.), искаженное на немецкий лад.

Господин коммерсант Юстус вытер усы и с хитринкой в голосе продолжал:

— Рука руку моет — что там ни говори! Вчера у нас побывало само начальство Пауля, brave полковник, старина Квадратов... Ну и душа-человек! Он уже сколько раз выручал меня: то одного товара подкинет, то другого... Разумеется, не просто так, а за сено, за овес, как я уже объяснял. Вот он и сказал мне: «Все мы — добрые верноподданные российского престола, и если ты, Юштуш Мартынович, не оставишь меня в беде, то и я тебя не оставлю, если в беду попадешь. У меня, понимаешь, все время излишки выявляются, и они никому не принадлежат — будь любезен, забирай! Только чур, говорит, и ты про меня не забывай, выполняй свое обещание насчет овса и сена как полагается». Ну, черт побери, я тоже не вчера родился! «Будет сделано, — отвечаю, — конечно, будет! Доставлю сколько тебе понадобится и еще сверх того». Сам он не то из-под Харькова, не то из-под Саратова, и ребят у него целая куча. Двое сыновей тоже служат... любимой отчизне. «Не бойся, — говорю ему, — уж я тебя в беде не оставлю!». Прошу, господа! Прозит! Вкусное вино! У меня осталось случайно в погребе несколько бутылок, потому что я всегда держал маленький запасец. Нынче это — чистая благодать божья, ха-ха-ха!

— Ваше здоровье! — отозвался учитель музыки. — Прекрасное вино, прозрачное и сверкающее, как и вся твоя коммерция. Скольких несчастных ты выручил из беды! Кое-где можно еще что-либо раздобыть, но кому под силу стоять в очередях с утра до вечера! Видите, господь никогда не забывает тех, кто не забыл о нем. Почем сейчас саго и сахар?

Господин Юстус величественно повел рукой.

— Не бойся, с оплатой мы тоже уладим. А ну-ка еще рюмочку! Так. А если тебе этого добра потребуется побольше — только скажи! Скажи, дорогой Адольф, и отказа не будет. Начальник нашего Пауля мне сколько раз вчера говорил: «Для тебя, Юштуш Мартынович, всего хватит». А чего мне, Юштушу Мартыновичу, хватит, того хватит и для моей родни и для друзей. Может быть... цена и поднимется...

а пока — ваше здоровье! Неужели не хочешь еще капельку?

— Зато я хочу, папа, — пробасил Антон.

— Ты? Ну что ж, пей, сынок, — отозвался господин Юстус и, весело засмеявшись, налил вина в его рюмку.

— Пути господни, друзья мои, неисповедимы, — произнес Керих, отхлебнул вина и скрестил руки. Спустя несколько минут он выпил рюмку до дна, облизал губы и снова скрестил руки. — Мы способны многое познать в мире, но деяния господни для нас все-таки непостижимы. Все, что доступно нам, это... жить в кротости и без греха... Да, дорогой зятек, вино у тебя превосходное, ну-ка, еще капельку... Это ведь не во грех... Сам Иисус... в Кане Галилейской на свадьбе... Спасибо. Плохо что? Плохо, когда гордыня обуревает нас, когда речь наша безобразна... и плотские вожделения чрезмерны. Милая сестрица, передай мне булочки. Благодарю! Разве не встречал каждый из нас людей, которые кичатся своим разумом и поносят то, что не могут понять?.. Разве не попадались нам с виду вполне просвещенные соотечественники, которые дурно отзываются и о пастырях, и о самой церкви? Разве не приходилось всем нам беседовать с мужами или женщинами, которые не верят в таинство святого причастия и отпускают на сей счет безобразные шуточки? Разве каждый из нас не увещевал закоснелых грешников, призывая их одуматься... кхе-кхе-кхе!

— Ну и ну, — сказал Антон и снова крест-накрест сложил на тарелке нож с вилкой.

— Мам, а мам, дядя все еще продолжает свой урок? — звонко выкрикнула Эрика.

— Девчонка, тебе еще попадет сегодня от меня, — пригрозила мать, краснея от досады.

— Дура! — шепнул сестре Рондольф. — У дяди вечером проповедь в молитвенном доме, вот он и упражняется.

— О-хо-хо! — загрохотал Антон, снова развеселившись и почувствовав отличный аппетит.

— Мальчики, ради бога, вы можете хоть немножко держаться в границах? Сами-то уже взрослые! — воскликнула госпожа Эмилия.

Наступило недолгое молчание. Учителя музыки обидела и огорчила озорная выходка детей. Погода разгулялась, казалось, вот-вот проглянет солнце. Но ветер усилился, море расшумелось, загромыхали пушки — шла учебная стрельба. Ветер все крепчал, не смолкали орудийные раскаты, поскрипывали стены — то здесь, то там. Ветер задувал все неистовей, жаркое на большом блюде вкусно пахло, прожорливый учитель музыки жевал, время от времени поскрипывая зубами. Госпожа Эмилия, которой не терпелось поделиться обилием новостей, поспешила искусно спасти положение. Глянув вверх и как бы изумившись чему-то, она бойко заговорила:

— Господи боже, если бы вы, дорогие, только знали, как мы, дамы общества, сейчас связаны по рукам и по ногам. Каждая из нас просто завалена работой. Милая Хелене, ты право могла бы помочь нам, подумай, голубушка, это в твоих силах. Многие молодые женщины, у кого еще нет семьи, пошли в сестры милосердия... как, например, Айми-Ли, дочь Хенрика... У нас, женщин постарше, буквально иссякают силы, и мы будем благодарны каждой паре рук, которая поможет нам. На днях мы провели сбор и, представьте, получили очень много разного добра. Теперь предстоит все это рассортировать и надевать пакетов... А кто этим займется? Ну кто? Вчера мы трудились у нас до поздней ночи... Пардон, у нас — это не значит именно здесь, мы работали на квартире у госпожи Лорензон. Сегодня собираемся у Розалии. Как ты думаешь, милая Хелене, нельзя ли и тебя привлечь к делу?

— Я... не знаю, — пробормотала госпожа Керих, у которой в голосе не чувствовалось на этот раз обычной кротости. Словно испытывая затаенный страх, она метнула быстрый взгляд на мужа.

Учитель музыки пожевал райское яблочко, поданное к жаркому, и лицо его приняло жалкое выражение.

— Будь Хелене хоть немного крепче здоровьем, она, конечно, могла бы помочь вам. Но ведь вы знаете, у нее слабое сердце, больные нервы. Я сам не раз говорил ей о такой деятельности, но она боится повредить себе.

— Ну как же так, милые мои! — протянула госпожа Эмилия, больше, впрочем, ради приличия, потому что хорошо знала своего братца.

Господин коммерсант Юстус снова наполнил рюмки и, забавляясь, поглядел через бутылку на свет. Самочувствие у него улучшалось, аппетит разыгрывался. Хотя он и знал, что за таким чересчур плотным обедом последует немало неприятностей, ему не удалось обуздать себя и одолеть свои земные слабости. Он то и дело так набивал рот мясом, что трудно было жевать, жадно глотал и сопел, краснея от напряжения. Даже остатки соуса он хлебом подбирал с тарелки. Несколько раз Юстус говорил себе: этот кусочек, именно этот, — последний. Но тут же нарушал зарок и опять тянулся за новой порцией, так как ему казалось, что он еще чуточку не добрал еды, что нужно взять еще чего-нибудь, что в желудке у него как-то разом становится снова пусто. «Черт побери, чему же удивляться, ведь я со вчерашнего вечера даже не завтракал!» — пытался он мысленно оправдать себя, поэтому почти не слышал, как госпожа Керих после долгой паузы сказала:

— Да, это так... Мой муж прав... я в последнее время действительно очень нездорова... И сердце, и нервная система... — Говоря это, она как-то быстро сникла, поблекла: снова рухнула ее давнишняя мечта.

— Мы намереваемся вскоре посетить все находящиеся в городе лазареты и больницы, как делали это несколько раз и раньше, — продолжала госпожа Эмилия, не пытаясь больше повлиять на невестку. — Тут, конечно, опять-таки нужен известный отбор, потому что для раненых и больных не годится то, что подходит здоровым и сильным людям. Чтобы наши сотрудники могли получить верное представление об ужасах войны, мы хотели бы даже понаблюдать за какой-нибудь тяжелой операцией, вернее за безнадежной операцией, когда и сам больной знает, что у него нет выхода. Сейчас мы крепко торгуемся с книжным магазином насчет... библий, катехизиса и молитвенников для... лютеран. Будем раздавать их на двух языках — эстонцам и латы-

шам, которых в местных госпиталях сейчас довольно много.

— Да, наша мама вечно хлопочет, вечно в трудах! — промямлил господин Юстус с полным ртом.

— Это хорошо! И, конечно, весьма угодно богу! — певуче протянул господин Керих, кивая головой. А минуту спустя совсем другим, деловым тоном обратился к зятю: — Ах да, чтобы не забыть... Даже если цены немного поднимутся, это ничего... Я имею в виду саго и сахар, которые ты обещал... Значит, вы, сестрица, собираетесь раздавать библию? Разумеется это надо сделать, надо сделать!

В таких содержательных, благочестивых беседах и протекал обед в доме господина коммерсанта Юстуса — обильная и усердная трапеза, даже в мелочах напоминавшая доброе старое мирное время. Сам господин коммерсант почти самостоятельно осушил еще одну бутылку вина и слегка захмелел. Часы давно уже пробили четыре. Глаза разочарованной госпожи Керих, которые еще так недавно оживились было и вспыхнули бархатистым сияньем, теперь снова поблескивали тускло, как бы свинцово; в их глубине снова отражалась безмолвная покорность и бессилие. Учитель музыки благостно вздыхал, внимательно слушая свою знаменитую сестру, которая решительно завладела разговором и, все больше входя в раж, трещала о благотворительности, о подарках семьям фронтовиков, о больных и о бедняках, которые остро нуждаются в духовном врачевании. Кто-то пролил на скатерть несколько капель соуса, и Рондольф, которому мать в наказание за невежливость запретила вставать из-за стола до конца обеда, размазывал их вилкой по скатерти. Эрика хихикала, Антон кривил рот зло и высокомерно, как всегда. И вдруг учитель Керих испуганно вскочил, вытаращил глаза и крикнул:

— Отец небесный... аэроплан!

— Ой, господи помилуй, господи помилуй, господи помилуй! — запричитала госпожа Эмилия слегка на русский лад, что придавало ее восклицаниям сугубо патриотический оттенок.

Так как все уже поели, то и хозяйева, и гости выбежали во двор, бледные от испуга и словно наперебой

громко отрывая. Серая стальная птица кружила под самыми облаками, порой кренясь на крыло и описывая в небе исполинскую дугу, отмеченную светлыми дымками шрапнельных разрывов. Все яростней заливались пулеметы. Доктор Кубелик, незаметно вошедший с улицы через ворота, лениво бросил:

— Ну, нечего вытягивать шеи, все равно в него не попадут. Добрый вечер!

— Здравствуй, — ответил господин Юстус, доедая оставшийся в руке ломоть хлеба. — Не попадут, говоришь, но зато хоть отгонят. Черт возьми, старина, что же ты раньше не пришел! Мы только отобедали. Пойдем в столовую. Там еще найдется кое-что и на твою долю.

— Спасибо, — отказался доктор Кубелик, — я уже поел. Да у меня и времени нет, иду к больному, а по пути зашел побеседовать с твоей дорогой супругой. Вы разрешите, госпожа Эмилия?

— О да, пожалуйста! — воскликнула хозяйка. — И я хочу, милый деверь, обратиться к вам с небольшой просьбой. Нам хотелось бы на днях посетить больницу, которой вы заведуете. Надеемся, у вас найдется свободная минутка, чтобы лично сопровождать нас при обходе.

— Послушай-ка, старина, — сказал коммерсант. — Я вчера здорово провернул одно дельце — продал целый склад подмоченного овса и сейчас хотел бы выпить с тобой пару бокалов отменного старого вина. Не ломайся, зайди хоть на полчасика!

— Так, так! Ты, значит, опять выгодно сбыл свой заплесневелый овес? — кивнул доктор Кубелик. — Ну что ж, поздравляю! По-видимому, нынешнее время для тебя — в самый раз: такие, как ты, ухитряются наживать доходы не только на солдатах, но и на солдатских клячах.

— Совершенно верно, в самый раз! Заходи, старина, заходи, — весело предложил господин коммерсант.

Однако доктор Кубелик, вместо того чтобы последовать этому сердечному приглашению, повернулся к госпоже Эмилии и с легкой усмешкой, никак не вязавшейся с его словами, заговорил:

— Видите ли, милейшая невестка, я уже слышал о вашей предполагаемой экскурсии в госпиталь, из-за этого я, собственно, и пришел сюда. Дело обстоит так: я ни при каких условиях не разрешу вам этого посещения. Слышите — ни при каких условиях! Чтобы вы напрасно не беспокоились, я и ставлю вас заранее в известность о своем решении. Вы вправе обращаться к вышестоящим лицам и просить разрешения у них, но я отдам приказ выгнать вас из госпиталя даже в том случае, если вы представите бумагу от самого главнокомандующего. Во всяком случае, сделаю все, чтобы ваши такого рода планы больше не осуществлялись, пусть даже мне придется потерять голову вместе с шапкой!

Наступило короткое молчание: ну и бомба, кто бы мог этого ожидать! Господин Юстус тихонько свистнул, у господина учителя Кериха сузились зрачки, как у кошки, когда она смотрит на свет. А госпожа Эмилия, залившись краской по самые слегка припухшие веки, пробормотала:

— Вы... вы не разрешите?... Как же так?... Но все же... почему?

Доктор Кубелик воинственно расправил худые плечи.

— Потому что госпиталь, — сказал он, — это прежде всего госпиталь, а не цирковая арена. Будьте здоровы, мне надо идти.

И, взяв под козырек, он вышел на улицу.

Глава третья

ДВОЕ ВЛЮБЛЕННЫХ

Когда взрослые, испуганно переглядываясь, вернулись в дом, Антон направился в сад. Следом за ним туда же пришли Рондольф и Эрика. Они злорадствовали по поводу происшедшего, и Антон со своей стороны еще более подзадоривал их, говоря, что дядю Ханса, этого косноязычного лекаря, надо наградить высшим военным орденом или же воздвигнуть ему высоченный монумент. Младший брат стал подражать болтовне матери, медоточивым речам дяди Адольфа, передразнивать робкую госпожу Керих и отца, с его обжорством и похвальбой. Все трое немного поговорили для забавы на ломаном, комичном русском языке, как это вошло здесь в моду с самого начала войны, когда каждый старался выказать свой патриотизм и преданность батюшке-царю.

Затем Эрика и Рондольф выбрались через дыру в заборе на улицу, Антон же побрел дальше в сад, где старые деревья, освещенные скуными лучами позднего осеннего солнца, уныло покачивали мокрой, словно ржавой листвой. Незаметно для себя он подошел к одинокой скамейке, которую прошлым летом поставил его брат Пауль, подверженный тогда поэтическим настроениям. Антон сел, вытянул ноги и задумался. Его и сегодня угнетало острое унижительное ощущение, будто родители на каждом шагу пачкают его своей торгашеской готовностью к любым махинациям. Вчера, когда к ним явился «знаменитый» полковник Квадратов, этот офицер-казнокрад, он, Антон, выскользнул из своей комнаты в башенке, спустился вниз и через приоткрытую дверь смотрел на кутившую за столом троицу, видел собачью униженность отца и Пауля, заносчивость разгулявшегося бородача-помещика. Пили, ели, торговали

скудными запасами казенного добра, говорили взахлеб о великих победах и усердно расхваливали героев, безропотно отдающих жизнь за веру, царя и отечество. При виде всего этого сердце у него заколотилось от острой злобы, он едва совладал с собой, чтобы не разрыдаться. Вот как воюют его родные, вот что значит для них эта святая, благородная, благословенная война, которая оставит в истории страницы, написанные сталью, огнем и кровью, и о которой даже спустя столетия будут говорить с глубоким благоговением! «Отец водится с казнокрадами, которых надо бы поставить к стенке и расстрелять, мать таскается со своими пакетиками по больницам и делает вид, что отдает последнее! — в отчаянии думал Антон. — Боже мой, какая мерзость, какая грязь, какая подлость!». И еще вдруг подумалось ему, что таких бессовестных мародеров, как полковник Квадратов, его отец и братец Пауль, есть, наверное, десятки и сотни — повсюду, начиная с царского двора и кончая каким-нибудь интендантишкой воинской части. Конечно, все эти мародеры только и мечтают, чтобы война тянулась подольше!

Антон злобно поморщился и посмотрел на небо, которое все больше освобождалось от серого покрова туч. И вот десятки тысяч сильных и честных людей должны гибнуть на полях сражений подчас только из-за того, что тыловые хищники хотят нажиться на их счет и не снабжают воинов всем необходимым! С безудержным пылом юности он сурово осуждал отца и мать, резко упрекал их, мысленно обливал родителей глубоким презрением. Разволновавшись, Антон стал жалеть себя, он казался самому себе человеком, обреченным до самой смерти тащить тягостную ношу испытаний из-за того, что принадлежит к семье, где не отличают добра от зла и не знают высоких идеалов. А потом он обвинил себя даже в трусости — да, да, ему давно надо бы отправиться на фронт, чтобы там под градом пуль искупить те ужасные грехи перед царем и отечеством, которые совершают его домашние по необдуманности, беспечности, из-за своего... своего тщеславия. Антон рисовал перед собой в сыром воздухе ряд картин, одну прекраснее другой. Вот он лежит тяжело

раненный в луже крови, но все еще героически сопротивляется врагу; вот он ценою собственной жизни спасает армию, подвергшуюся опасности; он скачет, как безумный, сквозь ливень свистящих пуль и разрывы снарядов, чтобы доставить высшим военачальникам известие, от которого зависит победа или поражение. А может статься, будет и так: он возвращается домой, потеряв на войне руку или ногу, но зато грудь его украшает множество наград, и все — за доблесть! А отец с матерью, как бы покаранные богом, впали в нищету. Они знают, они постигли тайну его жизненного крушения и в слезах умоляют сына простить им дурные поступки, которые они так необдуманно совершили...

Наконец Антон устал фантазировать. Он проглотил слезы, откинул голову на спинку скамьи и стал следить за большой угловатой тучей, которая тяжело и неуклюже сползала к горизонту. Ветер усилился и зашумел в верхушках деревьев, роняя крупные холодные капли ему на руки и на куртку. Через окно доносился раскатистый смех отца. Кто-то прошел по улице, насвистывая, наверно, скучающий, как обычно, Пауль.

Вдруг где-то раздался тихий стук. Антон вздрогнул, затаил дыхание, судорожно сжал губы и скрестил руки на груди. Хмурый и неподвижный, он походил сейчас на трагического героя, каким себе казался; но в то же время он чутко прислушивался и вскоре различил едва уловимый шорох, от которого сердце у него застучало еще сильнее.

Хотя усилия, потраченные на немое выражение печали, уже начали утомлять юношу, он продолжал сидеть не шевелясь и был очень счастлив, когда легкие шаги прошуршали по траве и кто-то ладонями закрыл ему глаза.

— Ну, что это еще за штуки? — сказал Антон и повел вокруг таким тяжелым взглядом, что Клара сразу перестала смеяться. Но тут же юноша стал гораздо приветливее и добавил: — Я и не слышал, как ты подошла. Задумался. — И уже с болезненной иронией продолжал: — Наш скромный обед военного времени запоздал сегодня почти на полчаса, потому что пришлось наготовить пудика на два

больше, чем предполагалось, и кроме того, у нас были гости. А как тебе известно, в благовоспитанных семьях нельзя вставать из-за стола раньше других.

— Милый, ты сегодня такой странный... — боязливо протянула девушка. — Не случилось ли с тобой чего-нибудь плохого?

— Со мной? Чего-нибудь плохого? Нет! — Антон пожал плечами и снова ощутил себя очень несчастным человеком. — Нет, со мной ровно ничего не случилось! Да и что могло случиться? — При этом юноша так плотно сжал пухлые губы, что они слились в узенькую бледную полоску и от этого его румяное лицо словно укоротилось.

Клара на цыпочках тихо обошла угол скамейки и села рядом с любимым. Еще с весны минувшего года у них возникла взаимная привязанность, поэтому и сегодня они тесно прижались друг к другу. В течение прошлого и нынешнего военного лета они часто целовались и сейчас проделали то же самое. Да и как не целоваться, когда к тому принуждает молодая кровь, когда чувства сильны, как ни у кого другого в целом мире. Они обнимались и, краснея, шептали что-то нежное и им самим непонятное, потому что ни у кого из них не было времени слушать другого. И лишь когда тихий скрип двери напомнил им, что сегодня рабочий день и что они не одни в доме, влюбленные постепенно успокоились, почти одновременно вздохнули и глянули — тоже почти одновременно — на свою испачканную в земле обувь.

Наконец Клара очень нежно спросила юношу, словно лаская его своим мягким голосом:

— Скажи все-таки, милый, что тебя так гнетет?.. Я же вижу, я не слепая.

— Что меня гнетет? — повторил Антон и, шумно набравши в грудь воздуха, решительно выпалил: — Мировая скорбь! Мировая скорбь — понимаешь? Я не могу примириться с тем, что творится вокруг! Ни у кого из наших близких не осталось ничего святого! Они поганят любое дело, за которое берутся с самыми даже лучшими намерениями. Нет, действительно, не будь тебя, я пустил бы себе пулю в лоб... или же стал бы дьявольски бес-по-щад-ным.

Не знаю, понимаешь ли ты меня, но по крайней мере попробуй, пойми!

— Дорогой мой, я понимаю тебя, конечно же, понимаю, — сказала Клара, хотя видно было, что в жалобах Антона для нее заключалось много непонятного. — Но что мы можем поделать, если мир такой плохой и злобный! Милый, склони голову мне на плечо и расскажи обо всем... мой... мой усталый орленок! Поведай мне, дорогой, о своей великой мечте. Царственная птица рвется летать, а подлые духи вяжут ей крылья... — Она чуть слышно засмеялась, и трудно было разобрать, говорилось ли это всерьез или (как обычно!) девушка подшучивала над своим другом. Немного погодя она снова обратилась к юноше, но тон у нее был уже другой — более недоверчивый и испытующий. — Послушай, Антон, скажи мне одну вещь... вполне чистосердечно. Скажешь?

— Пожалуйста, спрашивай, — протянул Антон и в который раз вздохнул, так устало, словно ему было тяжело малейшее усилие.

Клара, прижавшись к Антону теплым плечом, зашептала:

— Знаешь... меня мучают сегодня... знаешь, какие сомнения? Что ты меня... разлюбил. Я, глупая, простодушная женщина, бегаю за тобой, а может быть, тебе все это надоело и ты хочешь от меня отделаться, ищешь разнообразия. Вообще мужчины бессердечные! Если бы ты еще не знал нас, женщин. Но мы для тебя как раскрытая книга, в нас уже нет для тебя ни капли романтики... Я... я никогда не забуду историю, которая случилась прошлым летом, когда мы тебя разыскивали. Боже мой! Ты... ты!.. Ах, не хочу и думать об этом!

— Прости меня! — ответил Антон и тотчас слегка приосанился. — Я давно поклялся тебе, что тогда меня гнала лишь одна неприкрытая... неприкрытая страсть! Верь мне, только тебя я любил и только тебя люблю. Верь, милая!

— В самом деле? — спросила Клара и исподлобья окинула юношу испытующим взглядом.

— Конечно. Клянусь! И к тому же знай, что я тебе никогда не лгал, ни-ко-гда! — патетически заключил Антон.

И тут Клара неожиданно задала вопрос, который сразу посеял между ними подозрения и недоверие.

— Ну ладно, предположим — это правда. Но скажи мне, дорогой, зачем же ты крутишь со старшей дочкой Таммана, если ты любишь... только меня одну? Думаешь, я не знаю, как вы вчера два часа подряд бродили по аллеям... из конца в конец. Тоже повинуюсь неприкрытой страсти? Нет, братец, ты далеко не отказался от своих гнусных привычек! — заключила она, злобно сверкнув глазами, и отодвинулась от возлюбленного.

Наступила долгая, напряженная тишина. Антон покраснел. Ему хотелось как-то что-то объяснить и насколько возможно запутать дело. Но он еще не научился лгать и лишь после продолжительного молчания смог пролепетать в ответ:

— Нет, Клара, ты ошибаешься. Дочери Таммана никогда и в голову не придет флиртовать со мной... так же, как и мне с нею. Но мы хорошие знакомые, она была удручена одной тяжелой заботой. Просила у меня совета, и я утешал ее, как мог. Веришь ли ты мне, дорогая?

Клара снова косо поглядела на Антона исподлобья. Она твердо решила дознаться правды, поэтому попыталась схитрить и разыграть доверчивость. Глаза девушки по-прежнему глядели настороженно, но она, снова прижавшись к любимому, ответила нежно:

— Хорошо, я... верю тебе. По крайней мере попытаюсь верить, хотя и знаю, что такие прожигатели жизни, как ты, никогда не скажут правды... и что мы, женщины, служим для таких людей лишь игрушкой, орудием мимолетного развлечения. Но оставим, оставим все это! Скажи мне лучше, милый, совсем откровенно, что тебя сегодня мучает и грызет, почему у тебя было такое озабоченное лицо? Неужели это все из-за скверных проделок отца и Пауля?

Антон снова (сам того не замечая) вошел в трагическую роль: опустил голову, скрестил руки на груди и остался недвижим, словно мрачное изваяние. И лишь после долгой паузы, медленно покачивая головой, он с видом человека, глубоко разочарованного в жизни и во всем мире, сказал:

— Да, именно так! Иной раз у меня такое чувство, будто я по горло погрузился в какую-то мерзкую грязь. Если я когда-нибудь действительно что-нибудь над собой совершу, то лишь благодаря моим родителям. Я не могу больше, не могу. Проверишь ли, мне бы лучше провалиться сквозь землю или взять веревку и... повеситься на чердаке! Сейчас все человечество напрягает силы, борется за благородные идеалы, а мы здесь знаем одно: все совершается по воле божьей в интересах нашего чистогана. Я... я чуть было не бросился дяде Хансу на шею — нашелся-таки человек, который рискнул сказать правду этим болванам. А я — трус, я никогда не решусь на это. — На юношу нашел порыв самоунижения, и он в отчаянии воскликнул: — Да, дорогая, я просто труслив. Труслив как ягненок. Я трус и потому недостойн тебя!

Глаза у Клары поблескивали от возбуждения. Ее сильно волновало все, что пахло скандалом или раздором: у себя в семье она держалась гораздо задиристей Антона и была острее на язык, чем он у себя в доме; услышав, что дядя Ханс грозился вытурить тетю Эмилию вместе с ее подружками, она чуть не задохнулась — так была взбудоражена. Ничего не говоря, ни о чем не спрашивая, Клара вскочила, быстро перелезла через забор и с громким топотом побежала по дорожке соседнего сада. Вскоре она воротилась тем же путем и таинственно прошептала:

— Там... там... собралась целая куча всяких важных дам. Я слово в слово повторила им то, что ты сказал. Наша маманя сначала покраснела, как морковь... а потом позеленела! Почтенная старуха Лорензон разинула рот, как рыба! Госпожа Вейсбаум уставилась в потолок, забыла даже, что она теперь, как и все мы, чистая эстонка, и завопила: «О, Himmel, Himmel!»¹ А я не удержалась, захохотала и говорю ей — извините, мол, там нет никакого неба, там только потолок... ха-ха-ха! Ей-богу, дядя Ханс — человек настоящий!

— Ну конечно, я же говорил! — отозвался Антон,

¹ О, небо (нем.).

все еще сохраняя вид трагического героя. И, снова охваченный благородным порывом самобичевания, продолжал: — Сам я трус! Как овца, ей-богу. Я не заслуживаю твоей любви... потому что я... поистине трусливая овца!

— Ох, перестань ныть, дуралей! — нетерпеливо вскричала Клара. — Ну, а что твоя мать сделала, когда ей дали по носу?

— Не знаю, не обратил внимания, — ответил Антон.

Клара презрительно сморщила нос и, надувшись, словно ее лично обидело это упущение юноши, воскликнула:

— А ты и в самом деле рохля! Не обратил внимания! Дурачок!

Антон от неожиданности пожал плечами, но не проронил ни слова в ответ на несправедливый упрек. Рондольф и Эрика, которые пошли в гости к своим двоюродным братьям, затеяли за изгородью драку. ругаясь, как уличные мальчишки; непонятно было, откуда они берут эти эстонские и русские бранные слова. Отто, у которого ломался голос, оглушительно хохотал, Кунц, гимназист последнего класса, наускивал дерущихся друг на друга. Из приоткрытого окна столовой снова неслось певучее разглагольствование учителя музыки Кериха; он снова излагал свои суровые планы уничтожения грешных и легкомысленных сограждан. Кларе не сиделось, она прыгала на одной ноге по зеленой лужайке и хихикала, как веселый, злорадный бесенок:

— Здорово! Так им и надо! Wunderschön,¹ как они сами иногда говорят нечаянно! Представь себе, до чего же это смешно: всех их вместе взятых наберется от силы два десятка, а они образуют целых три разных общества. И в каждом обществе ровно столько членов, сколько во всех трех вместе. И знаешь, эти общества с красивыми названиями ведут между собой усиленную переписку. Госпожа Лорензон состоит делопроизводителем — одновременно во всех трех — и от своего имени рассылает длинную-

¹ Чудесно (нем.).

щие разъяснения и запросы, хоть лопни со смеху, ха-ха-ха!

— Ну, наверно, не все там настолько глупо, — сказал Антон и принялся было опять доказывать, что из-за своей трусости он недостоин любви девушки.

Но Клара перебила его и снова затараторила:

— А самое интересное — слушать, как они разговаривают между собой. Ведь наш прошлогодний «благородный и утонченный» немецкий язык сейчас в опале, а по-эстонски или по-русски они говорят так... что, ей-богу, гуси и поросята животики надорвут! Смешнее всего получается с эстонским языком, потому что они помнят только самые убогие деревенские словечки, да и те... господи, как перевернаны! Но сами они, видно, прекрасно понимают этот волапюк, во всяком случае обходятся пока без жестикуляции. А знаешь, дорогой, чем занимается сейчас мой милый отец? — спросила она, с таинственным видом подняв палец.

— Чем же? — мрачно спросил Антон, досадуя на девушку, которая, по-видимому, не хотела больше его слушать. А ему казалось, что у него еще столько разных горестей, о которых надо рассказать.

— Он зубрит русские песни, нынче, говорит, они позарез нужны. — Клара опять расхохоталась. — Разговаривать по-русски я по старости лет, мол, уже не сумею, так хоть песни выучу, чтобы в обществе не молчать, как бревно! Раздобыл бог весть откуда толстые-претолстые тетради и сидит над ними уже вторую неделю, гудит, как кофейная мельница. Посмотрим, посмотрим, какой язык наши миленькие папы и мамы признают в конце концов своим.

— Видишь ли, Клара, — вновь настойчиво начал Антон, — у меня просто сердце болит, когда я... Тебе не верится, конечно, но я ведь действительно труслив... как заяц. И мне ужасно стыдно... Иногда мне приходит в голову, что эта моя трусость и эта... мировая скорбь...

— Да брось ты свои глупости, милый! Мировая скорбь! Нет никакой мировой скорби, это все чепуха, выдумки поэтов! А если она и есть, так ее можно в конце концов одолеть! — воскликнула Клара и

отважно сверкнула глазами. — А теперь пошли! После ужина... приходи сюда, ладно? — Она шаловливо покрутилась на каблучках.

— Да, я буду ждать тебя, — буркнул юноша, все еще обиженный тем, что любимая не выслушала его до конца.

Когда шаги Клары затихли в соседнем саду, Антон встал, с наслаждением потянулся раз-другой (хотя и пытался скрыть от себя, что это приятно) и побрел к беседке. Мокрая трава стлалась мягко, земля, казалось, чуть-чуть пружинила под ногами, стебли полевицы, росшей по обочинам садовых дорожек, покачивались под тяжестью редких крупных капель. Все предвещало бурю — море шумело сильнее, чем когда-либо за последние недели, сквозь туман неслись к берегу большие стаи чаек. Старые деревья тихо поскрипывали, раскачиваясь, словно им хотелось сойти со своих мест и укрыться от бури в каком-нибудь надежном убежище. Керихи уходили. Отец, провожая гостей до калитки, весело говорил:

— Ладно, старина, валяй завтра к магазину со двора, а там бери сколько на спину взвалишь, хе-хе-хе! Его высокоблагородие полковник Квадратов обещал весь товар ночью на грузовике подбросить, так что никаких сюрпризов быть не должно. Ну, будем здоровы, будем жить-поживать и, как говорится, добра наживать, хе-хе-хе!

— Спасибо! Господь да благословит тебя! — с елейным смирением ответил Керих.

Пока гости прощались, Антон стоял, спрятавшись в кустах и скрипя зубами, потом, на цыпочках пройдя через пустые, холодные сени, поднялся на второй этаж, в свою комнату в башенке. Тут он бросился на кровать, закрыл глаза и, дав волю фантазии, вообразил себе какие-то широкие равнины, а на них во весь рост бегущих в атаку молодых солдат; все они были похожи на него, у них так же щемило сердце, они несли в своей скорбной душе такое же глубокое отчаяние... как и он.

Солнце, светившее в окно, ушло за желтые кроны деревьев и стало медленно опускаться к горизонту, скрытому за мокрыми кровлями домов.

Глава четвертая

МАРТИН, АРЕНДАТОР ИМЕНИЯ

Но сегодня война и геройские подвиги недолго занимали мысли Антона. Вместо того чтобы мучить себя подобными горестными картинами, как это часто бывало в последнее время, он решил сходить в порт — там накануне укрылся от бури небольшой отряд военных кораблей. Увлеченный этой мыслью, юноша бодро поднялся с кровати, надел ботинки, не пропускавшие воды, и проворно сбежал с лестницы. Старые деревянные ступеньки трещали от его энергичных шагов.

Еще не успев выйти за калитку, он чуть не налетел на дядю Мартина, арендатора имения, который, громко разговаривая, вышел из-за угла. Дядюшка Хенрик, сопровождаемый женой, старался шагать в ногу с широко жестикулирующим братом, а рядом шли Отто и Кунц, оба возбужденные и красные. Антон еще издали услышал, что и тут говорят о войне, о доблестных слугах царских, не уступающих врагу ни пяди священной родной земли, а больше всего — о храбрых капитанах и подполковниках, от которых-де очень часто зависит исход сражения на бранном поле длиной в ты-ся-чу верст!

— Вы только представьте себе, что случится, если во время бурного наступления все капитаны и подполковники вдруг разом погибнут! — гремел дядя Мартин, повертываясь к брату своим огромным брюхом.

— Ясно, ясно, что будет! — робко попискивал, соглашаясь, Хенрик.

— Ага, видишь! Вот ты мне и скажи: кто их заменит? Генералы и полковники на передовую не пойдут, а поручики-сопляки разве одни управятся?

Он хотел было углубиться в еще более детальный анализ положения, но заметил Антона, который

шагнул в сторону от калитки, уступая дорогу. Дядя Мартин остановился, широко развел руки и заговорил, упорно уснащая речь русскими словами, хотя это и требовало от него невероятных усилий:

— Ну, здравствуй, молодец. Так это ты! Ишь какой вымахал, хе-хе-хе, и борода, глядишь скоро будет. *Черт побери*, кидай эту школьную шапку куда глаза глядят и ступай тоже на фронт! Я похлопочу, чтоб тебя взяли в полк, где подполковник Александр Мартынович. Он тебе всю грудь крестами и медалями увешает, даже солнце потускнеет! Ох, смотрю я на тебя, да и на друга Кунца. Сами дюжие, как волы, ряшки круглые, точно бледная луна, а все дома сидят, за маменькины юбки прячутся. *Стыдно, парни, стыдно!* Небось, Александр Мартынович из вас людей сделал бы, он-то дело знает. Писал он недавно мне: «Из мужчины может получиться либо хороший солдат, либо же болван, мразь. А у мрази конец скорый, — пишет он. — Да, — пишет, — такой живо получит по заслугам. Или его немец убьет, или мы сами на тот свет отправим — какая разница!» — так он пишет. Ну, здравствуй, *давай руку, парень!* Ты куда же это бежишь?

— Увидел тебя и *побежал* навстречу, — зло отрезал Антон.

— Ого! — подивился дядя Мартин.

Кунц, долговязый парень с хитрыми повадками, подмигнул Антону — чего ради, с каким дальним прицелом, трудно было понять.

Дядюшка Хенрик спросил, словно толстой жестью проскрипел:

— Отец дома?

— Дома, дома, — ответил Антон.

— Ага, дома! *Вот это хорошо!* — воскликнул дядюшка.

В эту минуту резко, как выстрел, пронзила сознание Антона волнующая мысль: значит, Клара сейчас одна дома! Сердце у него заколотилось, краска залила щеки, он несколько раз сглотнул слюну. Если сейчас пробраться туда, никто не помешает им побыть вместе до позднего вечера! Чтобы скрыть свою радость, он притворился рассеянным и, обратившись к Отто, с которым уже несколько лет сидел

в гимназии за одной партой, задал тому какие-то вопросы насчет задач по математике. Увидев затем, что отец с матерью чуть ли не бегом спешат навстречу дяде Мартину, юноша все же сумел подавить клокотавшее в душе негодование (против этих мародеров!), повел рукой и произнес с чуть комической театральностью, которая, казалось, понравилась всем взрослым:

— Прошу!

— Молодчина парень! Такого долгожданного гостя привел! — шумно похвалил сына господин Юстус.

— *Черт побери! Говори на государственном языке!* — крикнул, подходя, дядя Мартин.

Госпожа Эмилия, кокетничая, как обычно в последнее время, спросила:

— А твоя благоверная? Отчего ты ее не прихватил? Ну как же это, послушай!

— Потом, после! — Арендатор Мартин ответил так зычно, словно стоял где-то среди своих широких полей и погонял ленивых батраков. Ткнув старшего брата кулаком в плечо, он заорал еще громче: — Ах ты, старый пес, старая собака! Ну, как ты тут крутишься, как навоз стенкой кладешь, хо-хо-хо!

— Смотри, не покалечь меня, — весело смеясь, отмахнувшись от него господин коммерсант Юстус и учтиво пропустил дорогих гостей вперед.

Антон посидел немного в углу гостиной, послушал с деланным вниманием двуязычную беседу, которая становилась все оживленней, наконец встал и юркнул в переднюю. Оттуда на цыпочках прокрался вниз по черной лестнице, согнулся и, не смея передохнуть, побежал в сад, но не прямо, а вкруговую. Осторожно ступая в тени кустов, чтобы его не заметили из окон, юноша достиг забора. В соседнем саду было совсем тихо — следовательно, его не ждали. Он заглянул в узкую щель, прижавшись щекой к мокрой доске забора — она оказалась такой неожиданно холодной, что Антон вздрогнул.

Нет, ничего не видно, кроме тех же деревьев с пожелтевшей листвой, тех же почти оголенных кустов, какие окружали его и в собственном саду. Трава была чистая, мокрая-премокрая, ветер трепал

ветви, окна двухэтажного особняка тускло поблескивали. Солнце опустилось почти к самому горизонту, и тени, падавшие на ровную землю, казались тяжелыми и угловатыми, как будто сложенными из каменных глыб.

У Антона внезапно заныло сердце — он и сам не знал почему. Юноша стоял, стоял, стоял и думал о том, что надо бы сейчас же перелезть через забор. Но у него и на это не хватало смелости, да, он не решался даже на такое простое дело! Вдруг он сел на мокрую траву, согнув колени, и стал без всякой цели мерно раскачиваться, пока, наконец, не показался себе бесконечно смешным и глупым.

Так и сидел Антон довольно долго на одном месте, рассеянно срывая стебельки полевицы и не находя никакого решения. Крупная, холодная как лед капля упала ему на голый затылок, и он снова вздрогнул всем телом. Такса по кличке Неро, исхудавшая от болезни, которая грызла собаку уже более года, приковыляла к Антону на кривых, негнущихся лапах, по-дружески ткнулась сухим носом. И Антон, словно заручившись поддержкой, прижал к себе четвероногого друга, встал и осторожно зашагал вдоль забора, ища в нем щелку пошире, чтобы еще раз заглянуть в сад дяди Хенрика.

Но и теперь он не увидел ту, которую надеялся увидеть, и вяло подумал о том, что, пожалуй, самое разумное — отправиться домой. И так как ему чудилось, будто кто-то, злорадствуя, подглядывает за каждым его шагом, он постарался сделать вид, будто прохаживается по саду совсем случайно. Напевая песенку, Антон обошел вокруг дома, хлопнул входной дверью, поднялся даже на башню и, наконец, снова сел в гостиной на прежнее место в уголку у старого комода, где было меньше всего света.

Юноша сразу заметил, что на его отсутствие никто не обратил внимания. Гостиная наполнилась шумом и смехом. Отец держал в руках бутылку первосортного вина и рассказывал лихие истории о своих торговых подвигах за последние месяцы. Дядя Мартин, арендатор имения, перебивая рассказчика чуть ли не на каждом слове, хохотал, размахивал руками и, заносчиво вскидывая голову, по-русски вставлял

свои замечания. В душной тесноте гостиной с низким потолком дядя казался необыкновенно большим: он был высок ростом, вроде своего брата Ганса, и почти так же толст, как брат Юстус. Кожа у него была словно выдублена дочерна ветром и ненастьем, поэтому белки глаз и зубы выделялись снежной белизной; огромные кисти рук напоминали большие лопаты. (Антон с безотчетной враждебностью подумал, что череп этого по-мальчишески егозящего великана, вместе с обвисшими вокруг подбородка жирными складками весит, пожалуй, больше пуда...) Женщины болтали визгливыми голосами и, казалось, даже смеяться были бы рады по-русски — за столом все наперебой старались блеснуть русской речью. Дядя Хенрик, который понимал, что говорят другие, но сам умел отвечать лишь по-эстонски, попытался восполнить этот пробел, насколько это было в его возможностях, — он по-петушиному выгнул худую шею и затянул скрипучим голосом:

— *Ох, Волга, Волга, мать родная, ох, Волга матушка-река... не видала ты подарка от донского казака!..*

— Бр-раво! Хорошо-о! — загремел Мартин.

— Бис, бис, еще раз, — крикнула госпожа Розалия, аплодируя мужу.

Кунц и Отто, которые развлекались тем, что дразнили маленькую Эрику, многозначительно подмигнули Рондольфу — мальчику весьма простодушному, хоть и озорному, и тот внезапно завопил так неистово, что заглушил и аплодисменты дядиной жены и самого певца:

— *Красиво, дядя, очень красиво, валяй дальше!*

— А знаешь... твой Александр и правда крепкий мужчина... — в десятый раз восхитился господин Юстус и хлопнул брата-помещика по колену толщиной с бревно.

— О да, боже мой! — в свою очередь разыграла восхищение госпожа Эмилия.

— Подумать только, как это прекрасно! — сказала супруга Хенрика, глядя на свои ладони, порозовевшие от рукоплесканий.

— А ты, черт возьми, что думал! — воскликнул

Мартин и награбил старшего брата столь же сильным тумаком по ляжке.

— *Настоящий талант!* Каждый, кому я рассказывал о его делах, говорит — да, *настоящий талант!* Получил я от него письмо, пошел к *волостному голове*, сунул ему под нос и сказал: «Читай, гад, да мотай себе на ус! Ты, старая жаба, вздумал клюв задирать на манер соловья, да очками блестеть, как светляк, как червячок. Дерьмо! Лягушка! Сукин сын! Встать, когда с тобой разговаривают! Александр Мартынович, подполковник Скобелев, мой сын, может тобой в любое время потереться, — так я и сказал ему. — Сволочь! — сказал я. — Дрянь! Свинья! Чухонская морда! — сказал я. — Если мой сын Александр Мартынович, подполковник Скобелев, сейчас сюда приедет, он своей плеткой тебя разделает как проклятого цыпленка, и ты будешь у него сапоги целовать, — вот как я сказал ему. — Шпанская муха!» — сказал я. — Ну и смеха было! И еще спросил я у него: «А что ты, клоп, думаешь о моем младшем сыне, о Максе, а? Макс, — сказал я, — будет к тебе чуточку полюбезней, ты, *тряпка*, нужен ему только на одну потребу! Ух, ты, старая метла!» — так и сказал. Хо-хо-хо-хо! Ну и смеха было!

— Фу, как ты можешь так выражаться, милый Мартын Мартынович! — запротестовала госпожа Эмилия и брезгливо поморщилась.

— К сожалению, у нашего Аугуста дела идут далеко не так блестяще, — вздохнула Розалия, супруга Хенрика.

— Да, не блестяще, — подтвердил Хенрик по-немецки, так как эстонская фраза у него внезапно вылетела из головы, а для русской не хватило слов.

— Что? Замолчишь ли ты? — тотчас же заорал брат Мартин и выпучил глаза. — Ты смотри у меня! Изволь говорить как положено верноподданному, а нечего тут гавкать, как то дикое зверье! Просто стыдно! Будь мой сын, подполковник Скобелев, сейчас здесь, — как ты думаешь, что ему с тобой пришлось бы сделать? *Военный суд* собрать! И приговор короткий: *к стенке!* Р-рота, пли! Пымм-пымм! Готово! К чертовой матери! Да! Мой сын, подполковник Скобелев, не раз писал мне, как он поступает с такими

сукиными сынами, насчет которых думает, что они за немцев. Петлю на шею! *Повесить — и все!* Поболтайся-ка, братец, на высоте в семь сажен! Макс у меня тоже такой — строгий и справедливый. Кто нарушит порядок — *руки вверх* и расстрел! Зачем тебе, свинье, жить на свете, если ты не разбираешь, откуда какой ветер дует — что правильно, что нет. Я однажды нашему училищке-сволочи сказал, когда он ко мне поесть-попить пришел... «На, — говорю, — ешь! Где еще тебя, голодранца, покормят? Жри, поросенок! — говорю ему. — Александр Мартынович, полковник Скобелев, сынок мой, целый полк в порядке содержит, а ты, стервец, с двумя-тремя десятками сопляков не справишься, только и знаешь, что жалованья кланчить то у волости, то у меня. Нищий! Передать бы это батрацкое отродье Александру Мартыновичу, полковнику Скобелеву, моему старшему сыну, он бы прописал...

— Подполковнику Скобелеву, — подал голос Антон из своего уголка.

— Что, что, что? — заревел дядя Мартын. — Подполковник? *Черт побери*, не учи меня, тут никакой разницы нет, *пять минут, не больше!* Если уж подполковник, так скоро ему и полностью полковником быть. *Ясно, а? Ну и хорошо*, что ты такой сметливый. И если, даст бог, война так скоро не кончится, в следующий раз моего старшего сына Александра Мартыновича уже в генералы произведут! Он писал мне: «Да, отец, — писал он, — *все идет как по маслу!* Еще немного, а там и генеральские эполеты маячат». А ты *понимаешь, что это значит?* Или не веришь, а? Черт возьми, письма вот здесь, читай, читай, молокосос. Ладно, не дам! *Не дам!* — И дядя Мартин снова обратился к Хенрику, о котором за это время успел уже забыть: — Да, старина, твоему парню не везет. Не везет — и баста! Он... у тебя, кажется, только капитан?

— Да, кажется, — ответил Хенрик, заговоривший теперь по-эстонски.

— Так! Опять за старое! — напустился на него братец Мартин. — А где государственный язык? Не умеешь? Так учи, упражняйся, чертова бабушка! Медведь, и тот, дрянь, танцевать научился, а тебе не

справиться с родным языком нашего любимого государя и нашей государыни. За здоровье, друзья!

— *К стенке! Ро-та пли!* Пымм! — сказал Антон.

Кунц засмеялся в кулак и хитро прищурился.

— *Хи-хи-хи, рота — пли!* — сымпровизировала Эрика.

— Боже мой, да ступайте вы куда-нибудь отсюда и не вмешивайтесь в разговор старших! — рассердилась госпожа Эмилия. Под воздействием выпитого бокала вина она совершила ту же оплошность, что и Хенрик, — сказала это по-немецки.

Антон, снова притворившись рассеянным, воспользовался случаем, покинул столовую и сразу побежал на цыпочках в сад, откуда лишь недавно пришел.

Тем временем начало смеркаться, всюду тянулись густые черные тени. Антон прокрался сквозь кусты, затаив дыханье, прислушался. Сильно взволнованный, он пытался утешить себя: «Черт возьми, я спутал время, мы должны были встретиться... позднее!» Но эта вынужденная ложь не помогала, нервное беспокойство усиливалось: чего же она не приходит, эта Клара?... С моря все еще тянуло густым туманом, у Антона озябли ноги и спина, небо над мокрыми кровлями опустилось еще ниже.

Как ни вглядывался Антон в соседский сад, там и в этот раз ничего не было видно — одни лишь толстые стволы деревьев и в их сумрачной тени оголенные ряды кустов. Снова потянуло его сесть в траву, согнуть колени и, подняв лицо к небу, со слезами на глазах тихонько заскулить от отчаянной тоски.

Немного погодя Антон, еле волоча ноги, добрал до старого раскидистого клена и оперся о дерево, ощущая затылком легкое прикосновение шершавой коры. Беспокойство все сильнее томило его. Он вдруг представил себе, что Клара, не сказав ему, ушла в город и сейчас веселится где-нибудь, может быть, даже на танцевальном вечере, какие любили устраивать предприимчивые гимназисты в последнее время. Клара заливается смехом! Кокетничает! Кружится в танце, переходя из рук какого-то чужого и гнусного мужчины в руки другого такого же донжуана; она и не вспоминает о несчастном человеке, который здесь, в саду, в одиночестве вынашивает кошмарные мысли

о смерти! «Жизнь... что это такое? Стоит ли вообще мучиться, лишь бы... жить и дышать? — спрашивал он себя и сам же отвечал: — Разумеется, не стоит. Кроме того, человеку нужно так ничтожно мало усилий, чтобы уйти из мира навсегда, навечно: только спустить курок, смело ринуться с каменного мола! — Он казался себе усталым и разочарованным фаталистом, которому все безразлично. — После, когда уже ничего нельзя будет изменить, люди, конечно, заплачут, придут в отчаяние! Конечно, конечно, когда где-то на заброшенном кладбище появится свежая могила, они раскаются в своих жестоких поступках. Однако все это роковым образом произойдет слишком поздно! Но что поделать, такова жизнь». — Антону пришлось сделать усилие, чтобы подавить легкое всхлипывание, вызванное этими печальными раздумьями.

И тотчас его осенило, что нужно делать; решение созрело — только выполняй! Оглядываясь по сторонам, осторожно, но энергично работая руками и ногами, Антон влез на забор и прыгнул в соседский сад. Он упал на четвереньки, прислушался, затаив дыхание, встал и, крадучись меж кустов, пробрался к окну той комнаты, где жила его возлюбленная. Окно это находилось по другую сторону дома, поэтому Антону пришлось пройти через весь сад, что заняло несколько минут. Но, обогнув наконец угол дома, он почувствовал себя самым счастливым человеком на земле: сквозь занавешенное плотными гардинами окно на траву падал узенький сноп света, который свидетельствовал, что Антон ошибся, подозревая Клару, что его возлюбленная никуда не ушла, а сидит дома — верная и кроткая.

Антон, словно во сне, сильно сжал руки, похрустывая пальцами; он дышал так глубоко и радостно, что, казалось, трещали ребра. Наверно, Клара сейчас усердно учится, сидя у лампы с высокой ножкой, решает трудные задачи, утруждает свою маленькую милую головку разными там силлогизмами или... черт знает какой еще ерундой! Он скользнул поближе к окну, боясь даже кашлянуть, словно любой, самый пустяковый звук, проникнув сквозь стены и закрытые окна, мог быть услышан Кларой.

Охваченный этими мимолетными, волнующими мыслями Антон спустя мгновение склонился к маленькой точке, откуда пробивался свет, и заглянул в комнату. Там, в этой комнате, крылось все его счастье, все его будущее!...

Вдруг юноша резко выпрямился, как человек, который увидел что-то ужасное, такое, от чего застывает кровь и останавливается сердце. Да, он не ошибся, его дурные предчувствия сбылись. Клара была не одна, молоденький прапорщик из тыловигов сидел рядом с нею, лихо вытянув вперед длинные ноги! Гость, видимо, говорил что-то смешное, как бы невзначай касаясь руки девушки, и за каждым словом шевелил мясистыми ноздрями, под которыми топорщились белесые усики. На столе стояли два пустых стакана — чай, видно, уже выпили, и высился ворох пестрых конфетных оберток, которые весело сверкали серебром, словно им тоже досталась доля счастья, царившего в уютной комнате.

Антон, прижав руки к холодному карнизу окна, лишь с большим усилием удержался, чтобы не закричать. Понуро опустив плечи, он побрел обратно. Сначала юноша шел на цыпочках, сам того не замечая, а после, когда заметил, принялся вдруг дико топтать ногами: какого черта! Пускай слышат эти мерзкие твари, бездушные скоты, негодяи, пусть слышат они, как идет на смерть пренесчастнейший человек, для которого не осталось в мире ни единого места, где бы он мог схорониться вместе со своим необъятным горем. Пусть слышат, если им от этого только весело, если они находят в этом гнусное удовлетворение. Бесчестные обманщики, они думают, что Антон — дурень, дубина и не понимает, как над ним смеются и потешаются!

Антон шагал напрямик сквозь трещающие кусты, топча мягкие цветочные клумбы, всхлипывал, но слезы не шли, наконец он остановился, чтобы обернуться и взглянуть еще раз на низкое, плоское здание, которое как бы издевательски следило за ним. Над головой расшумелись деревья, море свирепо било в песчаные берега, больной Неро, сидя где-то за забором, жалобно скулил. Темнело безлунное небо. И опять на затылок ему упала крупная холодная

капля, легонько шлепнула по голой коже и как бы ушла в глубь тела.

В тот самый миг, когда эта одинокая капля упала на несчастного Антона, в нем разом проснулась и страшная ярость, и страшное упрямство, и необычайная хитрость. Ему показались смехотворными недавние мысли. Покончить с собой или рыдать — из-за кого, из-за какой-то недостойной девчонки? Ошибаетесь, ошибаетесь, гнусные душонки, он, Антон, не тот человек, кого можно поднимать на смех и водить за нос, над кем можно издеваться, как над ничтожным головастиком, который в конце концов будет вынужден прикончить самого себя. Черт их раздери, не ждите этого от Антона!

Он даже не собирался мстить этим двоим — нет, зачем, тьфу, тьфу! В голове у него внезапно созрел сложный, злой и довольно наивный замысел. Увлеченный своей выдумкой, он что было мочи засвистел и, подбежав к крыльцу, несколько раз рванул проводную ручку дверного звонка.

Ждать пришлось недолго, в коридоре раздались шаги, кто-то отодвинул засов, но цепочку не сняли. Антон увидел круглое, полное лицо прислуги, которая сквозь щелку всматривалась в темноту.

— Вызовите-ка на минутку мадемуазель Клару, — настоятельно, как человек умеющий приказывать, потребовал юноша. — Я не могу зайти. Позовите ее и скажите, что это я, Антон, и что у меня очень мало времени. Я подожду здесь!

— Сейчас, барин, — послушно откликнулась прислуга.

Вскоре появилась и сама Клара. Она так стремительно пронеслась по пустому коридору, что, казалось, весь дом наполнился радостным цокотом ее высоких каблучков. Клара мигом сняла цепочку, распахнула дверь и выскочила на крыльцо, чтобы обнять Антона, — для этого было уже достаточно темно. К дыханию девушки примешивался запах шоколада или конфет, которые она, по-видимому, только что ела. Сверля стоящего на ступеньках Антона зоркими глазами, которые блестели, как у кошки, она произнесла страстным шепотом, казавшимся довольно естественным:

— О, дорогой, дорогой! Спасибо, что пришел. О боже, как я ждала минуты, когда вновь смогу упасть в твои объятия... Но почему же, почему же ты заставил меня ждать? И почему ты стоишь тут на крыльце и неходишь! Неужели у тебя совсем нет времени? Слушай, любимый мой, я прошу, прошу, прошу тебя — заходи, посидим... поговорим! Скорей, милый, скорей! Ты же знал, что я дома одна, правда?

— Разумеется, знал, ведь все остальные у нас, кому же еще быть у тебя, — сказал Антон.

— Именно — кому еще быть! — Я... я... надеялась, что ты разгадаешь мои намерения и сразу прибежишь сюда, — не унималась Клара, изо всех сил увлекая Антона за собой, очевидно, для того, чтобы тот, другой, успел благополучно удрать.

— Нет, я не зайду, — возразил юноша твердо и без лишних слов. — Выйдем лучше на минутку в сад, мне нужно тебе что-то сказать.

— Мне... сказать... что-то? — забормотала Клара. У нее был зоркий взгляд — она успела заметить, как через бесшумно отворившиеся ворота скользнула в темноту стройная фигура молодого прапорщика, поэтому, быстро соглашаясь, ответила:

— Ну ладно, если тебе так уже некогда. Но тогда зачем ты вообще пришел? И, пожалуйста, выкладывай поскорее, не то еще опоздаешь к этой дуре, Тамановой дочке! Недотепа!

Антон едва удержался, чтобы не заплакать от злости. Тихо и не спеша он сказал:

— Нет, моя бедная девочка, ты ошибаешься. Это совсем другая...

Удар был метким и больно поразил цель.

— Другая?... Совсем другая? Что за другая? — спросила Клара, чуть не задохнувшись.

— Другая — это та, с которой я тебе изменяю, — ответил Антон. И тотчас же, без передышки продолжал тоном кающегося грешника: — Да, да, прости меня, я больше не могу, я должен во всем тебе признаться! Ведь, кроме того, что мы встречаемся, мы еще и близкие родственники, и хорошие друзья. Поэтому я больше не могу быть подлецом по отношению к тебе, я должен признаться, что... что...

вовсе не любил тебя! Не осуждай и не вини меня, никогда не вини! То, что меня влекло к тебе, была действительно, как ты сама сказала, неприкрытая страсть и больше ровно ничего. Начиная с весны мое сердце принадлежит другой женщине, на которой я, наверное, когда-нибудь и женюсь.

— Антон! — завизжала Клара.

— Да, да, я — мерзавец! Я знаю! Но ты забудь, о, забудь меня! Я недостойн развязать шнурки на твоих ботинках, — ответил Антон.

— Ты... ты... обманывал меня?

— Все время, да... — отрезал Антон. — Прощай!

Одним прыжком соскочив с крыльца, юноша сразу пропал в темноте: он чувствовал, что эта ужасная комедия становится ему не по силам.

Перелезая снова через забор, Антон на самом его верху вдруг горько расплакался. Голова его поникла, сердце затрепетало, как птица, от первых страданий любви, а ноги свесились... левая по одну, правая по другую сторону забора.

Глава пятая

НЕБОЛЬШОЕ СОСТЯЗАНИЕ

Часов около шести Пауль, выходявший куда-то, возвратился домой. Уже второй день прапорщик выглядел весьма озабоченным. Сейчас, прохаживаясь тяжелым шагом по гостиной из угла в угол и слушая спесивую болтовню дяди Мартина о подполковнике Скобелеве, он, как полагается офицеру Действующей армии, изрекал незыблемые истины насчет войны и всего прочего. При этом Пауль, насупив брови, сосал трубку с длинным чубуком, которая легонько подскакивала при каждом его шаге, и пускал в потолок синеватые колечки дыма. Немного погодя он прошел в свою комнату и до того долго и старательно мыл руки и лицо, что госпоже Эмилии даже надоело слушать, как там плещет и журчит вода. «Черт знает, не заразил ли меня этот чудаковатый доктор, когда вчера неожиданно полез обниматься!» — с испугом думал Пауль и в мрачных, трагических красках представлял себе, как он из-за любви подверг опасности даже свою молодую жизнь... черт их подери, эти нежные чувства к какой-то дрянной бабе!

Вернувшись в гостиную, прапорщик еще быстрее заходил из угла в угол, пока на него не напустился отец: это бесконечное хождение стало мешать общей увлекательной беседе.

— Что у тебя стряслось? Топают, топают, будто муравьи в штаны забрались! — сердито гаркнул господин Юстус.

— Прошу извинить... задумался... — пробормотал Пауль, вспыхнув от обиды. Такое поведение отца оскорбляло его офицерское достоинство.

— Да, не бренчи так громко шпорами, ходи чуточку потише, — поддержала мужа госпожа Эмилия.

— С головой у меня неладно, — еще раз попытался оправдаться Пауль. — Голова что-то болит, — смущенно закончил он.

Дядя Мартин, допив свой стакан и старательно облизывая пышные усы, ухватился за представившуюся ему, пусть ничтожную, возможность похвастаться.

— Ага, голова болит? Вот так беда! А почему она у тебя болит? — вскричал он громовым голосом. — Да разве может нынче болеть голова у таких деляг как ты, хо-хо-хо! Хворь — это, брат, не для мужчин. Это бабье дело! Мой старший сынок, подполковник Скобелев Александр Мартынович, никогда не хворал! С детства был как штык! И Макс тоже. Оба словно пружины. Жарко ли, холодно — им любая погода нипочем. У подполковника Скобелева Александра Мартыновича вся грудь в крестах и медалях, а набрал он их всего-то за какие-нибудь полтора года... и все благодаря тому, что закалился и никогда не болел! Черт возьми, кто мы по сравнению с ним, с моим сыном Александром Мартыновичем полковником Скобелевым? Мозгляки! Чистейшие мозгляки.

— Ну ты и скажешь, дорогой Мартин! — Госпожа Эмилия снова неодобрительно покрутила головой.

— А что? Ты прав, Мартин, — согласился господин коммерсант Юстус, — разумеется, по сравнению с твоим старшим сыном мы все совершенные мозгляки.

Братец Хенрик, чтобы хоть как-нибудь проявить себя, снова затянул слегка хмельным голосом:

Оружьем на солнце сверкая...
Под звуки лихих трубачей...
По улицам пыль поднимая,
Проходил полк гусар усачей...

— *Papi, du bist ja wirklich wie ein Minnesenger!*¹ — невзначай воскликнула госпожа Розалия на том тяжеловесном немецком языке, который отличал кадакасаксов², и от испуга покраснела до корней волос.

¹ Папа, ты действительно как миннезингер (искажен. нем.).

² Кадакасакс (эст.) — дословно — можжевеловый немец; так называли онемечившихся эстонцев.

Господин коммерсант Юстус, демонстрируя истинное великодушие, быстро ринулся на выручку дамы. Чтобы отвлечь внимание брата Мартина от ее опасной оплошности, он тотчас обратился к нему:

— Однако я хочу все же заметить, что некоторые царские офицеры, притом высшие чины, далеко не такие злые и нахрапистые, как ты расписал нам своего Александра Мартыновича. И кроме того, я *лично* не видел ни одного царского полковника или капитана, у которого чуть что — сразу расстрел.

— Ах так! Ты, значит, *лично* не видел таких высших офицеров у русского царя, хо-хо-хо! — пренебрежительно усмехнулся Мартин. — *Ну, брось, старик!* А видел ли ты вообще *лично* каких-либо высокопоставленных царских офицеров? Глядишь, небось, только на своего лядащего прапорщика. Когда я написал своему сыну полковнику Скобелеву, что, мол, и твой парень стал офицером, он ответил мне, что это просто-напросто чепуха... «Прапорщик еще никакой не офицер, — ответил он мне. — Прапорщик — это быдло! Такое быдло, которому любой полковник может в морду заехать!» Так и ответил. Не зря у нас в народе поговорка есть, меткая-преметкая... погоди... как же там, черт ее дери, говорится... ага, вспомнил: *«Рак не рыба, ворона не птица, прапорщик не человек!»*. Хо-хо-хо! Ты, значит, не знаешь тех высших чинов, которые... Ну, братец, я думаю, тебе вообще не приходилось еще разговаривать... ну хоть с каким-нибудь подполковником!

Господин коммерсант не ждал такого ответа. Хотя он и уважал своего крепыша-брата и его еще более дюжего сына, но не хотел признавать их величие и мощь. Он видел, как затрясло оскорбленного Пауля, он заметил обращенный к нему пренебрежительный взгляд Эмилии; даже Хенрик, который сумел отличиться лишь тем, что прогнусавил два-три вызубренных куплета, и тот как будто злорадно ухмыльнулся. Юстус негодовал, во рту у него появился привкус желчи, и чтобы подрезать братцу крылья, он с расстановкой сказал:

— С подполковником? Верно, не приходилось. А вот с полковником говорил. Н-да!

— С полковником? О-го-го! — громогласно, словно в жестяной рупор, проревел Мартин. — С полков-ни-ком! Черт побери! О-го-го!

— Да, полковник Квадратов только вчера был у нас в гостях, — сквозь зубы обронил Пауль, как бы между прочим.

В горле у Мартина-арендатора точно щелкнуло что-то и, невероятно вытаращив глаза, он спросил:

— Полковник Квадратов? Это кто же будет?

— Кто? Полковник и все. Ясно? Чего там рассусоливать, — ответил господин коммерсант Юстус. — Мой знакомый. Пришел вчера снова провести меня, вот мы и пошумели почти до полуночи. Мужчина он этаким солидный — тяжелого веса, примерно в моих годах, не какой-нибудь мальчишка. И к тому же, именно полковник, а не подполковник. И владелец имения, а не арендатор! — Тут господин Юстус, прищурившись, поглядел на свои золотые часы и затем продолжал: — Странно, что его еще нет, мы договорились, что сегодня немножко опохмелимся после вчерашнего. «Платон Митрофаныч, — сказал я ему, — не стесняйся, заходи, когда душе угодно, я для тебя всегда свободный часок выкрою, да и глоток винца найдется при любых обстоятельствах». — «Ладно, Юстус Мартынович, — отвечает он, — приду, приду!». Однако уже седьмой час, а он все еще не показывается на горизонте. Слушай, прапорщик, делать тебе нечего — сходи, погляди, чего он там копается, пусть уже идет. Жду — скажи! И добавь, что тут двое моих братцев, которые тоже хотят ему пожать руку. Да не забудь еще сказать, что у одного из них сынок — подполковник, я о нем Платону Митрофанычу уже говорил. Ступай живо, не шляйся больше никуда.

— *Есть, отец, будет исполнено!* — отрапортовал Пауль и звякнул шпорами. За несколько минут, когда он, стоя в дверях передней, надевал шинель, синеватый дым из его длинной трубки наполнил всю комнату, так что хозяйка закашлялась, а тетя Розалия звонко чихнула.

Господин коммерсант Юстус поставил на стол еще две бутылки хорошего французского вина.

— Как? Шампанское? — воскликнул арендатор Мартин и понял, что еще раз потерпел поражение.

— Да, шампанское. А почему ты так удивляешься? — спросил Юстус и как бы между прочим заметил, что его винные запасы все же подходят к концу — осталось всего два ящика этого сорта да три или четыре — другого сорта. Тут же, к слову, упомянул и о своих запасах сахара и муки. Говорил он все это со скукой, будто до того ему скучно, что, кажется, слово произнести не вмоготу, для этого нужны прямо-таки богатырские усилия. Как ни странно, в русской речи господина коммерсанта было теперь совсем мало ошибок, а местами она вообще не требовала поправок.

Хозяин вылил свою рюмку в сорную корзину, гулко выстрелил пробкой в потолок, обвел рассеянным взглядом недопитые рюмки у гостей и принялся маленькими глоточками прихлебывать и смаковать вино, налитое из новой бутылки.

— Да, черт возьми, винцо и правда великолепное! Мумм! — сказал он. — Кончайте-ка поскорее с красным — я налью вам другого, получше. Угощу вас муммом!

Хозяин вел себя до крайности бесцеремонно и казался каким-то особенно вялым. Когда Хенрик со своей Розалией, а также неожиданно присмиривший Мартин последовали совету Юстуса, тот совсем забыл о своем обещании налить им шампанского и занялся предположениями насчет своего приятеля, который почему-то запаздывал.

— Да, черт возьми, куда это старина Квадратов запропастился! — задумчиво рассуждал он, покачивая головой. — Кто его знает, старого козла, еще, чего доброго, проспит мое приглашение. Ну, тогда, братец, увидишь — заставлю его в наказание выпить подряд три бокала мумма!

— А что он в самом деле за человек — этот твой Квадратов? — спросил брат Мартин теперь уже на чистом эстонском языке.

— Что за человек? Я же говорил — пол-ковник! — ответил Юстус.

— Во всяком случае, видно, что он важная персона, — пояснил брат Хенрик; он теперь тоже смог

принять участие в беседе. — Я однажды видел его здесь у Юстуса.

— Что он полковник — допускаю. А вот из какой части и в какой должности? — допытывался арендатор Мартин с растущим любопытством.

И господин коммерсант снисходительно ответил:

— Из какой части? Полковник Квадратов — именно тот самый человек, который кормит и поит всех солдат как стоящих, так и проходящих здесь, снабжает их бельем и обмундированием... Зачем ему еще какая-то определенная воинская часть!

На миг возникло напряженное молчание.

— Ага-а! — медленно и многозначительно начал было арендатор имения Мартин, но вдруг расхохотался так оглушительно, что все испуганно глянули на него. К нему вернулась недавняя удаль и он, все пуще расходясь, проревел:

— Так, так! Вот оно что! Так-так-так! Значит, тыловая акула! Значит — мародер! *Понимаем.* Так вот, старина, заруби себе на носу: подполковник Скобелев — сын мой — давно уже говорил мне — будь его воля, переловил бы он эту волчью стаю, как блох в рубашке, и всех — от первого до последнего — в руки *военного суда*. К смерти, к стенке! *Ро-та, пли!* Пымм — готово! Вот тогда бы и твой Квадратов копыта вверх задрал, как жук навозный! Просто странно, чем ты хвалишься, старина. Тьфу! Мародер, казнокрад! Вошь и тунеядец! Сукин сын! Тьфу!

— Да подожди! — Господин коммерсант рассердился не на шутку. — Чего ты разоряешься, не зная человека! Кто тебе сказал, что Квадратов казнокрад и мародер? Кто? Какое у тебя право так поносить честного человека, который так же воюет за отечество, как и твои сыновья! На каком основании ты... ну-ка скажи!

Мартин захохотал еще более нагло, выпил подряд несколько бокалов шампанского и облизнулся, как кот, наевшийся сливок.

— Воюет, говоришь? — насмешливо крикнул арендатор. — *Послушай, послушай!* За отечество, значит? Эх ты, болван, позволяешь, чтоб тебя так надували! Человек, который сидит в тылу на тепленьком местечке, кутит день и ночь напролет, такой человек

не воюет. Пусть бы шел на передовую, гад! Да куда он пойдет, духу не хватит. *Трус!* Сразу наложит в штаны — вот что он сделает. После первых же залпов! Мой сын, подполковник Скобелев, однажды писал мне, что...

— *К стенке! Рота, пли! Пымм! Готово!* — сказал вдруг Антон с каким-то непонятным для других болезненным озлоблением.

— Ты, сынок, что с тобой? — воскликнула госпожа Эмилия, и без того взволнованная и обеспокоенная ссорой между мужем и деверем.

— Парень, выпей-ка лучше бокал мумма и не вешай голову, — предложил отец, как будто даже благодарный сыну за сказанное. Шаркая туфлями, он прошел в столовую, а вернувшись, сказал Антону: — На, я принес тебе совсем чистый бокал, пей.

И Антон выпил — выпил жадно, закрыв глаза. Ему хотелось или скорее охмелеть, или затеять с кем-нибудь ссору. Руки у него дрожали, голова кружилась, где-то глубоко под сердцем стояло нечто вроде полого шара, который вздувался все больше и больше. Он охотно схватил бы сейчас длинный нож и, выйдя в тьму, напал на кого-нибудь. Все равно на кого! Весь мир казался отвратительным, тошнотворным. Антон наливал себе снова и снова пил, запрокинув голову, зажмурившись, чувствуя, как колотится сердце.

— Боже мой, дитя, что ты делаешь? — вдруг испугалась за сына госпожа Эмилия.

Но сам господин коммерсант лишь одобрительно засмеялся и произнес, еле ворочая пьяным языком:

— Нажимай, друг, не беда. Напиться таким вином — это, мамаша, не зазорно!

Мартин-арендатор, проклиная тыловых мародеров, все больше впадал в раж. Поток его проклятий прервало лишь возвращение Пауля, который с вежливым поклоном ввел в гостиную нового гостя — свое высокое начальство.

Глава шестая

«СПАСИБО, ГОЛУБЧИК, СПАСИБО!»

Полковник Квадратов вошел, а, вернее, как-то вплыл, кивая, покачиваясь и чуточку приседая на ходу. Он был совершенно лыс, лукавые добродушные глаза смотрели из-под густых бровей с неизменной усмешкой и в то же время очень внимательно, а под широким, приплюснутым носом темнели длинные, густые казацкие усы. Плечи у полковника были полные, налитые, затылок в жирных складках, короткая шея казалась толще самой головы, тоже весьма солидной по размеру. Ноги были чуть кривоватые в коленях, по-женски широкий таз плотно обтянут брюками, живот же полностью не отличался и выглядел плоским. Нижняя губа у полковника странно оттопыривалась, точно он все время пытался ухватить что-то, а уши так плотно приникали к голове, что с первого взгляда их и не различить было среди мясистых складок.

Пожимая руки сидевшим в комнате, крайне почтительно расшаркиваясь и ловко звякая шпорами, полковник повторял, как хорошо налаженная и только что смазанная машина:

... честь имею !...
... честь имею !...
... честь имею !...
... честь имею !...

Разговор пошел исключительно по-русски.

Господин Юстус широким жестом развел руками и произнес, стараясь делать как можно меньше ошибок:

— Садись, пожалуйста, Платон Митрофаныч, садись, золотко!

— Куда прикажете, Юстус Мартыныч?

— Куда хочешь, дорогой, куда угодно — сюда, сюда или вот сюда, будь любезен.

— Благодарю, Юстус Мартыныч, покорнейше благодарю! — Полковник Квадратов отвесил еще два-три кругленьких, мягких поклона. — Эмилия Карловна, матушка, разрешите узнать: как живете-можете?

— Благодарю, Платон Митрофанович, за ваше дружеское внимание, — не без легкой запинки ответила госпожа Эмилия.

— Садись же, дорогой! — повторил хозяин.

— Благодарствуйте, благодарствуйте! — ответил полковник Квадратов.

— Ну пожалуйста, садитесь, просим! — подхватила хозяйка.

— Вы прелестны, вы просто ангел с небес, Эмилия Карловна, благодарю вас! — воскликнул полковник и приложил руку к сердцу на манер средневекового рыцаря.

— Ваше высокоблагородие... разрешите предложить вам стул, — сказал Пауль, щелкнув каблучками.

— Спасибо, голубчик, спасибо! — откликнулся полковник Квадратов.

Наконец гостя усадили на стул. А так как все остальные во время этой продолжительной торжественной церемонии тоже стояли, то с минуту в комнате слышался лишь легкий скрип стульев и тихий треск старых диванных пружин.

Хитроватый взгляд полковника быстро обежал лица новых знакомых. Арендатор имения Мартин смотрел на Квадратова из-под тяжелых бровей с откровенным любопытством деревенского жителя и по временам надувал щеки, словно собираясь что-то сказать. Пауль быстрыми движениями набил трубку и с жаром закурил ее, важничая, как петух, который всех чем-то удивил. Рондольф, Эрика и Отто с нетерпением ждали нового разговора о войне и храбрых подполковниках; господин Юстус то и дело обращался к Квадратову на «ты»; Антон сидел в углу, скрежетал зубами и поглядывал на бутылку, мечтая напиться до полусмерти; две полные барыни не спускали глаз с именитого гостя.

Полковник еще раз глянул в лицо каждому из сидевших в гостиной, и сладкая как мед улыбка растеклась по его мясистому плосковатому лицу.

— Помешал вам, голубчики? Сожалею, очень сожалею. Думал — буду желанным гостем, а вот поди ж ты, нарушил ваш серьезный семейный разговор. Эх, Юстус Мартыныч, Юстус Мартыныч, видишь — не любит меня господь бог! Разлюбил, право разлюбил.

— Не грешите, Платон Митрофанович! — воскликнула госпожа Эмилия и звонко засмеялась.

— Ну, ну! Тебя — да чтоб бог не любил! — сказал Юстус.

Арендатор Мартин тем временем преодолел свою первоначальную растерянность. Окаменелое выражение его огромного лица смягчилось, он провел языком по губам, кивнул, словно в ответ на свои мысли, почесал ногтем бровь. Пододвинув стул поближе к столу, он обратился к полковнику Квадратову с легким поклоном:

— Ваше высокоблагородие, разрешите налить. Вино, как видите, первый сорт — знаменитый мумм, изделие старой уважаемой фирмы. Позвольте, ваше высокоблагородие?

— Пожалуйста, золотой мой Мартын Мартыныч, пожалуйста! — ответил полковник. — Рад, весьма рад. Считаю своим патриотическим долгом заявить, что вы говорите на родном для меня языке столь чисто, как будто родились русским. Здесь, невдалеке от германского рубежа, это большая редкость, и потому иной раз такая тоска на сердце, что заплакать впору! Ай-яй-яй — исконная, во веки веков священная русская земля, а наш прекрасный, близкий сердцу язык коверкают так, что просто срам слушать! И когда я встречаюсь с человеком, чья речь вполне достойна, я искренне рад, Мартын Мартыныч, оч-чень!

— Да, это наша беда, ваше высокоблагородие, — сказал арендатор Мартин и льстиво продолжал: — Мы живем далеко от царской милости, поэтому и богом забыты. А соблазнов много, ох как много. Однако если наш язык иногда и не повернется так, как следует, то сердца наши бьются преданностью

нашему государю. Когда началась война, мы присягнули на верность царскому знамени, как и все другие народы, которые живут, как единая семья, заботами нашего милостивого самодержца, на исконной земле могучей России, как вы сами, ваше высокоблагородие, изволили метко заметить. Вы, ваше высокоблагородие, наверно, слышали, как в Тарту, на берегу нашей знаменитой Эмайыги, была устроена уже в день объявления войны мощная манифестация и как там один наш образованнейший человек — его имя Яан Тыниссон — держал речь о верности царю. Эта речь всем запомнится на долгие годы. Наступит час, когда наши доблестные войска сокрушат врага, и тогда недалек тот благословенный день, когда и в этих губерниях, здесь, куда занесла вас судьба, будет звучать только один наш любимый родной язык, как... как и повсюду... по всей могучей и вечной России.

— Спасибо, Мартын Мартыныч, от всего сердца — спасибо! — сказал Квадратов, отирая пот с носа, и его длинные казацкие усы умиленно задвигались. Верноподданнические речи арендатора, казалось, тронули его до глубины души, но хитрые серые глазки по-прежнему проворно шныряли туда-сюда. Помолчав, полковник продолжал, время от времени трагически сжимая губы:

— Да, вы действительно слишком далеко, слишком далеко от всемилостивейшей длани государя императора! И что я еще слышал: немцы, говорят, были здесь как хозяйева!.. Голубчики, как же так? О чем же вы думали, как вы это терпели? Ай-яй-яй, Мартын Мартыныч, куда же это годится! Гляжу я сейчас на своего милого друга и брата Юстуса Мартыныча — золотое сердце, не человек, а диво! А все же и он мирился с немцами! И даже он говорит на родном нашем языке не лучше, чем иная жидовская морда или рвань татарская! Прости, Юстус Мартыныч, голубчик, правду горько слушать, но... зато правда есть правда! Вот тут еще и наш милый Генрик Мартыныч, тоже золотое сердце, золотая душа! А умеет ли он говорить по-нашему? Нет, он и десяти слов не знает, вот и сейчас, видите, сидит как немой. Н-да, плохо, плохо! Позвольте, Мартын Мартыныч,

налить вам бокальчик — всего капельку этого доброго напитка. Прошу!

— Благодарю, милый Платон Митрофанович! — сказал арендатор Мартин.

Господин коммерсант сердито буркнул что-то себе под нос. Черт возьми, опять все пошло вкривь и вкось! Он, Юстус, хотел немножко пофорсить перед бесстыжим хвастуном-братцем, выложил свой самый крупный козырь, а милый братец сумел повернуть дело так, что он сам, хозяин, все это затеявший, остался в дураках. Не хватает еще, чтобы его совсем прогнали отсюда: поди прочь и поучись говорить лучше! И он подумал о том, что если бы сейчас можно было перейти на немецкий или хотя бы на эстонский язык, он сумел бы заткнуть рот брату Мартину! Опершись на мягкие подлокотники уютного кресла, Юстус крутил большими пальцами, сам не замечая, что подражает Квадратову. Тот рассказывал своему новому приятелю о русско-японской войне, в которой участвовал, когда был юным и стройным штабс-капитаном.

Арендатор Мартин как бы в глубоком раздумье покачивал огромной головой.

— Война, конечно... бои... много убитых и раненых... Что же поделаешь, отечество требует жертв. А мне, слава богу, до сих пор везло. Оба моих сынка — подполковник Александр Мартыныч и капитан Максим Мартыныч уже больше года воюют на германском фронте. Все время, без перерыва. И ничего... только капитан Максим Мартыныч (младший сын) на днях был легко ранен в руку выше локтя. Александр Мартыныч, подполковник, мой старший сын, наверно, получит отпуск. Жду их не сегодня-завтра.

— А-а, — понимающе сказал Квадратов.

— У него несколько крестов есть, у моего сына, подполковника, — не умолкал Мартин. — Он часто пишет мне. Он — совсем русский, никакого языка, кроме русского, не знает. Учтите, ваша светлость, что я и вся моя семья давно уже исповедуем православие. Другие братья и родственники — лютеране, а мы православные. И старшего моего сына, подполковника, фамилия уже не Кубелик, как других

наших родственников, а Скобелев. Ее присвоили ему... за храбрость. Я проживаю в деревне, у меня свое имение. Один мой сын — священник. Когда Александр Мартыныч и Максим Мартыныч приедут домой, милости просим — навестите, Платон Митрофанович. К этому времени я позову в гости и самого младшего сына, отца Николая. Покорно прошу принять мое приглашение, ваше высокоблагородие, осчастливьте меня, не откажите!

— От всего сердца благодарю, Мартын Мартыныч, — сказал Квадратов. — Стало быть, голубчик... у вас — имение? У меня, позвольте заметить, тоже есть имение, не очень-то большое, десятин с тысячу... Мне никак туда не съездить, вот уже два года. Управляющий всем ворочает. Ворует, подлец, ай как ворует, но... ворочает!

Господин коммерсант Юстус вдруг встрепенулся и наострил уши, так как брат Мартин продолжал:

— Сколько с ним возни, ваше высокоблагородие, с этим, значит, имением. С сыновьями мне повезло, как я уже говорил, а с имением, признаюсь, не везет. Война занесла в наши края, кроме всего прочего, ящур и сап. Часть моего стада сейчас болеет, много хорошего, упитанного скота приходится продавать за медный грош. Ваша светлость, как потомственный помещик, знает, что это значит для хозяйства. Мясо отличное, чистое — просто золото, хоть сам ешь, хоть дорогого гостя угощай, а пойдешь продавать, у тебя норовят отхватить чуть ли не задаром. Беда, просто беда!

Полковник Квадратов разглядывал свои короткие ногти. Он, казалось, раздумывал. Немного погодя он произнес, соглашаясь:

— Действительно, беда. Ай-яй-яй. Плохо... очень плохо!

— Ужас, как плохо, Платон Митрофанович! Бывает, что и заплачешь, когда один бываешь... — Брат Мартин быстренько налил полковнику вина. — Что поделаешь, судьба! Сыновья воюют за веру, царя и отечество, а скотина от ящурадохнет, Ну, если уже совсем точно говорить, то недохнет, а пользы с нее, скажем, с молочных коров, никакой. Забивать? Единственный выход... А много ли сам я,

старый человек, и семья моя съедим! Мясникам продавать? Продам бы, не будь они такие собаки. Ведь что они, жулики, делают? Они говорят: «Столько платить не будем, а дадим столько-то, доволен — бери, а недоволен, валяй на свалку, зарывай свою скотину». Платон Митрофанович, скажите, что же мне делать! Скажите, голубок, что мне ответить этим мясникам! Еще у меня беда с сеном и с другими кормами для скота. Куда девать мой большой запас, если скотины будет мало и не понадобится столько корма?

— Ай-яй-яй, это плохо, это плохо! — повторил полковник Квадратов, все еще разглядывая ногти.

Две старые дамы щебетали о своих домашних пустяках.

Юстус попытался сорвать хитрые замыслы младшего брата.

— Видите, Платон Митрофанович, — сказал он, — опять ветер поднимается. Ужасная погода. Каждый день так: проглянет солнышко и опять ненастье...

— Погода на самом деле скверная, Юстус Мартыныч, — согласился полковник.

— Позвольте налить вам еще бокальчик, Платон Митрофанович, — снова распорядился братец Мартин. — Прошу покорно. За ваше здоровье! Великолепное вино, превосходное вино! Мой любимый брат дело свое знает и вполне заслуживает похвалы от таких знатоков, как мы, о-хо-хо! Так вот, я и попал в беду, как видите, ваше высокоблагородие.

— Ваше здоровье, Мартын Мартыныч, — сказал полковник Квадратов. — Вы, кажется, говорили, что ваши сыновья приедут в отпуск не то завтра, не то послезавтра? Было бы очень приятно познакомиться с ними, очень приятно. Надеюсь, вы все вместе зайдете ко мне... А если сынки не приедут, заходите и одни. Покорнейше прошу, заходите хотя бы один.

— Благодарю, ваше высокоблагородие. Непременно придем! — сказал братец Мартин.

— Ну, мой молодой друг, пью за ваше здоровье! — воскликнул полковник Квадратов и сделал ручкой Паулю, который сидел как раз против него за столом, держась очень прямо и проявляя величайшую учтивость.

Время подходило к восьми, и госпожа Эмилия распорядилась накрыть стол к ужину. Слегка захмелевший Квадратов прищелкнул языком — у него чуть слюнки не потекли, когда он представил себе те яства, за которые вскоре можно будет приняться. Взгляд его как бы на время ушел вглубь, скрылся где-то под мясистыми потными складками, в недрах черепа. Решив, что его угощают вином реже, чем ему того хотелось бы, он сам завладел бутылкой и, как заправский кавалер, тотчас обратился к двум старым дамам, которые любовались им, втихомолку обмениваясь кулинарными секретами.

— Покорнейше прошу... Позвольте также и с вами чокнуться, глубокоуважаемая Эмилия Карловна? И с вами — матушка Розалия Тимофеевна?

— О, с удовольствием! — откликнулась госпожа Эмилия.

— О, да-да, с превеликим удовольствием! — воскликнула госпожа Розалия.

И снова чокались, снова очень почтительно и низко раскланивались, заглядывали друг другу в глаза и пили маленькими глоточками. Господина Юстуса разбирала зевота. Антон думал, думал, опустошил подряд два фужера и снова заскрипел зубами; Пауль то и дело набивал свою английскую трубку с прямым чубуком; братец Хенрик был уже сильно на взводе и дремал. Госпожа Эмилия подозвала прислугу, дала ей какие-то указания, и вскоре толстушка-горничная распахнула дверь в столовую, откуда мигом потянуло множеством чудесных ароматов.

— Пожалуйста, барыня, стол накрыт.

— Ну, слушайте, Эмилия Карловна, это уже чересчур. Действительно, чересчур! — воскликнул полковник Квадратов.

Дружеское застолье затянулось допоздна. К десяти часам дамы заявили, что утомились и хотят отдохнуть. Детей они увели с собой. Полковник Квадратов провожал их бесчисленными поклонами и целовал ручки, как заправский сердцеед. Пауль курил как сумасшедший, словно задумал убить себя табаком, Антон порою дремал, все еще скрежеща зубами; дядя Хенрик заливался бессмысленным смехом и скри-

пуче тянул какой-то куплетик из песни о веселых гусарах. У господина коммерсанта болел живот, нудно и тупо, пришлось раза два сходить в сад — его стошнило.

Около половины одиннадцатого полковник Квадратов потребовал цыган, но Паулю удалось раздобыть лишь трех балалаечников. Те тренькали во всю мочь, топали ногами и лихо подпевали. Полковник Квадратов завывал нечто чувствительное о бродягах и волжских бурлаках; полковник Квадратов схватил со стола две пустых бутылки и храбро бил их одну о другую; полковник Квадратов, скинув мундир и зажав во рту два столовых ножа, долго и усердно отплясывал лезгинку. В одиннадцать часов полковник Квадратов потребовал девок, которых ему все же не доставили, хотя высокий гость, в отместку за категорический отказ хозяина, грозился проникнуть в супружескую спальню. В половине двенадцатого полковник Квадратов захотел показать друзьям свою ловкость и сделал попытку взобраться на буфет, но упал, сел на полу, закрыл глаза и запел «Боже, царя храни».

Братец Мартин, наблюдая все это, хохотал так, что, казалось, дом содрогался. Арендатор тоже решил позабавиться и, грузный, неповоротливый как медведь, долго топтался посреди комнаты, хлопая себя ладонями по коленям и ляжкам. Когда высокий гость, растянувшись на полу, захрапел, Мартин обнял Юстуса за шею и громко разревелся, вспоминая отца и мать, умерших уже более двадцати лет назад. Выпив еще, арендатор имения толкнул Хенрика кулаком в бок и шепотом похвалился, что ему, наверное, удастся сбыть весь свой больной скот, на котором он уже поставил было крест...

Вскоре старшие остались одни, потому что Антон, Кунц и Пауль решили отправиться на поиски приключений.

Глава седьмая

ОНИ ПЕСНИ ПОЮТ, ОНИ ВОДОЧКУ ПЬЮТ

Трое юношей, держась под руки, шли по запущенным улицам и распевали во все горло. Ночь была ветреная, город спал в непроглядной тьме.

Антон, обуреваемый романтической печалью, вздыхал и потихоньку икал. Он никогда еще не напивался, и сейчас весь окружающий мир казался крайне безотрадным и невыносимым. С каким трудом приходится ему влачить свои дни — неужели это жизнь, неужели это молодость, неужели это будущее, полное надежд? Оно казалось раньше таким прекрасным и многообещающим, а теперь — конец, все, что мчалось вперед по сверкающим рельсам мечты, грубо опрокинуто, разбито, смято! У него очень устали ноги, его неотступно сверлила мысль, простая и жалкая: сесть бы тут на край тротуара у сточной канавки, уткнуться головой в колени и умереть... умереть!

Кунц, стараясь идти в ногу с Антоном, запыхался:

— Господа офицеры и просто штатские, куда мы тащимся? — спросил он.

— Куда тащимся? — переспросил Пауль, на ходу постукивая пустой трубкой по стенам домов и ставням. — Заткнись и не дознавайся! Куда? К девкам — вот куда! Хо-хо-хо! Черт возьми, ну и кутнем сегодня! Ведь кто из нас может сказать — будем ли мы завтра живы? Кто может сказать, а?

— Вот как — к девкам? Здорово! — завопил Кунц и разразился радостным смехом. — Слышишь, Антон, мы идем к девкам. Между прочим, скажи, Христова душа, дорогой кузенчик, известно ли тебе, что это за пташки? А если известно, то охота ли тебе идти туда?

— Замолчи, — сквозь зубы процедил Антон.

— Что? Это кому еще не хочется идти с нами? Не дурите — никого не отпускаю! — гаркнул Пауль. — Все вместе пойдём! Слышите, драконы, я плачу. Вам кутить, а мне платить, вот так! Попробуй-ка не пойти! Я вас еще проучу — как дам в зубы, сразу мою руку узнаете. Между нами: у меня там, куда мы идем, была хор-рошая бабенка. Как телка-двух-летка. И представьте себе: взяла да заболела. Вот ведь дура. *Черт побери, что я — мало платил, что ли?* Сколько всякой провизии перетаскал ей и трем ее щенкам... Сахару! Крупчатки! Саговой крупы! Всего! Вот как! А муж, небось, когда воротится из Австрии, меня же попрекнет; женушка моя дохленькая, худенькая, никакого веса она не прибавила на моем попечении, а скорей чуточку спустила. Хо-хо-хо! Да жаль, что она, дуреха, расхворалась и нельзя вас к ней свести. Ничего не поделаешь — судьба. А поэтому — марш в другое место. Плачу я. *Не бойтесь, братцы, и не стесняйтесь: пейте, ешьте, делайте что хотите...* за все плачу.

— Ладно, — сказал Кунц, — по рукам! Чего нам трусить и стыдиться? Не знаю, как там Антон, а я самого сатаны не испугаюсь. Эй, Антон, неужели боишься или стесняешься?

— Мне... теперь ничего не страшно... и не стыдно... ровно ничего. Я... несчастный человек и хочу забыться, — сказал Антон, всхлипывая. Выпитое вино лишь сейчас по-настоящему ударило ему в голову.

— Чего еще?... Как? Что тебе, щенку, вообще забывать? — закричал Пауль, который тоже все больше пьянел. — Я плачу за все! — Он широко повел рукой. — И нечего тебе там забывать. Музыка будет, водка... и бабье. Давай, жми без никаких... Кто вы против меня — сопляки! Семнадцатилетние сопляки. Мой двоюродный брат, подполковник Скобелев, с такими и говорить бы не стал, хо-хо-хо! Вот!

Кунц снова весело засмеялся и сказал:

— Неужели Антон еще такой сопляк? А мне уже давно не семнадцать, прикинь еще годика полтора!

— Брось чепуху нести! Семнадцать тебе — и баста, и я за все плачу, — заключил Пауль.

У Антона щемило сердце, все щемило и щемило. Теперь, когда не нужно было притворяться, ему хотелось безудержу жаловаться, говорить кому-то о своем горе или просто плакать, чтобы сердцу стало полегче. «Прощайте, друзья, прощай, отец, прощай, дорогая мама, я должен умереть! — думал он. — Спасибо за вашу заботу обо мне. Хотя вы тоже, вы тоже причиняли мне боль, но я прощаю вас... только забудьте меня поскорее! Не оплакивайте сына, смерть — самое лучшее для меня, потому что такова моя участь и нет у меня выхода. Видите, друзья, от вас уходит человек. чей ум и энергия могли бы в будущем свершить многое, но пошлый и мерзкий мир загубил его душу и он скоро пойдет ко дну... как камень».

Ветер трепал деревья, пошел дождь.

— Видите, мои богоспасаемые братья и кузены, — зубоскалил Кунц, — полил дождь, нам нужно где-нибудь укрыться. Пауль только разглагольствует, а куда пойти, не знает. А я знаю. Да-да, следуйте за мною, все страждущие и обремененные, и аз отведу вас туда, где вы обретете спасение, ибо мне известно именно такое место, где усталый путник может приклонить голову.

— Лягушонок! — ответил Пауль. — Это ты поведешь нас? Хо-хо-хо! Болван! Куда ты, дубина, хочешь вести нас? Ну, куда? Эх, жаль, что моя мамзель заболела. Я бы свел вас, как родственничков, прямиком туда, к ней! Только она лежит сейчас, как салака, брюхом вверх, к ней никак нельзя, может быть, она уже и окочурилась. Дядя Ганс, эта старая клистирная трубка, сказал мне — держись, брат, подальше, не играй с огнем! Повозишься, говорит, с нею и самому тебе крышка. Ну, да ничего — у нее две подруги на том же дворе живут. Их-то мы наверняка найдем. А ты, лягушонок, берешься вести нас, хо-хо-хо! Услышь тебя подполковник Скобелев, он бы лопнул со смеху! Еще немного пройти, и мы у цели. Да, дорогие друзья и родственники, немного терпения — и мы на месте.

— Долго ли нам еще мучиться, смотри, льет как из ведра. Мы с Антоном вымокли до нитки, — проворчал Кунц.

Дождь действительно усилился. Крупные капли хлестали идущих по лицу, по шапкам, по пальто. На улицах не видно было ни зги. Ветер трепал деревья. Ветер трепал деревья, шумело море. Ветер трепал деревья, море шумело, по камням мостовой журчала вода. Мимо прошел военный патруль, осветив парней электрическим фонариком. Часы на немецкой кирке пробили двенадцать. Ветер трепал деревья. И Кунц спросил:

— Итак, мы с божьей помощью и с твоего любезного согласия скоро доберемся до цели?

— Скоро, скоро! — успокоил его Пауль. — Разумеется, скоро! А ты не пищи! Прибереги свои деньги на молоко и на книжки с картинками, а за самогон и баб расплачиваюсь я! Мы, офицеры Действующей армии, никогда не скулим, мы берем жизнь какая она есть. Сегодня шутим и смеемся, а завтра, может, ляжем в сырую землю.

— В сырую землю... — повторил Антон.

Кунц разозлился.

— Когда я скулил? — спросил он злобно. Однако Кунц был хитер, имел какие-то свои планы, поэтому, тотчас же снова стал покладистым и дружелюбным, как всегда. Сплюнув в темноту, он продолжал: — Прости, старина, ты прав и разбираешься в деле лучше меня. Конечно, куда мне тягаться, ха-ха-ха! Я-то всего разика два... ты понимаешь меня? А что, интересно, Антон думает обо всем этом?

— Я... я... ничего не думаю, — пробормотал Антон. — Я хочу... хочу водки. Мне бы только водки!

— Будет тебе водка! — успокоил его Пауль. — Раз хочется, так и получишь. И бабы, и водка — все будет. Итак, господа, приготовьтесь. Айда, сюда! — Опередив других, он перешел залитую дождем улицу.

— Ага, стало быть, здесь разбили свои шатры прекрасные израильтянки, — воскликнул Кунц и весело заржал.

— Тут это... да? Именно тут? — повторял Антон.

Они миновали разбухшие от сырости ворота и, чертыхаясь, прошлепали через темный двор. На фоне исчерна-сизых туч глаз едва различал темные массы

домов. Шумел дождь, шумел и лил как из ведра. Где-то весело тренькали балалайки, им подыгрывала гитара, хмельные басы орали песню, слышались визгливые, звонкие голоса женщин. А дождь шумел и шумел. Впереди резко распахнулась дверь, во тьму октябрьской ночи упал сноп желтоватого света. Кто-то, громко смеясь, отбежал налево, по-видимому, к сараям, и сразу же вслед тяжело протопали мужские шаги. А дождь лил и шумел, шумел и лил. И снова возникла на пороге какая-то фигура, остановилась, подбоченившись, в дверном проеме, точно в раме. Со свистом продувая свою трубку, в которую натекла вода, Пауль крикнул по-свойски:

— Здорово! И тут знакомые нашлись!

— Нашлись! — раздалось в ответ с порога.

По деревянным прогибающимся под ногой ступенькам гости, бойко грохоча сапогами, поднялись на крыльцо. Человек, стоявший в дверях, вошел обратно в комнату, трое гуляк втиснулись один за другим в маленькую переднюю, где было посветлее и где их встретила лихо растрепанная белокурая женщина. Мерный шум дождя сразу куда-то отдалился, из комнаты наплывал неяркий свет вместе с настороженной тишиной, которая как бы украдкой следила за вошедшими. Женщина расхохоталась, и тотчас же затренькала балалайка. Из-за темно-зеленых занавесок вынырнул военный чиновник в форме, отвесил комический поклон и вскричал:

— О! Так это ты, сиятельный генерал? Здравствуй!

— Пауль, чертяка, ты как сюда попал? — спросила растрепанная блондинка и засмеялась еще веселей. — Это кто? Твои друзья?

— Да, это мои друзья! — величественно подтвердил Пауль. — Обходишь с ними по-хорошему, как со мной: поскольку они мои друзья, то вроде бы как я сам. Можешь быть уверена: славные ребята, хотя еще протирают штаны на школьных партах. Ну, знакомьтесь. За все плачу я, все пишите на мой счет. Это, дорогие христианнейшие братья, сама госпожа Лийспет. Ее супруг лупит немцев и зарабатывает себе награды, а сама она служит Российской державе здесь в тылу. Горячий чай есть? И не найдется ли

водчонки? А кто это сломя голову пробежал по двору? Госпожа Анни... или кто другой?

— Ты угадал. Это и была наша красотка, госпожа Анни. Проходите, пожалуйста, — пригласила блондинка.

Вошли. В задней комнате сидели еще двое. Один, низенький, широкоплечий русский, короткими, тупыми пальцами ударял по струнам. Его тощая подружка, рыжая, со впалыми щеками, тоже, видимо, солдатская женка, усердно подпевала балалаечнику. В комнате было очень накурено, лица у всех лоснились от пота. Здороваясь, молодые люди пожимали липкие, влажные пальцы. Госпожа Лийспет, встречавшая поздних гостей в передней, кивнула Кунцу, как старому знакомому, и сказала, что ненадолго отлучится. О нет, пусть молодой человек не беспокоится, она скоренько вернется. Накинув клетчатую шаль и напевая, как птичка, она открыла дверь и скользнула во мрак. На мгновение дождь прошумел совсем близко. Смех во дворе затих. Пауль, бренча шпорами, длинными шагами ходил из угла в угол. Широкоплечий русский улыбнулся всем своим веснушчатым лицом и показал на стул, который валялся на полу:

— Садитесь, друзья! Будьте любезны!

Худощавая женщина довольно изящным движением закинула голову и, растопырив пальцы, поправила волосы, закрученные над ушами в круглые котлетки. Когда к ней подсел Антон, она не менее изящно взяла со стола бутерброд и словно нехотя принялась за еду, далеко отставив мизинец: она видела это, наверное, в кино. Военный чиновник отыскал в шкафу зеленую бутылку и, дружески улыбаясь, поставил на стол. Улыбнулся и широкоплечий русский. Его узкие глаза показались Антону очень добродушными.

Госпожа Лийспет вернулась в сопровождении двух рослых женщин в возрасте примерно лет сорока. У них были сильные и скользкие руки, словно они только что выжимали мокрое белье. На какой-то миг в комнату ворвался шум дождя, чтобы затем вновь погрузиться в ночь, отовсюду обложившую дом. Антон на секунду закрыл глаза, чтобы преодолеть

непрерывное головокружение, которое началось еще на улице.

Жуя бутерброд, худощаваая женщина тихо напевала:

Далеко-о на чужби-ине,
В Августо-овских лесах,
Одино-окая моги-ила,
А над нею — бе-елый крест.

— Ерунда! — сказал Пауль. — Твой муж служит где-то в Сибири!

— Так то муж... а слова у песни такие, — усмехнулась худощаваая.

— Это мой... воевал в Августовских лесах, — прогнусавила одна из пришедших женщин и, сняв с головы платок, кинула его в угол на кровать. Блондинка Лийспет отбросила кудряшки за уши и сказала:

— Ребятки, не спорьте, а пейте чай. Слышите, как льет на дворе. Мы здесь в теплой комнате, как у Христа за пазухой, в то время как... куда же это Анни запропала со своим молодым человеком? Они, ей-богу, совсем как голубки... и на полчаса расстаться не могут!

— Не то что на полчаса, а и на четверть часа, — добавила одна из сорокалетних женщин.

— Во как! — воскликнул широкоплечий солдат и, ущипнув свою подругу за ляжку, многозначительно подмигнул Антону.

— Это что за «во»! Пакостник ты — и больше ничего! — отмахнулась от него худощаваая и принялась за новый бутерброд.

Пауль, который ходил по комнате, стремительно поворачиваясь словно по команде «кругом», закурил трубку и возразил:

— Пакостник? Почему? Ничего подобного — это любовь! Может быть, завтра его зароят мертвого в землю. И каждый из нас может завтра ноги протянуть. А потому будем сегодня брать от жизни все, что только можно. Не так ли? Чего мы нос повесили? Ваше здоровье!

— Ребятки, пейте чай! — выкрикнула госпожа Лийспет. — Как же ты все-таки сюда попал? — снова

повернулась она к Паулю, ласково на него глядя. — Поссорился со своей закадычной подружкой, что ли?

— Моя подружка хотела меня отравить! — ответил Пауль, трагически тараща глаза, красные от частых пьянок.

— Да ну брось ты, скажешь тоже — отравить! — Худощавая повела плечами.

Кунц, украдкой поглаживая могучее бедро сорокалетней, пробормотал точно таким тоном и голосом, как полковник Квадратов:

— Ну, горлица моя святая, садитесь поближе! Садитесь, пожалуйста!

— Брось, парень, не передразнивай моего друга! — крикнул Пауль, не замечая, что сам то и дело подражает сразу двоим — Квадратову и дяде Мартину.

Антон, почувствовав тошноту, встал, чтобы выйти. Он с рассеянным видом, не вынимая рук из карманов, прошел через переднюю, распахнул дверь ударом ноги и несколько раз глубоко вздохнул. Рослая сорокалетняя женщина с черными как смоль волосами вышла следом за ним и вздохнула у него за спиной. Антон, думая о подлом вероломстве Клары, вдруг обернулся и прижал женщину в угол прихожей. Он ждал, что она будет сопротивляться, но нет — женщина сама пошла ему навстречу, он ощутил теплое дыхание, пахнущее луком. Это было отвратительно. Нет, черт возьми, такой едкой луковой вони, такого откровенного непотребства он все-таки не мог вынести! Антон охотно убежал бы прочь, но из боязни показаться трусом он с притворной страстью целовал вяло льнущие к нему полные, мягкие губы.

Женщина спросила шепотом:

— Как? Неужто здесь? ..

— Можно... Можно и здесь, — промычал Антон, только и думая, как бы удрать. Буркнув что-то в извинение, он ринулся вниз по низким деревянным ступенькам и услышал справа голоса, едва слышные за шумом дождя. Очевидно, это шептались те двое, о которых шла речь в комнате. Так как дождь продолжался, они укрылись от непогоды не то в чулане, не то в уборной. Тьма сгустилась настолько, что нельзя было различить даже очертаний домов. Через

двое дверей слабо доносился визг и хохот веселых солдатских женок. У ног Антона журчала вода, крупные капли били в лицо, и ему показалось, что он стоит где-то на морском берегу, у самой воды.

Вскоре он продрог и той же дорогой медленно побрел обратно. Снова поднялся по гнущимся ступенькам и взволнованно прислушался к шепоту, который становился все явственней. Антон вошел в переднюю. Солдатская женка, от которой он удрал, управляла юбки, стоя спиной к стене. Кто-то быстрой тенью отпрянул от женщины и юркнул в комнату. Братец Пауль! На кухне кипятили чай, звенели ножами и вилками. Широкоплечий русский солдат без устали тренькал на балалайке. Вторая солдатская женка, помоложе, с более светлыми волосами, сидела на кровати, с тупым выражением, словно чего-то терпеливо дожидаясь. Пауль, красный как рак, стоял посреди комнаты и, держа в руке бутылку, наполнял большую рюмку. Он испытующе покосился на Антона, пытаясь узнать, заметил ли тот его в передней, выпил водку и крякнул, как заправский гуляка. Военный чиновник и худощавая подруга широкоплечего балалаечника протяжно затаили:

В краю австрийском да-альнем
Земля в крови гори-ит,
И молодой эсто-онец
Там раненый лежи-ит.

— Чепуха! — сказал Пауль и выпил еще рюмку. Кунц, усердно готовивший бутерброды, подошел к кровати, сел и обнял молчавшую женщину за талию. Та улыбнулась, впервые за все это время, и сразу начала есть; выражение тупого ожидания исчезло с ее лица. Кунц принес ей стакан горячего чая и горсть кускового сахара. Антон не узнавал своего двоюродного братца: до чего он сейчас странный и чужой какой-то. У кровати стояла бумажная ширма, и Кунц носком ботинка принялся постепенно раздвигать ее. Но немного погодя он бросил это занятие, сказал что-то женщине на ухо и вышел. Солдатка почти сразу последовала за ним, на ходу дожевывая бутерброд. Госпожа Лийспет, стиснув от натуги зубы, внесла из кухни большущий самовар, Пауль тотчас

же бросился ей на помощь, звеня сверкающими шпорами.

— О, благодарю вас, — сказала госпожа Лийспет.

— Не стоит благодарности, уважаемая. Простите нашу невнимательность! — воскликнул Пауль.

Военный чиновник пел:

Невеста, мать иль сестры
Мне слезы не утру-ут,
В мой смертный час после-едний
Одни лишь пу-ушки бьют.

— Чепуха! — рявкнул Пауль.

— Ты говоришь совсем как дядя Ханс, — сказал Антон.

— Чепуха! — повторил Пауль.

Недавняя прогулка во двор хорошо подействовала на Антона, голова у него прояснилась, умирать и пить водку больше не хотелось. Пора уходить, подумал он, но продолжал сидеть, чтобы не уступать другим, чтобы казаться таким же крепким парнем. Антон попросил у госпожи Лийспет стакан горячего чая, выпил его, прихлебнул отвратительной сивухи. Вернулся Кунц, такой же красный, как давеча Пауль. Худощавая женщина, сидевшая рядом с коренастым солдатом, перебирала струны гитары и, улыбаясь своему веснушчатому кавалеру, пела в нос:

В долине речки Са-ана
Сижу печа-ален я,
За что в молодые го-оды
Постигнет сме-ерть меня-я...

— Чепуха! — снова бросил Пауль.

Вдруг дверь отворилась и вошел... тот смазливый прапорщик-тыловик, которого Антон видел лишь несколько часов назад у Клары, своей возлюбленной!

Глава восьмая

ГЕРОЙ С ВИЛКОЙ

Антон сжал кулаки, на скулах и висках его напряглись мышцы. Но внешне он оставался спокойным и сделал вид, будто больше всего занят своим остывшим чаем. Когда юнец в мундире протянул ему руку и с явным высокомерием взглянул на него, нервы у Антона напряглись до того, что, кажется, еще немного — и он схватит саблю, поставленную Паулем в угол, и зарубит обидчика. Даже ноги у него напряглись и словно окаменели.

Старший брат, ловкими и уверенными движениями готовя пунш, спросил фамильярно:

— Ну, вернулся из своих райских путешествий? Чертовски долго ты сегодня там околачивался. Ха-ха-ха! Куда же ты девал Анни?

— Извини, это касается лишь одного меня, — надменно ответил прапорщик Кяэрик.

— Натурально! Ясно! Я просто так поинтересовался, — сказал Пауль.

Кунц, который после недавнего любезничанья с пожилой солдаткой пребывал как бы в легком похмелье, понуро сидел у стола и глядел в пол. Выложенный прапорщик совсем ему не нравился. Черт побери, теперь их с Паулем уже двое — офицеров Действующей армии, думал Кунц с досадой.

Он обладал для своего возраста удивительно острым чутьем, и это чутье подсказывало ему, что сей хлюст в мундире смотрит на него свысока. Вдруг разозлившись, как это иногда с ним случалось, Кунц стукнул кулаком по столу:

— К дьяволу! Куда ни пойдешь, куда ни сунься, везде на тебя таращатся всякие пижоны, как будто нет у них другого места!

— Молодой человек, вам, наверно, чудятся призраки, — засмеялся прапорщик Кяэрик.

— Призраки? Э, нет, призраки светятся насквозь, а вы непрозрачны, — отрезал Кунц.

— Что вы этим хотите сказать? — воинственно спросил прапорщик и, покраснев, глубоко засунул руки в карманы.

— Оставь парня в покое, иначе я сверну тебе шею, — вмешался Пауль.

Встретивший Кубеликов в сенях военный чиновник, который своими длинными, реденькими усами и узкими зубами напоминал грызуна, сначала затруднялся, чью сторону взять в этом возникавшем конфликте. Но затем предпочел, видимо, присоединиться к более сильной стороне — к трем Кубеликам, которые казались единодушными. Прапорщик Кяэрик, увидев, что остался в одиночестве, перешел к медленному отступлению. Он воскликнул со смехом:

— Шутка шуткой, братцы, а дело делом — в животе-то пусто. Госпожа Лийспет, у вас еще найдется чего-нибудь перекусить?

— Найдется, миленький, почему не найтись, пожалуйста! — воскликнула красавица-блондинка. Она была очень рада, что ссора не вспыхнула.

Оглядев по очереди всех сидящих за столом, Пауль бархатным баском пророкотал:

— Ох, черт, чего только сегодня не лакали! С самого обеда пили с полковником Квадратовым, у которого я сейчас под началом, а до этого еще заложили... в своей компании. Шампанское, всякие красные вина и все этакое деликатное, высшего сорта... Пей, братва! Это пошло похуже, правда, чем шипучка мусью Мумма, но пригодно хотя бы для того, чтобы им, на худой конец, пузыри прополаскивать. Ваше здоровье!

— На здоровье! — откликнулся из угла молодой веснушчатый балалаечник, который сидел на кровати и просительно глядел на всю компанию, надеясь, что ему поднесут за труд.

Однако никто не вспомнил о нем, даже тот военный чиновник с обличьем грызуна, который привел его сюда. Только и осталось солдату, что облизываться.

— Полковник Квадратов, твое начальство? Хо-хо? — насмешливо сказал Кяэрик.

— Думаешь, я привираю? — очень серьезно спросил Пауль, взял из угла саблю и, опершись на эфес, скрестил ноги, обутые в лакированные сапоги.

— Привираешь? Да ну тебя! — со смехом отмахнулся прапорщик Кяэрик.

— На здоровье, на здоровье! — закричали солдаты, которым подала знак испуганная госпожа Лийспет.

Пауль был настроен пока еще миролюбиво и вскоре забыл о своем оскорбленном самолюбии. Отнес саблю обратно в угол, он вновь пустился в сентиментальные рассуждения на излюбленную тему.

— Ваше здоровье, мадамочки! Пьем! У нас, офицеров, жизнь как у птички на ветке. Сегодня ты весел и сыт, а завтра тебе каюк — ляжешь в сырую землю!

Кяэрик снова рассмеялся, все больше забывая недавнюю свою осторожность. Он повернулся на каблуках и, расхохотавшись уже в третий раз, сказал:

— Офицерская жизнь! Ерунду говоришь, братец, не обижайся за мою прямоту. Ведь половина здесь сидящих — зубрилки-буквоеды.

— Как это — зубрилки? — спросил Пауль.

— Да так — зубрилки и все!

— Г-м?

— Ты что-нибудь сказал, прапорщик?

— Нет, ничего, прапорщик!

— Тьфу! Что за странность! Куда бы я сегодня ни сунулся, везде пижоны таращатся! — повторил Кунц свою задиристую фразу. — Черт знает, что этот господин против меня имеет, чего он меня дразнит! Прямо тошно слушать, поверьте, друзья! — Как бы в подтверждение своих слов он презрительно сплюнул и, разминая ноги, прошелся вокруг Кяэрика, словно опасаясь, что иначе тот не поймет, против кого направлены вызывающие слова.

— Господа гимназисты, наверно, чересчур часто сидят перед зеркалом, вот почему! — сверкнул глазами Кяэрик, но уже не сумел придать убедительность своему жесткому смеху.

— Говорят тебе, оставь парня в покое, не то шею сверну! — все еще добродушно сказал Пауль.

— Ребятки, милые, не спеть ли нам хором? — предложила госпожа Лийспет, чтобы помирить гостей.

Кунц не унимался:

— Перед зеркалом? Нет, ваше превосходительство, не получается. Если я и смотрю в зеркало, то вас там не вижу!

Антон не сказал ничего, только тихо скрипнул зубами и под столом прижал кулаки один к другому. О, как он ждал, что вспыхнет ссора! Юноше казалось, будто у него глаза выпучены, как у гончего пса, что ногти отрастают все длиннее, что он мог бы сейчас схватить и рвать врага хоть зубами. Вор, хулиган, подлый обманщик... твердил он мысленно. Словно какой-то узкий обруч медленно сдавливал Антону грудь, ему было трудно дышать, воздух с шипением пробивался сквозь стиснутые зубы. Выждав момент, когда никто не обращал на него внимания, он украдкой взял лежавшую на столе вилку и сунул ее под полу куртки, за ремень, хотя и сам не отдавал себе отчета, зачем она понадобилась.

— Не понимаю, почему сегодня здесь так отчаянно провоцируют, — сказал прапорщик Кяэрик, кривя рот, — Будь эта провокация хоть остроумной... а то ведь она... ужасно плоская. Может, кто-либо считает, что мне надо уйти?

— Принуждать не будем, случилось и на более вонючие кучи натекать, — сказал Кунц, пуская в потолок большие клубы табачного дыма. Потом, словно о чем-то поразмыслив, добавил с легким поклоном: — Впрочем, счастливого пути, господин генерал!

— Заткнись и ты, парень, — буркнул Пауль, стараясь держаться справедливого нейтралитета.

Госпожа Лийспет еще раз выступила в роли миротворца:

— Конечно, всякие недоразумения порой случаются. Но что ж с того? Ну, не так, скажем, поймут иное словцо, как нам хотелось бы... Зачем же из-за этого вздорить, ребятки? Да еще в присутствии дам. Это уж совсем никуда не годится.

— Увы, да, это просто безобразие! — подтвердил Кяэрик, и нельзя было понять, говорит он всерьез или шутит.

— Я же сказала, что бывают порой недоразумения, — повторила госпожа Лийспет.

— Вы правы, мадам, бывают, — согласился Кунц. — Вот, например, такой случай: богу захотелось пошутить, он наступает ногой на кусок дерьма... и из него мигом рождается какой-то диковинный лупоглазый...

— Кого вы подразумеваете? — спросил прапорщик Кяэрик и в третий раз залился румянцем.

— Клянусь вашей реденькой бородашкой, сударь, что отнюдь не себя и не тех, кто носит ту же фамилию, что и я, — сказал Кунц. — А также ни наших дам, ни милых музыкантов, ни господина писаря, сидящего за самоваром. Вот так. А теперь подумайте, кого я подразумевал!

— Молокосос! — сказал Кяэрик.

— Очень приятно. Но вы уже представились раньше, — ответил Кунц. — Кстати, моя фамилия Кубелик.

Худошавая женщина, сидевшая рядом с балалаечником, затянула:

Прекрасен был весенний ве-е-чер,
Горели звезды в вышине.
А там у польских гор дале-е-че
Отряд наш крался в тишине.

— Чепуха! — бросил Пауль и гроыхнул — хо-хо-хо! — совсем как дядя Мартин.

Худошавая женщина запела второй куплет:

Цветет весенняя доли-и-на,
Тра-та-ра-ра, тра-та-ра-ра,
А для солдата молод-о-го
Пришла последняя пора...

— Чепуха! — фыркнул Пауль. — Хо-хо-хо!

Тем временем у Антона созрел очень замысловатый, как ему казалось, и весьма коварный план. Юноша был убежден, что сегодня должно произойти нечто необычайное, что он не может не отомстить этой свинье за свои страдания и разбитую жизнь. Он

улучил подходящий момент, кивнул Кунцу на дверь, встал и вышел. Шумная комната осталась позади и словно канула в небытие, так же, как раньше куда-то канул город, погруженный в тьму ненастной осенней ночи. На миг юноша задержался в сенях, тяжело перевел дух и услышал, словно через усилитель, как за дверью шумел дождь, шумел дождь, шумел дождь. Подошел Кунц, и Антон, запинаясь, чувствуя, что слова у него срываются как-то кувырком, что они кажутся ему странными, несуразными, пробормотал:

— Идем... идем... знаешь... Если бы ты и Паулю сказал... Давай всыпем этой свинье... покрепче! Чего он... дразнится...

Теперь и Кунц заскрежетал зубами, так громко, что слышно было и сквозь шум ветра. Он казался обозленным до крайности, но и сейчас его не покинула природная хитрость. Наклонившись почти к самому лицу Антона, он задыхаясь прохрипел:

— Зададим ему, дьяволу! Только потерпи чуточку. Я их стравлю — Пауля и этого паршивца. Сам Пауль не раскачается!

— Да... да... да, — пробормотал Антон.

Кунц еще раз скрипнул зубами (казалось, он грызет стекло) и вернулся в комнату. Антон же, забрав из передней пальто и шапку, пожелал белокурой Лийспет спокойной ночи и нарочно громко добавил, что ему пора идти. Однако он не ушел домой, а остановился у ворот, поджидая. Порывы ветра трепали полы его пальто, промокшие ноги заоченели и сильно заныли, но из дома никто не показывался. А вообще был ли там кто-нибудь? Может, все это дурной сон: даже балалайки не слышать. Нет, нет, балалайку не слышно, потому что окна занавешаны и двери закрыты! Дома дышали, источали дурные запахи и, как бы стыдясь их, судорожно пытались скрыться в черноте октябрьской ночи. Наконец в темноте раздались шаги, они приблизились, Кунц шепотом спросил:

— Эй, где ты?

— Я здесь! — отозвался Антон.

— Вообрази, что устроил этот гад, — зашептал Кунц. — Пока наш Пауль танцевал, он выскреб из

цветочного горшка горсть грязной земли и высыпал Паулю в чай. И еще бутерброд тоже присыпал, будто перцем. Ха-ха-ха! Скотина! Я сам все это ясно видел, а он ни в какую, на меня показывает, я, мол, это сделал. Представь себе — я! Ну, не сволочь, а?

Пауль икнул и как-то по-детски, но вместе с тем злобно сказал:

— Я бы его... убил!.. Жаль, что... что... что револьвера при себе не было. А саблей не хотелось, еще заденешь кого-нибудь другого.

Кунц тронул Антона за плечо:

— Пауль хочет... поколотить его... немножечко... Пойдешь с нами?

— Конечно! — кивнул Антон.

Все трое единодушно принялись совещаться и, несмотря на хмель, выработали хитрый план. Пауль знал, где живет прапорщик Кяэрик, и решено было подстеречь его подальше отсюда... чтобы никому не пришло в голову заподозрить их.

— Если эта мразь и пойдет жаловаться, на нас пусть пальцем не показывает! — сказал Кунц.

— Точно! Пусть не показывает, — промямлил Пауль.

Они прошли, крадучись, несколько проулков и укрылись между деревьями, росшими по обочинам узкого тротуара. Ждать пришлось наверняка больше часа, о, конечно, гораздо больше. Антон мерз, пальто у него промокло насквозь. Часы пробили четыре; Антон по-прежнему мерз, а дождь шумел и шумел. Пауль, опершись спиной о дощатый забор, время от времени дремал и довольно громко посапывал.

Наконец в ночной тишине послышались шаги, кто-то брел, пошатываясь и тихо, беззаботно насвистывая. Кунц тряхнул Пауля за плечо. Дождь шумел и шумел, но Антон уже не ощущал холода, ему даже стало жарко. Посвистывание усталого пешехода все приближалось, хотя его самого еще не было видно; временами он останавливался, затем вновь продолжал путь. Кунц, дыша злобою, шипел как змея. Антон вынул из-за пояса вилку и крепко сжал, боясь потерять ее из-за ужасного волнения... Пауль долго рылся по карманам, нашел в конце концов электрический фонарик и, пригнувшись, нажал кнопку.

Прапорщик Кяэрик, совсем пьяный и ослабевший, закачался, как былинка, и зажмурился от яркого света. Кунц сзади навалился на него и сбил с ног. Пауль, этот заядлый хвастун, перепугался, сразу потушил фонарик и забормотал молитву.

В тот момент, когда яркий сноп света упал на лицо обманщика, в душе у Антона словно что-то переломилось. Он рванул вперед, ему и жизни не было жалко. Он споткнулся, упал, выронил вилку, принялся искать ее, шаря руками по грязному тротуару, ползая на коленях, и нашел наконец в глубокой луже. Прямо перед носом Антона протопал Пауль и тоже свалился, но, видно, снова осмелел, выругался и стал кого-то бить. Шум драки слышался Антону то слева, то справа. Он ухватил кого-то за ногу, эта нога пребольно лягнула его в грудь, Антон взвизгнул, уцепился за чью-то болтавшуюся полу, которая с треском разорвалась. Судорожно сжимая вилку, он боялся пустить ее в ход, не видя дерущихся. Мелькнула мысль: «Господи, укажи мне — где свои, где враги!» Поблизости кто-то встал, заворчал, как собака, завозился; наверное, это Пауль искал свой фонарик. И в тот же миг в шум ветра ворвался истошный вопль... Потом — минута тишины, мучительной, глубокой... и снова пронзительный звенящий крик, словно рядом неистово взвыла сирена.

Антон, ползший все вперед, по скользкому от грязи тротуару, заспешил. Он даже не догадался встать, а продолжал ползти на четвереньках, наклонив голову, как бодливый бык. Крик перешел в стоны, они сменились жалобным хныканьем, потом — еще более жалобным и визгливым плачем. Казалось, там, в осенней тьме, в холодной грязи сидит маленький ребенок, которому вдруг сделали больно. Драки больше не было, лишь кто-то плакал. А дождь шумел, дождь шумел... Рука Антона нащупала чью-то дрожащую, судорожно вытянутую ногу, затем холодное и скользкое голенище, затем другую ногу, согнутую в колене. Сомнения рассеялись — вот кто этот обиженный младенец, этот несчастный! Сидя посреди дороги в холодной грязи, он весь вздрагивал от рыданий. Рука его была поднята к лицу, наверное, к глазам, из которых лились слезы. Локти

были плотно прижаты к бокам, образуя острый угол, плечи высоко подняты, голова дергалась от рыданий. Как раз в ту минуту, когда Антон хотел подняться на колени, чтобы снова ощупать плачущего, Пауль зажег фонарик. Широкая струя света упала на беспомощно сидящего прапорщика Кяэрика и на мокрую руку Антона, которой он оперся о мостовую. В судорожно сжатом кулаке поблескивала новенькая никелированная вилка.

Спустя несколько секунд все вновь скрылось в мокрой тьме.

Но Антону хватило этих мгновений, чтобы увидеть ужасную картину: у сидящего на земле человека под правой бровью чернела отвратительная кровавая яма — пустая глазница, казалось, зиявшая неммым обвинением.

— Как это... с вами случилось? — с трудом спросил Антон, чувствуя, что должен говорить, и не находя слов.

— Я упал... и на что-то напоролся... — пробормотал Кяэрик и продолжал плакать, не стыдясь слез.

Кунц как в воду канул, Пауль тоже удалялся большими шагами. А дождь шумел, шумел и шумел.

Поддерживая несчастного под мышки, не чувствуя к нему больше ни малейшей неприязни, Антон проговорил, теперь и сам всхлипывая:

— Пойдемте, пойдемте... я помогу вам.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

ГОСПОДИН ЮСТУС С ГОЛОВОЙ САХАРА

На следующее утро, когда доктор Кубелик еще лежал в постели, крайне утомленный вчерашними хлопотами, раздался долгий и энергичный звонок. Госпожа Няэлик, быстро накинув халат, пошла открывать. У дверей раздался сочный, громкий голос, и пришедший со смехом начал о чем-то рассказывать длинно и тягуче.

— Что за ранний гость? — спросил доктор Кубелик у вернувшейся в комнату госпожи Няэлик.

— Ваш брат, завзятый коммерсант, — весело ответила она.

— А-а, Юстус? Черт возьми, как же я не узнал его? Пока мы будем беседовать, подайте, пожалуйста, завтрак.

— Сейчас только восемь часов... не слишком ли рано?

Доктор Кубелик уже успел просунуть в узкие форменные брюки свои костлявые стопы. Взглянув на госпожу Няэлик, он сказал с усмешкой:

— Рано? О нет, несколько не рано, в девять я должен быть уже на месте. Вчера с ночным эшелоном прибыло много раненых, и большинство их, бедняг, лежит в коридорах и ваннных комнатах. Надо их как-то разместить, пока нам передадут еще два городских дома. А поэтому — кру-угом! И марш-марш!

— Вы поступили бы с собой гораздо правильнее, если б просто и быстро покончили счеты с жизнью. Это было бы много легче, чем так, как сейчас, — ответила госпожа Няэлик, пожав плечами, и вернулась к ожидавшему гостю.

Когда доктор Кубелик вошел в кабинет, господин коммерсант Юстус живо поднялся с кожаной

кушетки, отвесил глубокий поклон и застыл в комической позе, склонив голову. Он пребывал в довольно веселом настроении, хотя и проснулся с восходом солнца в неудобном кресле в столовой, где остался после ухода гостей. Казалось, он и сейчас не совсем трезв; лицо его сильно опухло, болезненно посерело, толстые складки вокруг крохотных глаз посинели и словно налились водой, негнущиеся пальцы отекли и блестели, будто смазанные жиром. Доктор Кубелик, смотря на его рыхлые кисти, напоминавшие мягкие подушечки, подумал, что бедняга братец своей распущенностью как будто нарочно сам себе сокращает дни, которые и без того идут к концу.

Господин коммерсант вытащил спрятанную им за кушетку сахарную голову в синей бумаге, похожую на колпак гнома, и проговорил с пафосом:

— Прощу! И господь да благословит тебя в твой знаменательный день. Сердечно жму руку, а жена моя... шлет тебе столь же сердечный привет!

— Ах да, я и забыл! — ответил доктор Кубелик, вспомнив, что ему сегодня исполнилось пятьдесят два года. Настроение у него внезапно улучшилось, он снова засмеялся и сказал: — Спасибо, что вспомнил. Даже госпоже Няэлик, наверно, невдомек, какая я важная персона нынче с утра и до самого вечера. Садись, садись, пожалуйста! Сейчас накроют стол, и я смогу угостить тебя. Поедим-попьем, помянем нашу добрую матушку!

— Рад бы, но не имею времени! — Юстус развел руками, словно крыльями, и низко поклонился. — Прости, но ничего не поделаешь — действительно некогда. Помнишь, я тебе вчера говорил, что недавно обстряпал маленькое дельце, так вот сегодня мне нужно пораньше быть на складе, чтобы всякие там кули-мешки по-своему распределить.

— Стало быть, очередная... гм... операция? — спросил доктор Кубелик и снова украдкой взглянул на руку брата — отекающую руку пьяницы. «И это тоже война...» — грустно подумал он. А вслух сказал, рассеянно пощипывая усы, лезущие в рот:

— Моя хозяйка каждый день выговаривает мне, что я, мол, не щажу себя. Но ведь я почти на девять

лет моложе тебя, силенок должно хватать. А вот тебе нужно поберечься и побольше отдыхать.

— Да что ты, братец, успеем еще в могиле и отдохнуть, и поберечься, — с беспечной лихостью ответил господин коммерсант.

Доктор Кубелик кивнул и сказал как бы в раздумье:

— И все-таки надо подумать и о том времени, пока мы еще живы. Нам приходится оставшиеся деньки ценить на вес золота, поэтому мы должны быть куда осмотрительнее, чем те, кто только начинает путь. Не пойми меня превратно, но... в последние дни мне твой вид совсем не нравится, особенно сегодня, сейчас.

— Ну, сегодня не в счет, ночью мы опять здорово заложили за галстук! — В тоне господина коммерсанта послышалась та же похвальба, с какой рассказывают о своих похождениях восемнадцатилетние юнцы, как, например, его собственный старший сын, «офицер Действующей армии», Пауль.

Тут на Юстуса напал долгий, свирепый кашель. Отдышавшись, он отер со лба пот (ох, уж это похмелье!) и все тем же тоном бравого гуляки продолжал: — Да, черт побери, до самого утра! Мартин, старый хорек, приехал в город и проведаль нас. Только ты ушел, он и нагрянул вместе с Хенриком и его Розой. Ну, думаю, ладненько, пущу в потолок парочку пробок. А там разговорились, и пошло... Он, стервец, начал бахвалиться — вот, мол, какой у меня сын, подполковник... как его там... Я и решил показать ему доподлинного полковника — Квадратова, ты, наверно, его знаешь? Тут и пошел такой кутеж — чертям тошно! Но что бы ты своим злым языком ни говорил, а голова у меня нынче с-рав-ни-тельно свежая!

— Это видно, это видно, — иронически заметил доктор Кубелик.

Брат Юстус, который, по-видимому, действительно спешил, поднялся и, будто в смущении, затеребил седую бороденку.

— Черт бы их побрал, эти общественные затеи. Видишь ли, у меня, кроме поздравления, имеется к тебе еще дело.

— Ну что ж, если есть — выкладывай!

— Я насчет того, о чем ты говорил вчера вечером. Ты что — шутил? Или это всерьез?

— Вчера вечером? — повторил доктор Кубелик, насупив брови, и сразу вспомнил. — Да, к сожалению, всерьез, — добавил он суховато.

Господину коммерсанту все еще было ужасно не по себе — он не знал, какими словами и в каком тоне вести дальше разговор. Некоторое время он смущенно переминался с ноги на ногу, а после чуть неуверенно, словно ощупью подыскивая нужные слова, продолжал:

— Послушай, старина, все это получилось чертовски плохо. Библии у них куплены — все до единой, открытки с изображениями святых заказаны и большей частью уже получены, пакетики заготовлены... Верь или не верь, но никому и в голову не приходило, что такое благое дело может потерпеть неудачу! — Тут Юстус вдруг заговорил почти настойчиво, страстно: — Ну чего ты упрямишься, старина? Послушай, брось! Ведь моя супруга для тебя не чужой человек, чтобы из-за какого-то каприза совать ей палки в колеса!

Доктор Кубелик становился все серьезней, хмурил брови и по привычке потирал кончики пальцев одни о другие. Когда длинная пауза стала слишком неловкой, он, протянув руку к коробке папирос, лежавшей на письменном столе, спросил:

— А при чем тут ты, братец?

— По правде говоря — ни при чем, — ответил коммерсант. — Лично меня это, конечно, не касается. Но женщины, видишь ли... Они теперь такие напористые, гонору в них столько... Вчера у Хенрика еще два собрания устроили и решения приняли, одного другого хлеще. Нынче утром ни свет ни заря прибегает эта мерзавка Роза к моей Эмме, я еще и штанов не успел надеть, а они уже поручение мне дают: идти к тебе на переговоры. Так что я сейчас нечто вроде официального посла. Понятно тебе? — И снова смущенно утирая со лба то одной, то другой ладонью похмельный пот, попросил: — Брось противиться... пускай себе хлопочут.

Доктор Кубелик молча размышлял; ему не хотелось обижать или волновать старшего брата.

— Нет, — медленно произнес он. — Пускай хлопчут, я не против, но только не в госпитальных палатах. Вообще я бы дал им хороший совет: пусть найдут себе другое занятие, которое будет им больше к лицу и доставит столь же интересное развлечение.

— Ну да... — пробурчал Юстус, — мало ли чего можно... Но ты пойми нас — меня и старого Хенрика. Ни нам, ни тебе, разумеется, такие раздоры не нужны. Дамы заявили мне, что отныне вступают с тобой... так сказать... в сугубо официальные отношения. Вот, видишь, дали мне для тебя два письма: одно от правления того общества, где председательствует моя старуха, а другое — от того, где заправляет жена Хенрика. Будь добр, прочти! Я, во всяком случае, понял их так: они, мол, сообщают, что если ты не позволишь им посетить вверенные тебе лечебные заведения, то они будут на тебя жаловаться хоть и самой государыне — она, по их словам, сама тоже занимается посещением госпиталей. Не знаю, откуда что берется, но они давно уже точно белены объелись — просто смотреть и слушать страшно!

— Хорошо, — заключил доктор Кубелик, взял у брата конверты и косо прислонил их к чернильнице. Немного погодя добавил:

— Я ведь сказал вчера: жалуйтесь куда угодно. Все равно я их вытурю, с какой бы бумагой они ни пришли. Естественно, загремлю и я, но это ровно ничего не значит.

— Совсем с ума сошел! Ей-богу, сумасшедший! — с отчаянием воскликнул Юстус.

— Это я — сумасшедший? — спросил доктор Кубелик.

— Да, ты! — сказал брат Юстус. — Без всякой причины уперся — и ни в какую... ни в какую! К чему это, братец? Разве мы не можем жить в мире и дружбе, мы, дети одной матери! Не думай, что я считаю наших дам правыми во всех вопросах, но... почему, собственно, ты им запрещаешь? Пусть себе придут в твой госпиталь, пусть поболтают, поглядят

одно-другое и разбредутся по домам — кого от этого убудет?

Доктора Кубелика все это уже начинало раздражать.

— Милый братец, разве тебе не известно, что я заведу госпиталем, а не зверинцем? — спросил он, вымученно улыбаясь.

Господин коммерсант махнул рукой и проворчал:

— Ты просто-напросто фокусничаешь, и все тут!

Доктор Кубелик инстинктивно чувствовал, что если беседа пойдет дальше в том же духе, он выгонит старшего брата вместе с его сахарной головой. Поэтому он попытался спокойно обосновать свою точку зрения.

— Видишь ли, дорогой, фокусничаю не я, а фокусничают те глупые старухи, которые, видимо, и тебя заставили плыть за ними в кильватер. Им скучно — понимаю. Скука — вещь далеко не приятная. Тоже понимаю. Так развлекайтесь, черт возьми, как хотите, но не мешайте другим согражданам, особенно тем, кого из-за их состояния нельзя беспокоить. Чистите свои кастрюли, свои горшки и горшочки, помыкайте своей прислугой! По мне, ухаживайте хоть и за старыми мужиками, напялившими мундиры, — из-за этих мундиров они сейчас и ценятся так высоко! Но не пытайтесь превращать страдающих людей в объект своего дешевого любопытства! Неужели ты не понимаешь, ты, вообще-то неглупый и сообразительный человек, что эти пресыщенные, объевшиеся дамы только играют в сочувствие и любовь к ближнему, а на самом деле их душонки жаждут романтики ужасов, которую надеются найти в госпитальных палатах. И ты, братец, лезешь их защищать, еще и меня упрекаешь!

Господин коммерсант поморщился.

— Ты преувеличиваешь! — ответил он тоже раздраженно. — Во всем, что они делают и что еще намерены делать, нет, поверь мне, ничего плохого, ни капельки! Они тоже хотят чем-то служить царю и отечеству. Мы, мужчины, идем на фронт или работаем как-либо иначе, а они могут помочь только

своим, женским делом: те, кто помоложе, как дочка Хенрика, надевают косынки сестер милосердия, кто постарше, как Роза и Эмма, занимаются благотворительностью в тылу — помогают нуждающимся семьям и утешают бедняг раненых. Я тоже знаю, что все это выглядит глуповато, но я их понимаю. Ты не представляешь себе, какими значительными персонами они себя считают!

— Могу и это себе представить, могу. Деточки играют, девочки лет за пятьдесят и больше. Эх! — Лицо у доктора Кубелика исказилось гримасой отвращения. — Но каких игрушек они жаждут? Раненых солдат — ни больше ни меньше! Тех, у кого нет рук и ног, разбита грудная клетка, разворочен живот, осколками снарядов искромсаны лица. А ты являешься сюда, ноешь и защищаешь своих дам! Эх, братец, братец! Еще несколько лет назад ты был молодцом, уверенно преодолевал всякие трудности. А теперь ты даже не в состоянии вправить мозги кому следует! Неужели ты не знаешь: стареющую женщину, живущую в праздности, нужно крепко держать в узде, как норовистую лошадь. Одно из двух: либо ты возьмешь над нею верх и она отнесет остатки своих беспокойных силенок в молельню, к алтарю спасителя, либо она будет над тобою верховодить и ты у нее наплачешься горькими слезами. Так обстоит дело. И чтобы не остаться совсем в дураках, ступай-ка ты домой, сними в передней ботинки, ремень с брюк и... берись за святое дело. Увидишь, уже завтра положение изменится к лучшему. Обучи этому средству и Хенрика, хотя он, кажется, энергичнее тебя.

— Ну, ну, милый человек, ты рассуждаешь как старый холостяк, и только! — Юстус смущенно усмехнулся.

— Только не пренебрегай из-за этого моим советом — и в Назарете может прорасти зерно мудрости, — сказал доктор Кубелик. — Ибо то, что еще не пришло нам в голову или по каким-либо причинам норовит опуститься пониже, иногда волей-неволей приходится втемняшивать силой. Особенно в тех случаях, когда досаждают люди, которые заслужили совсем иного обхождения.

— У тебя нет ни жены, ни семьи, поэтому ты и говоришь так, — вновь смутившись, повторил господин Юстус.

— Нет, не потому, ты ошибаешься, — возразил доктор Кубелик. — Наоборот, я говорю так только потому, что вся упомянутая история касается именно меня. Положение тут проще простого! В городе имеется большое число экзальтированных женщин, старых и пожилых. Они уже не в состоянии направить свою истерическую жажду деятельности ни на что другое, кроме сентиментальной благотворительности, которая щекочет нервы. К чему еще пригодны эти женщины? Стать сестрами милосердия? Благодарю покорно! Сиделками? Нет! Проститутками? Подавно нет! Значит, будем проявлять бурную деятельность за счет наших золотых сердец и займемся благотворительностью! Хорошо еще, что эти чудовища с дегенеративными душонками не стремятся попасть в окопы на передовой, чтобы и там потешиться при виде мучений физических и душевных. Тьфу! Я на своем веку видел немало загнивших, чуть ли не червивых ран, но никогда не испытывал такой сильной потребности заткнуть нос ватой, как теперь, близ твоих подзащитных, этих благотворительниц. Эй, где вата? Где вата? Поскорее заткнем носы, ибо вот-вот придут те, кто хочет творить людям благо.

— Гадкие слова ты сейчас говоришь! — пролепетал Юстус и снова побагровел до ушей.

— Гадкие слова? — повторил доктор Кубелик. — Чепуха! В мире вообще не найти таких гадких слов, чтоб достойно охарактеризовать ту нравственную и материальную грязь, которую накапливает порой так называемая «божественная душа» некоторых людей. У меня когда-то были две собаки, ты даже, наверно, помнишь этих преданных псов. Так вот, одна из них попала под колеса, ей перебило позвоночник. Она лежала, жалобно скулила или, волоча задние ноги, подползала ко мне и смотрела умоляющими глазами. А ее товарка, такая же собака, бегала вокруг нее и заливалась радостным лаем. Видимо, ее страшно забавляло, что четвероногая приятельница может тащиться только на передних лапах. Я...

умертвил обеих. Не мог вынести собачьих глаз, горящих диким любопытством, как не мог вынести и других глаз, полных слез и горящих... от боли. А что мне прикажешь делать с теми ленивыми, расплывшимися от обжорства барыньками, которые стаей собираются у дверей госпиталя и ждут, как... гиены... Они же не таковы, как та глупая собака с несложным мозгом и примитивными эмоциями, это люди, наделенные разумом! И все-таки они сознательно добиваются возможности насладиться видом чего-то страшного, противоестественного, наблюдая страдания себе подобных! Ну-ка, скажи, братец, как мне быть с теми страшилищами, за которых ты так горячо ратуешь?

— Ты сравниваешь людей с неразумной тварью, — укоризненно заметил господин коммерсант. — Это очень дурно, поверь мне!

— Да, это действительно дурно, что я вынужден сравнивать людей с собаками. Ибо то, что простиительно псу в силу низкой степени его развития, никак нельзя простить людям, которые твердо уверены, что бог создал их по своему образу и подобию и что они являются царями и царицами природы! — Доктор решительно хлопнул ладонью по столу. — Итак, ничего не поделаешь. Твое посредничество не принесет сегодня плодов. Когда вернешься домой, скажи этим бескрылым ангелам, что я остаюсь верен себе. Могут на меня жаловаться, если хотят. Разумеется, я со своей стороны тоже представлю куда следует свои объяснения и контрдоводы. Да ладно, чего мы об этом так долго толкуем! Время само покажет, как этот сложный вопрос в конце концов разрешится.

Коммерсант Юстус снова поморщился. Ему не хотелось уходить, он испытывал какой-то безотчетный, но сильный стыд. Юстус, хотя и был убежден, что его брат упрямится понапрасну, инстинктивно ощущал всю смехотворность взятой им на себя неблагодарной миссии.

Госпожа Няэлик звенела посудой. Моросящий дождь стучал в окна. Устремив неподвижный взгляд прямо перед собой, коммерсант Юстус заявил неожиданно покладистым тоном:

— По правде говоря, Ханс, я тебя понимаю. Планы и намерения этих старушенций часто смахивают на шутовство. Однако я боюсь, что они не отступят и действительно ринутся в бой за свои права. Ведь, как тебе известно, для них послужила примером сама государыня... Что же нам делать? Ведь мы все же родные братья — ты, я и Хенрик. Нехорошо, если ты пострадаешь из-за этих дурех. Поэтому я еще раз прошу тебя: попробуй пойти им навстречу!

— Не проси, я этого не сделаю! — сказал доктор Кубелик, качая головой.

— Может, подумаешь все-таки? — настаивал Юстус.

— Нет, мне тут не о чем думать, — ответил доктор Кубелик и снова отрицательно покачал головой.

— Они точно с ума посходили, и тебе может нагореть! — немного погодя снова заныл Юстус.

— Не беспокойся, братец. Это ничуть не нарушит наших с тобою отношений. Ты заходи, когда хочешь, а ходить к тебе у меня в последнее время вообще нет охоты, — решительно отрезал доктор Кубелик.

— Ходить ко мне... в последнее время... нет охоты? Да? Почему же, черт подери? — спросил господин коммерсант.

— Потому что там у вас все шиворот-навыворот! — ответил доктор Кубелик.

— Вот как? Шиворот-навыворот? — протянул Юстус и вновь залился краской.

А доктор Кубелик снова принялся обосновывать свои убеждения, чтобы отвлечь внимание брата от деликатного пункта, к которому неожиданно пришел их спор.

— Видишь ли, старина, мои личные чувства могут остаться в стороне: возможно, в этом вопросе я слишком однокбок! Да, может быть, в то время как я терпеть не могу этих общественных барыnek, мои подопечные ждут их как посланцев господа бога. Может быть, эти посланцы действительно выполняют свою священную миссию, как некогда выполняли ее те, чье призвание было определено... самим богом! Поверь, братец, дело обстоит далеко не так и

подобную картину рисуют лишь те же самые бескрылые ангелы! Если бы ты только слышал, как отзываются обо всех этих бесчисленных тыловых деятелях и деятельницах сами раненые фронтовики и вообще те, кто побывал в этом клокочущем адском котле. Они издеваются над благотворителями. Они зло, но справедливо высмеивают таких деятелей. Они ненавидят их, как мерзких гадин! Не страшись они наказания, дали бы жару этим старым кокеткам. Есть у нас в госпитале кавалерист, раненный в шею. Он сейчас уже ходит, голова скривлена на сторону. Однажды он в моем присутствии заявил, что готов изнасиловать любую благотворительную дамочку, а там наказывай его по всей строгости. «Ей-ей, — говорит, — пошел бы на такое, пусть бы эти какаду нас узнали по-настоящему. Уж я бы научил их молиться господу богу и его именем звать на помощь! Собрал бы всех старых друзей из окопов и отблагодарили бы этих индюшек по очереди, пока они не подошли бы». Вот как расценивают фронтовики те затеи, о которых мы с тобой сейчас толкуем. Будь у меня в госпитале одни лишь выздоравливающие, которые томятся от безделья и рады немножко развлечься, — дело другое. Но, как мне известно, твои почтенные дамы собираются посетить преимущественно те палаты, где лежат тяжело раненные и умирающие. А к ним я не подпущу ни одного ангелочка, нечего там крылышками размахивать, пусть и не надеются!

— М-да-а, — тихонько протянул господин коммерсант. — И это твое твердое решение?

— Да, это мое твердое решение и изменять его я не намерен.

— М-да-а, — снова хмыкнул Юстус. Наступила пауза. И так как доктор Кубелик больше ничего не добавил, он встал, поглядел в сторону и спросил: — Ты сказал, что у меня в доме все шиворот-навыворот... Что ты имел в виду?

Доктор Кубелик печально усмехнулся. Ему не хотелось еще более ухудшать самочувствие брата, и он не спеша ответил:

— Что именно?.. Вероятно, то, о чем я уже раньше говорил. А именно: тебе надо попытаться хоть

немного укротить свою супругу... Ты уже уходишь?

— Да... Спасибо тебе... хотя твоё замечание насчёт брючного ремня, по-моему, всё же излишне, — пробурчал господин коммерсант, забрал со стола принесённые письма и поплелся к двери.

Доктору Кубелику было жаль его, бедняга выглядел сегодня таким старым и больным.

В передней они молча обменялись рукопожатием, не в силах взглянуть друг другу в глаза.

Глава вторая

ЕЩЕ ОДИН ГОРЕМЫКА

Неожиданный визит старшего брата сильно омрачил настроение доктора Кубелика. Он снова всем существом ощутил властную силу духа времени; его томила безотчетная тоска, приливами проникавшая все глубже. Он рассеянно посмотрел на сахарную голову в синей бумаге, которую Юстус положил на кушетку, облокотился, ища опоры, на стол и медленно провел ладонью по лбу, словно желая отогнать какую-то очень дурную мысль, мучившую его своим упорством и назойливостью.

Сев завтракать, он вдруг почувствовал, что лишился даже аппетита. Что-то пожевал, выпил один за другим несколько стаканов горячего черного кофе и внезапно со злобой швырнул салфетку на стол.

Он слышал, как госпожа Няэлик о чем-то спросила, но не понял ее вопроса и лишь раздраженно махнул рукой.

Серdito шагая, он вышел из дому и так захлопнул за собою дверь, что все старое здание словно испуганно вздрогнуло: эй, кто это так грохочет?

Налетавшие порывами ливни и ветер сменились монотонно моросящим дождем, который, как ржавчина, въедался в одежду. Казалось, серые осенние тучи за ночь опустились на землю, чтобы дальше тянуться прямо по каменной мостовой, касаясь стен отсыревших домов, прижимаясь к старым гонтовым крышам, давя и разрушая их. Пронизывающий западный ветер устало дул с моря, с каждой минутой слабея, будто боязливо озирался, чтобы не застрять окончательно среди зубчатых серых заборов и там пропасть, умереть.

Люди, держа руки глубоко в карманах, торопливо шли куда-то, разговаривали, останавливались перед

полупустыми витринами, где залежались линялые, жалкие товары. У бакалейных лавок недовольно шумели очереди, десятки злых глаз следили за каждым проходящим мимо. И так же, как каждый день в течение почти полутора лет, проходили и сегодня по мокрым улицам крупные воинские части, сами, наверное, не знавшие, откуда лежит их путь и куда.

Доктор Кубелик пришел в больницу около девяти часов и тотчас же, надев халат, стал отдавать распоряжения. В сопровождении дежурных сестер и врачей он ходил, насупившись, по коридорам и палатам, наблюдал за необходимым перемещением раненых, задавал вопросы и нередко сам же отвечал на них. Недавно поступившие в госпиталь раненые стонали от усталости и безнадежности; они все еще лежали в открытых помещениях, на сквозняке.

После долгих хлопот доктору Кубелику все же удалось разместить по палатам наиболее тяжело раненых, хотя он знал, сколько злобных ругательств отпускали по его адресу те, кто вынужден был уступить лучшие места и считал себя обиженным. Но ничего не поделаешь, приходилось быть строгим, хотя против этого и восставала его философского склада натура.

Когда он шел в шестую палату, чтобы побеседовать с капитаном Кубеликом, его неожиданно окликнули. Это была Айми-Ли, а с ней Антон. Доктор Кубелик рассердился было, так как знал, что Аугуст сейчас не хочет принимать никого, даже своих родителей. Но, заметив покрасневшие от слез глаза парня, сразу сообразил, что дело тут не в посещении двоюродного брата, а в чем-то совсем другом. Подняв кустистые брови, которые часто придавали его лицу слишком сердитое выражение, он спросил:

— А ты чего здесь крутишься? Хочешь ко мне в помощники пойти?

Айми-Ли, взглянув на доктора большими испуганными глазами, ответила за Антона:

— Ох, боже мой... это ужасно — то, что он рассказывает! Ночью они случайно выбили кому-то глаз, и Антон доставил несчастного сюда. Он хочет посоветоваться с вами насчет всего этого.

— Это еще что за разговор, черт возьми? — воскликнул доктор Кубелик, прищурился от удивления и сунул руку под халат в карман брюк. — Кому выбили глаз? Когда? — спросил он резко, поворачиваясь к Антону.

— Ночью... — хрипло сказал юноша.

— И как же это произошло? — осведомился доктор.

— Я... сам... не знаю... — пробормотал Антон еле слышно. Он был донельзя утомлен и расстроен; весь остаток ночи он провел без сна, ворочаясь с боку на бок и отчаянно раскаиваясь в своем поступке.

Лишь после того, как доктор втолкнул его в свой кабинет и запер за собой дверь, Антон подробнее рассказал о случившемся.

— Да, я и сам не знаю, как это вышло. Впрочем, теперь не важно. Мы вышли из дому... я, Кунц и Пауль... искали такое место, где пьют водку. Туда же... туда... пришел некто Кяэрик, прапорщик. Он повздорил с нами... или мы повздорили с ним... не помню. Хотели его немного поколотить и подстергли на дороге... Темно было... а у меня... вилка, вилка... была в кармане и...

— Гм, немного поколотить. А вилка? Что это за вилка в кармане? — Доктор Кубелик тоже начал волноваться.

— Обыкновенная... простая вилка.

— Ну, и что ты с ней?... Хотел воспользоваться как оружием?

— Да, как оружием... А теперь они говорят, будто бы это я ударил. А я знаю, что был далеко от него, когда он закричал... довольно далеко... Но я пополз к нему... а когда Пауль посветил фонариком, я уже сидел около него... Они обвиняют меня... А я... не знаю... Он сам говорит — упал на что-то острое. Мне самому тоже кажется, что это не я... Если б я мог узнать — вилкой его ранили... или... чем другим. Тогда... тогда я...

Антон так и не смог закончить, голос его прервался. Айми-Ли тихонько плакала, ладонями закрыв уши. Доктор Кубелик слушал, слушал и устало думал: «Война! И это тоже твоя заслуга, хищ-

ница!...» Некоторое время он как будто рассеянно смотрел на побледневшее от бессоницы и отчаяния лицо племянника, а потом заморгал часто-часто, не в силах собраться с мыслями. Ему вдруг показалось, что все услышанное им не могло быть в действительности, что он сам томится в каком-то нелепом призрачном сне, что стоит лишь сделать над собой усилие — и он проснется. Покачивая головой и глядя на письменный стол — так легче было разговаривать, — доктор медленно произнес:

— Можно, конечно, и вилкой совершить подобный подвиг... Но... мне сдается, что виноват все же не ты и что он сам нанес себе увечье. Во всяком случае, посмотрим, подумаем. Может быть, этот некто Кяэрик, как ты его назвал, будет даже счастлив, что ему теперь не грозит отправка на фронт. Ныне, я думаю, найдется немало измученных и измотанных людей, которые с удовольствием отдали бы один глаз, чтобы хоть такой ценой выбраться из мутной заварухи, творящейся на земле.

— Да... может быть... — громко всхлипывая, пробормотал Антон.

— Перестань, перестань, милый. Не плачь! — обратилась к нему Айми-Ли.

А доктор Кубелик сказал, как бы сразу придя к определенному выводу:

— Черт возьми, перестань, брат, и не тревожься зря. Иди-ка домой и скажи этим мошенникам — Паулю и Кунцу, чтобы они больше не стращали тебя и держали язык за зубами. Если этот некто Кяэрик сам утверждает, что в свалке напоролся на какое-то острие, значит, так оно и было! Уж он-то наверняка лучше знает, чем эти выдумщики и знахари — рыжий Кунц и офицер Действующей армии Пауль!

— Я... я... тоже так думал... — пролепетал Антон.

— И правильно думал, так оно и есть, — продолжал доктор Кубелик. — Приходи после обеда ко мне домой, и я дам тебе полный отчет, как набожный прихожанин своему господу: скоро я буду у твоего Кяэрика и осмотрю его рану. Если она нанесена вилкой, это сразу же можно определить.

— Можно? Да?... — спросил Антон, повеселев.

— Хоть за версту! — заверил его доктор Кубелик, явно преувеличивая.

— А Кунц и Пауль сказали, что... — пробормотал Антон.

— Кунц и Пауль? Ты попросту не верь им! — Доктору Кубелику очень хотелось сделать что-то хорошее этому парню, которого мучила злая тревога. Поэтому, даже рискуя вызвать недовольство своего друга из шестой палаты, он с таинственным видом сказал Антону: — Между прочим, очень хорошо, что ты сегодня пришел сюда. У меня есть для тебя маленькая новость. Но я сообщу о ней только в том случае, если ты обещаешь никому не говорить об этом и помалкивать. Обещаешь?

— Да... да... обещаю!

Доктор Кубелик, подмигнув Айми-Ли, спросил ее:

— Как ты думаешь, сестра, поверим ему?

— Поверим! — невольно улыбнулась Айми-Ли.

— И скажем ему? — спросил доктор Кубелик.

— Скажем! — сказала Айми-Ли.

Доктор Кубелик взял унылого парня под руку и шепнул:

— Пойдем! Но смотри не забывай своего обещания — о том, что мы тебе сейчас покажем, ни словечка никому — даже отцу! Так! А теперь пошли вот туда...

Они снова зашагали по длинному коридору, мимо жалких запасных коек, на которых лежали раненые. Сердце у Антона колотилось от волнения и тоски. Ему казалось — если б он сейчас очутился здесь один, он потерял бы сознание от одного лишь смрада, который исходил от бледных, худых изувеченных людей, лежавших неподвижно или метавшихся в бреду. Однако он героически справился с собой и был счастлив, когда дядя наконец открыл дверь, ничем не отличавшуюся от других, но показавшуюся Антону спасительной. Слегка подтолкнув Антона, доктор сказал:

— Вот мы и на месте, брат Кубелик, проходи вперед!

Узнавши в раненом, который лежал ближе всего к двери, своего славного кузена Аугуста, Антон опе-

шил от неожиданности, покраснел и, протянув руку, с трудом вымолвил:

— Так это ты?.. Я и не знал... Как живешь?

— На животе, дорогой друг, как видишь, — с насмешкой ответил капитан Кубелик. Последнюю ночь он провел спокойно, набрался сил и был настроен гораздо лучше, чем вчера.

— Тебя... тоже ранили?.. — спросил Антон.

Доктор Кубелик и Айми-Ли невольно усмехнулись.

А капитан Кубелик ответил по-прежнему с юмором, подшучивая над самим собой:

— Ранили? О нет, это брехня! Видишь ли, милый друг и товарищ, я теперь горбун. От великой натуги, понимаешь? Мне пришлось изо дня в день совершать славные подвиги, а это занятие нелегкое, как ты, возможно, и сам слышал или читал. Вот и начал вдруг у меня расти горб. И что самое скверное — вырос он... пониже спины. Тебе известно, какое это место. А попробуй-ка, дорогуша, надеть штаны... или хотя бы сесть как полагается человеку, или поспать как следует, ежели у тебя в указанном месте горб...

— Перестань, Аугуст! — сказала Айми-Ли, чуть покраснев.

— Ничего, давай дальше! Через неделю ты у меня сядешь, а через две — пойдешь! — засмеялся доктор Кубелик.

Попробовал улыбнуться и Антон, но на лице у него проступила лишь какая-то каменная гримаса.

Капитан Кубелик, который в душе был рад приходу этого душевного и бесхитростного парня, промолвил дружески:

— Позволь-ка лучше спросить у тебя, как ты поживаешь? Форму, видно, еще не носишь?

— Пока нет, — буркнул Антон.

Айми-Ли вздохнула, снова вспомнив историю с выбитым глазом.

А доктор Кубелик, надеясь на природную сообразительность капитана Кубелика, спросил раненого:

— Ваше высокородие, поразмысли хорошенько и скажи, что бы ты сделал, если б тебе предложили выбор: либо снова на фронт, либо потерять глаз. Что бы ты предпочел?

— Вернуться на фронт или остаться без глаза...

А без какого? — поинтересовался капитан Кубелик, стараясь, видимо, уловить скрытый смысл дядюшкиных слов.

— Все равно, левого или правого, это не существенно.

— Пардон, конечно, это не важно, — согласился капитан Кубелик и уверенно продолжал: — Разумеется, я никогда не предпочел бы возвратиться на фронт. С одним глазом можно жить как у Христа за пазухой, а лишившись брэнной земной жизни, и дня не протянешь. Между нами будь сказано: я знаю много случаев, когда солдаты нарочно выкалывали себе глаз, лишь бы вырваться из пекла. Только об этом никому ни гу-гу, ведь если люди слишком быстро поумнеют, то в конце концов не окажется таких, кто будет стремиться к героическим подвигам. А в тылу вскоре наберется столько одноглазых мужчин, что это несомненно скажется и на потомстве.

— Слышишь, братец? — сказал Антону доктор Кубелик. — Ясно теперь, а?

— Да, но все это... совсем другое дело... — неуверенно протянул юноша.

Раненый капитан вопросительно повел бровью, и тут доктор Кубелик, понизив голос, рассказал ему:

— Дело в том, что нашего юного друга тревожит небольшая неприятность. Вчера они повздорили с каким-то прапорщиком — он, твой брат Кунц и Пауль. Во время потасовки прапорщик случайно упал на что-то острое и повредил глаз.

— Ах, так? А что дальше? — задал вопрос капитан Кубелик. — Вы его, надеюсь, не угроби́ли вконец?

— Нет, нет, не угроби́ли, — простодушно ответил Антон.

— Ну, тогда ничего! В исторические дни, когда то и дело головы летят, стыдно реветь из-за выдранного волоса.

— Я говорил ему то же самое, — заметил доктор Кубелик.

— Под моим началом однажды служил белорус, — сказал капитан. — Щупленький, волосатый, неловкий. С ним во время обстрела приключилась небольшая беда: осколком гранаты оторвало три пальца.

Так знаешь, дружище Антон, что сделал этот белорус? Левой рукой снял шапку, поклонился и говорит: «Слава тебе, господи, теперь я наконец-то попаду домой к своей любезной супруге».

Доктор Кубелик чуть принужденно засмеялся.

Антон буркнул:

— Так это же... только пальцы.

— Потерпи, продолжение следует, — сказал капитан Кубелик. — Этого же белоруса с его раненой рукой повели на перевязочный пункт. Тут откуда ни возмись австрийский аэроплан, сбросил бомбу. Взорвалась она как раз поблизости от нашего друга и, представь себе, братец, отхватила у него всю левую кисть. Так что же он сделал? Сдвинул своей култей шапку на затылок и говорит: «Слава тебе, господи, с сегодняшнего дня меня будут кормить мои дети, и пусть попробуют они, шельмецы, от этого отвертеться!»

— Да, но ведь... — начал было Антон.

— погоди, погоди! Этот окривевший прапорщик наверняка пришлет вам вежливое благодарственное письмо — и тебе, и другим своим противникам. А когда в свое время будет справлять серебряную свадьбу, вы получите от него семейную фотографию в золоченой рамке.

— Антон боится, что это именно он... ударил, — пояснила Айми-Ли; ей было чуть неловко за Аугуста.

Но и такая возможность не смутила капитана Кубелика. Он беспечно махнул рукой.

— Ну и что? Предположим, у Антона есть основание бояться, что с того? Из-за одного глаза, который принадлежит всего-навсего какому-то тыловому юнцу-прапорщику, нечего приходить в отчаяние, да еще в наше время, когда остаться без ноги или без руки может даже генерал. Кстати, что, по вашему мнению, прикажете делать мне? Я у самого Саваофа березовой палкой целиком зад отхватил... Рраз — и нету! А что такое глаз какого-то прапорщика или даже, скажем, генеральский по сравнению с божественной задницей!

— Ого! — воскликнул доктор Кубелик.

— Аугуст, что ты болтаешь! — Айми-Ли снова покраснела.

Доктор Кубелик вдруг вспомнил, что ему еще надо пойти проведать больную ангиной; у этой женщины упорно не снижалась температура. Он потрепал Антона по плечу.

— Ладно, братец, пойдём-ка. Потом я тебе подробно расскажу об этом ранении глаза...

Антон пожал исхудалую руку капитана, которая как-то небрежно и безучастно свешивалась с койки.

И когда он поспешно шел по длинному, узкому коридору к выходу, ему казалось, будто у него под ногами появилась более твердая почва и ступать по ней можно гораздо увереннее и смелее.

Даже сердце у него щемило гораздо меньше, чем давеча, когда он шел в госпиталь.

Глава третья

ЭВА ПРИЗНАЕТСЯ В СВОЕМ ГРЕХЕ

Доктор Кубелик задержался в госпитале до полудня. В эти часы он оперировал, перевязывал, отдавал различные распоряжения и даже успел провести маленькое расследование по поводу ранения глаза у молодого прапорщика. Когда доктор покидал госпиталь, у него было такое чувство, будто он пришел сюда совсем недавно, каких-нибудь полчаса назад.

Снова потянулись знакомые улицы и переулки, и наконец он опять оказался перед двухэтажным домом, где побывал лишь вчера вечером. Он сразу поднялся по лестнице и только теперь почувствовал, как глубоко засела в нем усталость. Прежде чем постучаться, он от внезапной слабости закрыл глаза и провел языком по сухим губам, которые как-то неестественно припухли и слипались.

Но он сразу же взял себя в руки, костяшками пальцев постучал в дверь. Ему открыли в ту же минуту, и, войдя в темную переднюю, он услышал запахи, которые сегодня уже показались очень знакомыми. Агнес отвела сестренку и брата поиграть на лестнице.

— Ступайте и возитесь там сколько душе угодно, — сказала она. — А тут вы не нужны, мешаєте только. Позвольте, дедушка, я вам помогу, позвольте же! — умоляюще воскликнула девочка. Она была счастлива, когда ей удалось повесить на вешалку мокрую шинель, хотя для этого пришлось забраться на стул.

В первой комнате было душно и жарко. Через открытую дверь виднелась кровать, где лежала больная. Шея ее была обмотана толстой шалью.

— Ей чуточку полегчало, но она еще не совсем здорова, — прошептала Агнес. Доктор Кубелик на

цыпочках пошел за нею следом, потирая ладони одну о другую.

Заболевшая ангиной солдатка Эва лежала под тонким одеялом, прижавшись щекой к подушке, на лбу ее блестели капли пота. Приветливо улыбнувшись доктору, женщина глазами указала на стул и произнесла немного сдавленным голосом:

— Садитесь, доктор, будьте добры.

— Благодарю! — Доктор Кубелик быстро пожал вялые пальцы больной, опасаясь, что выдаст свою усталость. — Ну-с, как мы себя чувствуем? Так же, как вчера, или лучше? — спросил он с деланным благодушием.

— О, сейчас уже ничего, горло помаленьку отпускает, — отвечала Эва. И сразу бойко продолжала, так как тоже считала нужным во что бы то ни стало скрыть свое подлинное настроение. — Ночью я спала хорошо. Утром посмотрела в зеркало — опухоль будто поменьше, уже не такая страшная. От всей души... благодарю, господин доктор, — закончила она, беспомощно запинаясь и сразу становясь такой же боязливой и слабой, как и в первый визит врача.

— Милейшая сударыня и дорогая родственница, благодарить не за что, это моя профессия! — Доктор Кубелик попытался отшутиться, как обычно в таких случаях.

— Но ведь я еще ни копейки вам не заплатила, — еще более робко и наивно сказала больная.

— Ничего, придет время и расплатитесь, — ответил доктор Кубелик, невольно улыбнувшись, и даже почувствовал себя окрепшим.

Эва, до сих пор лежавшая как-то боком, повернулась лицом к доктору. Она беспокойно задвигалась, одеяло приподнялось. Больная быстро поджала голые жилистые ноги, застеснявшись, как молодая девушка. Но Эва уже не старалась скрыть свое положение. На носу и на щеках у нее темнели коричневые пятна, и из-за этого казалось, что женщина давно не умывалась. Она доверчиво смотрела на доктора, ясные карие глаза светились теплом.

Когда молчание стало тягостным, она очень сухими и горячими пальцами коснулась руки сидящего у постели доктора.

— Я, бессовестная, вчера так плохо обошлась с вами, это даже во сне не давало мне покоя. Поверьте... господин доктор, я как подумаю о вчерашнем, до того мне неловко...

— Вы плохо обошлись со мной? Я такого не помню, просто вы чуточку понервничали.

— Нет, нет, я вчера потеряла всякую совесть, — пролепетала больная. — И я ничем не могу загладить свою вину. Всякий раз, когда слышу ваши шаги, готова реветь от стыда чуть ли не во весь голос. Неужели люди, которым вы помогаете, всегда платят вам злом?

— Бросьте ваше глупое покаяние! — едва заметно усмехнулся доктор Кубелик.

Агнес, сидевшая у стола, смотрела на доктора взглядом, полным немого восхищения. Мать глазами указала ей на дверь; девочка покорно встала, по-старушечьи хлопотливым шагом прошла через комнату и начала медленно спускаться по лестнице.

Эве хотелось говорить о том, что удручало ее, по-видимому, уже давно. Она закинула руки за голову, ноги снова невзначай высунулись из-под одеяла, она застыдилась и еще поспешнее прикрыла их.

У доктора Кубелика от усталости почти смыкались веки, но все же он внимательно наблюдал за больной. Вспомнив о цели своего прихода, он вынул карманный фонарик и тихо сказал:

— Откройте, пожалуйста, на минутку рот.

— Право, не нужно. Горло и так пройдет! — Эва попыталась улыбнуться.

— Все же так будет вернее, — настоял на своем доктор Кубелик. Сев на прежнее место, он деловито добавил: — Отлично. Дня через три я разрешу вам встать с постели. Только остерегайтесь сквозняков и простуды.

— А то как же... Теперь буду умнее, — пообещала Эва.

— Да, да... Старайтесь быть поосторожнее, — лаконично заключил доктор.

Он встал и, сунув фонарик в карман, собрался уходить. Да, надо спешить, здесь ему больше нечего делать. На миг он закрыл глаза, и сразу перед ним

возникло множество людей, обмотанных белоснежными бинтами.

— Ну, так... Я на днях проведу вас, — тихо сказал он.

— А сейчас вы очень торопитесь? — спросила женщина дрожащим голосом, поминутно прерывающимся от волнения.

— Тороплюсь? — Доктор Кубелик, казалось, раздумывал. — Нет, до приема еще есть время, — ответил он наконец. — Вас еще что-то тревожит?

— Да. Сядьте, пожалуйста... Я хочу поговорить с вами о чем-то очень дурном, что не дает мне покоя, — пролепетала больная.

Доктор Кубелик снова пододвинул стул к постели и сел, наклонившись, чтобы лучше слышать. Он подумал, что, вероятно, женщина поведет речь о своей беременности. И не ошибся. Эва заговорила, глядя на свои длинные, огрубевшие от работы пальцы, беспокойно двигавшиеся в складках одеяла:

— Вы, конечно, заметили, что я жду четвертого ребенка. — Да, это уже четвертый, — повторила она после недолгой паузы.

— Правда, я действительно это заметил, — кивнул доктор Кубелик.

Молчание.

Потом Эва продолжала, упорно борясь с собой, хотя это было ей, несомненно, очень трудно:

— И я должна родить... как вы сами видите... уже скоро.

Снова пауза. А потом робко, почти испуганно:

— Как вы думаете? Будет ли и теперь со мной все благополучно?

— А как же иначе? Вполне естественно, что и на этот раз все пройдет хорошо, — ответил доктор Кубелик.

И снова короткое, неловкое молчание. Казалось, Эву мучит что-то совсем другое, не то, о чем она сейчас говорила. Лицо у нее пошло красными пятнами, она не находила себе места на постели: то повернется лицом к сидящему рядом доктору, то откинется на спину, то ляжет на бок, а после опять на спину; теперь она уже не замечала, что ноги у нее снова обнажены до колен. Больших усилий ей стоило взять

себя в руки. Она заговорила неестественно глухим голосом, словно на рот ей накинули невидимый платок:

— Я боюсь! Я так страшно боюсь, что... Я уверена, что не... не переживу... Этот ребенок... этот четвертый ребенок... сведет меня в могилу. Мне даже предсказали это... несколько лет назад... Не знаю, что мне делать...

— Что делать? Очень просто — выкинуть из головы все эти глупости, — сказал доктор Кубелик, и, чтобы подкрепить свои слова, засмеялся и весело добавил:

— Вы да не переживаете? Какой вздор! Вы же не молодушка, у которой все это впервые. Вы словно созданы для того, чтобы рожать на свет детей. Взгляните на свое тело! Если хотите, я могу точно измерить ширину вашего таза, но я уже сейчас утверждаю, что в этом нет никакой надобности.

— И все-таки я... наверно, умру, — сказала больная, запинаясь, после долгой паузы.

— Какая ерунда, совершенно ясно, что вы не умрете. Народите еще с дюжину пискунов!

— Нет, ради бога, нет, не говорите так! — У женщины болезненно исказилось лицо. — Ради бога, не говорите мне ни о чем таком! Я не хочу, не хочу... не хочу! — вскрикнула она, поднеся руки к горлу.

— Вздор! — повторил доктор Кубелик. — Настанет пора — захотите. Вообще-то говоря, не вы одна — все женщины мира боятся умереть при родах, все женщины мира, когда подходят сроки, твердят, как и вы сейчас: не хочу, не хочу! И все-таки всегда бывает... немножко иначе. Родовые боли, когда проходят, в воспоминаниях становятся сладкой болью. Поэтому не отчаивайтесь, все обойдется как нельзя лучше!

— Нет, я не хочу, не хочу... и наверняка умру! — упрямо повторяла женщина. Вдруг она повернулась, спрятала лицо в подушку и громко заплакала. Когда этот внезапный приступ отчаяния миновал, больная смущенно сказала:

— Сама знаю — все, что я сейчас вам говорю, очень глупо, но ничего с собой не могу поделать. Это грызет меня день и ночь, путает мои мысли. Многие

не верят в предчувствия, а я... верю. Потому что знаю случаи, когда люди предчувствовали свой конец. И я сейчас предчувствую свою смерть так ясно, как будто... уже когда-то это переживала!

— Я серьезно прошу вас: оставьте эту нелепую навязчивую мысль! — внушительно произнес доктор Кубелик, сразу становясь суровым.

— Это никакая не навязчивая мысль, это... — возразила женщина, но не закончила фразы. И тут же в новом порыве отчаяния заговорила быстро-быстро, как будто стараясь как можно скорее освободиться от груза еще не сказанных слов.

— Ох, боже мой, боже мой... вы отлично понимаете меня, вы только делаете вид, будто... Я... я же сказала вам в первый день, как вы пришли навещать меня. Я сказала вам... разве вы не помните?... что мой муж с самого начала войны ни разу не приезжал на побывку. С того времени прошло... пятнадцать месяцев... А я, конечно, не пятнадцать месяцев хожу беременной, а только девятый!

— Да? Уже девятый! — переспросил доктор Кубелик. — А я, судя по вашему внешнему виду, считал, что седьмой или восьмой.

— Нет, девятый, — подтвердила женщина. — И, конечно же, этот ребенок не от мужа. Я его... под забором нашла! Под забором — слышите? Я даже не знаю, кто его отец, потому что... жила... со многими. Так разве у меня нет причины бояться, что на этот раз со мной дело кончится плохо?

Доктор Кубелик медленно покачал головой и, потрепав больную по обнаженной руке, успокоительным тоном сказал:

— По-видимому, вы просто наговариваете на себя... насчет многих... А если б это и было так, не мне бросать в вас камень. Во всяком случае, ясно одно: все, о чем вы сейчас говорите, сущий вздор. Поверьте — плохой конец возможен в ваших отношениях с законным супругом, а насчет родов не беспокойтесь. Как я уже сказал, я вам не судья, я только врач, а поучают вас пусть чернорясники с церковной кафедры. Природа тоже... как я. Ей дела нет, где или от кого зачат ребенок, которого вы сейчас носите. Природа требует одного: чтобы вы честь

честью произвели его на свет и вырастили. А про себя должен сказать, что за все двадцать пять лет врачебной деятельности я никогда не чувствовал сколько-нибудь большой симпатии именно к тем матерям, которые рожали детей, находящихся под защитой закона. Словом, ваши страхи неосновательны. Вскоре вы убедитесь, что я прав: вы напрасно боитесь.

— Но у меня... все же такое чувство, что я не переживу этого, — робко прошептала Эва и устремила на Кубелика взгляд больших горящих глаз.

— Ну и что же! Чувство может быть ошибочным! — ответил доктор.

Прижимаясь лицом к пропитанной потом подушке и всхлипывая, женщина продолжала:

— Господи боже, почему я себя не уберегла? Жалкая... и подлая тварь! Что я скажу своим братьям, мужу, когда они вернутся с фронта?.. А ведь как я любила его... как люблю... и сейчас. Мой старший брат Пээтер недавно прислал письмо, его контузило и он скоро приедет домой поправляться. Может быть, он уже сегодня придет ко мне. Придет и спросит... спросит, как я жила... Господи... господа... как я могла...

— В наше время очень немногие люди властны над своими поступками, — тихо отозвался доктор Кубелик.

— Может быть... может быть, — глотая слезы, согласилась женщина. Одеяло сползло на сторону, и она лежала почти обнаженная — большая, тяжелая, бесформенная. Плечи и резко выпяченный от самой груди живот сотрясались от рыданий. Она так сильно прижала к щекам пальцы, что побелели суставы. Как сурово наказанный ребенок, она механически и бессмысленно повторяла: может быть... может быть... С каждым словом на губах ее мелко пузырилась слюна.

Но и этот приступ отчаяния миновал столь же быстро, как и остальные. Кончиками пальцев утирая слезы, она прошептала:

— Простите, что я так... Ничего не могу поделать! Я... я хочу попросить вас, когда у меня... подойдет срок... помогите мне! Чувствуя вашу

заботу, я буду смелее... А может быть, вы не хотите?

— Нет, я ничего против не имею, — ответил доктор. — Охотно приду по первому вашему зову. Время вы сами знаете: когда схватки станут повторяться через каждые десять минут или когда отойдут воды. По вечерам я обычно дома, а в другое время хозяйка моя знает, где меня можно найти. И не трусить, моя милая, не трусить!

— Попробую, — шепотом ответила грешница, застенчиво улыбнувшись, и тотчас же добавила: — Скоро, наверно. Ночью головка уже подвинулась книзу.

— Вот как? — И доктор Кубелик встал, чтобы попрощаться. Мельком взглянув на часы, он сказал: — Проведаю вас завтра. Может быть, еще до девяти часов. А теперь желаю спокойствия и еще раз — смелости. Я пошлю Агнес домой.

— Да, пожалуйста, пошлите ее наверх, — сказала Эва, глядя на доктора с благодарностью.

Глава четвертая

СЕСТРА И БРАТ

После ухода доктора Кубелика в комнате ненадолго воцарилась тяжелая, настороженная тишина, словно подавлявшая все, что жило и двигалось. Несколько поздних мух ползали туда-сюда по беленому потолку, большой жук с жесткими надкрыльями беззвучно пробежал по обоям. В мутном свете осеннего дня все предметы расплылись, потеряли свои четкие очертания — и стулья, и стол возле окна, и старый мрачный шкаф у стены. Потом эта выжидающая тишина, враждебная всему, что жило и двигалось, была нарушена: внизу громко заиграли на рояле, в соседней квартире, за той стеной, где стоял старый шкаф, вспыхнула ежедневная ссора. Хлопнула дверь, чьи-то шаги раздались на лестнице, вот они уже в передней. Это вернулась Агнес. Она села у стола на свое обычное место и стала терпеливо ждать, когда мать позовет ее.

Эва лежала, бессильно вытянувшись, прижав щеку к подушке. Ее тело было и чувствительным, и странно оцепеневшим, будто чужим; она ясно чувствовала, как у нее под грудью беспокойно шевелится ребенок, — казалось, эта безымянная крошка уже догадывалась, что с ней не все ладно, что ее тихое, немое присутствие уже порождает у кого-то тяжкую заботу. И будто в нетерпенье ждала она того часа, когда сможет начать свой собственный путь. Она больно прижалась к крестцу и бедрам матери, она как будто уже не была частью того тела, в котором возникла и выросла, нет, она уже стала к нему враждебной, заявляла о своем превосходстве. Эй, выпустите меня, я не хочу больше ждать, мне совсем не нравится, что меня стыдятся! — как бы говорила она.

«Ты, плод моего греха, — думала Эва, — о, если б тебя не было вовсе, не было бы...» Нахлынула печаль и в ней канули все другие чувства; неизбежно близилось что-то роковое и отвратительное. Сидевшая у стола Агнес скрестила на коленях руки и по-старушечьи вздохнула.

И снова внизу хлопнула дверь. На этот раз по лестнице поднимался кто-то большой, грузный и вселяющий ужас. Под тяжестью его шагов тревожно скрипели полусгнившие деревянные ступени.

Эва почувствовала, как у нее зашло сердце от страха, она отвернулась лицом к стене, ей захотелось зажать уши. Почему-то все время ее не покидала мысль, что это, наверно, брат Пээтер, которого недавно контузило, что это он, он пришел к ней. Ужас сковал женщину, она не могла перевести дух, задыхалась. В отчаянии Эва вспомнила об отзывчивом пожилом докторе, только что сидевшем у ее кровати, и всей душой потянулась к нему. Вернуть бы его, вернуть поскорее! Руки у Эвы дрожали, она хотела поправить одеяло, но не смогла и оставила все как есть. А шаги тем временем приближались и приближались! «Сейчас он подойдет к двери, боже, боже!» — прошептала она. И впервые подумалось ей, что давно уже надо было покончить с собой, да, да, надо было совершить это, чтобы избавиться от того нестерпимого позора, который шагает сейчас по ступенькам — топ, топ! Раздался стук — громкий и повелительный. Эва быстро села в постели, но тут же со стоном повалилась на спину и крикнула дочери, вопросительно глядящей на мать:

— Иди... иди... открой дяде!

Теперь она жадно ловила каждый звук, она вслушивалась всем существом — и душой, и телом. Вот Агнес идет через переднюю, вот подходит к двери. Ребенок забил ножками, в поясице ударила острая боль и, расходясь как лучи, пронизала все тело. Грудь, казалось, не могла вместить в себя удары сердца, оно словно хотело разбить ее. Со скрипом повернулся ключ в замке, взвизгнули дверные петли, кто-то поздоровался. «Господи, господи, это не Пауль, не Пауль!» — думала женщина. На миг ее охватило странное желание: вскочить с постели и от

страха сесть на пол. Это показалось ей самой до того глупым, что она готова была расхохотаться, если бы только не... «Что... что?» — шепотом спросила себя Эва. Но тяжелые шаги, сотрясавшие весь старый каменный дом, не затихали, вот они уже в коридоре, в комнате рядом. И тут она вдруг ощутила, как все в душе у нее и в теле вернулось на свое место, успокоилось, как исчез страх и как она сумела вызвать на лице улыбку, уместную при встрече с человеком, которого она так ждала и так страшно боялась.

Предчувствие не обмануло Эву — это был Пээтер. Большой, угловатый, он на миг задержался в дверях, инстинктивно наклонил голову, словно боясь, что ударится о низкую притолоку, и зорко осмотрелся. Эве хватило того мгновения, когда брат, прищурившись, стоял на пороге, чтобы при сером свете осеннего дня увидеть, как за один-единственный год постарел этот мужчина с карими глазами и крупным крючковатым носом; он даже как будто стал гораздо выше. Смуглое, лоснящееся лицо, коротко подстриженная кудрявая борода делали Пээтера похожим на святого с иконы; широкие костлявые плечи были туго обтянуты шинелью. Скулы его словно поднялись еще выше, крепкие, острые скулы, выпиравшие под кожей, до черноты выдубленной солнцем и ветром.

Вдруг брат улыбнулся, кивнул и приблизился на несколько шагов. А грешница, изо всех сил стараясь скрыть свою беременность и в то же время сознавая, что это невозможно, что все заметно уже издали, сказала, прячась за подушкой:

— Я как будто знала, что ты придешь сегодня...

— Вот как! — промолвил брат. — Ну, здравствуй! Ты что — совсем расхворалась?

— Да, горло... — ответила Эва, высоко поднимая колени.

— Гланды, как обычно у нас в семье? — спросил брат.

— Да, распухли... — ответила сестра. — Врач... один из дядюшек Андреса... вскрыл нарыв. Как только гной вышел, мне сразу стало легче. А ты наконец смог на время вырваться домой? Кроме контузии, ничего другого не было?

— Слава богу, нет. — Брат, не отпуская сестриной руки, пододвинул себе стул, сел тяжело и прочно — словно бронзовое изваяние опустилось на пьедестал. Руки у солдата были еще темней, чем лицо, большие, сильные руки крестьянина, а в бороде мелькали сединки, точно вплетенные в нее серебряные нити. Весело хлопнув себя по колену, он сказал: — Целых двадцать два дня! Ха-ха-ха! Потом снова на комиссию, врачи осмотрят, если повезет, добавят еще. Ты извини, но я чертовски голоден. Найдется у тебя... хотя бы ломоть черствого хлеба.

— Найдется, что-нибудь да найдется, — ответила сестра, радуясь, что ей больше не придется выносить пристальный взгляд брата. — Дай дяде поесть, — обратилась она к Агнес. — Там в шкафу еще мясо должно быть и хлеб. Да чай вскипяти... У нас неделями дождь льет, тебе хорошо будет попить горячего.

— Еще как, только давай! — И брат снова весело рассмеялся. Когда девочка вышла из комнаты, он добавил уже без улыбки: — Да, льет давно. И не только тут, а и у нас на фронте. В окопах воды чуть ли не по колено, кое-где и шагу ступить нельзя, чтобы в сапоги не натекло. Сейчас только октябрь, а в ноябре и декабре будет еще хуже. Ты что-нибудь знаешь... о своем муже?

Со страхом ждала Эва этого вопроса, но теперь, когда он был задан, она сумела сохранить спокойствие. Поправляя одеяло на коленях, женщина сказала:

— Да, он и теперь там, где был с самого начала. Пишет, что пока все хорошо... Надеется тоже вскоре побывать дома. Только ведь оттуда вырваться... наверно, очень трудно...

— Как кому... Некоторые частенько в отпуск ездят. — С этими словами Пээтер сладко потянулся.

— Верно. Кое-кого очень часто отпускают, — согласилась Эва.

— Немало и таких, кого совсем туда не пошлют.

— Да, и таких, конечно, немало.

Разговаривая с братом, Эва закрыла глаза. Она боялась снова открыть их и напряженно прислушивалась к каждому движению дальнего гостя. Брат

подобрал вытянутые ноги под стул, потом слышался совсем другой шорох. Агнес сновала между комнатой и кухней, оттуда запахло свежесваренным чаем. Зазвенела посуда, потом все стихло. Настороженное чутье подсказало Эве, что ее разглядывают, она почувствовала, как залилась краской, и от этого еще больше смутилась. «Господи боже мой, и что этот ребенок там бьется! — подумала женщина и с суеверным ужасом представила себе, что брат видит эти едва заметные движения даже сквозь толстое шерстяное одеяло. Она обливалась потом. Дрожа от страха, Эва слышала, как сидящий у кровати мужчина злобно проворчал:

— Так-так... А-а, вот как обстоит дело! Вот как!

— Дядя, иди кушать, — прощепетала Агнес. Накрыв на стол, она хотела похвастаться своим умением хозяйничать.

Эва слышала, как брат, скрипнув стулом, встал, шагнул в сторону от кровати, вышел из комнаты. Она тотчас приоткрыла глаза. Она увидела только широкую спину в гимнастерке защитного цвета, сильные плечи, почти черный затылок, а над ним блестящие и тоже черные волосы. Из-за толстой шеи мелькнул краешек кудрявой бороды; большие оттопыренные уши, казалось, прислушивались к чему-то. Звякнули нож и вилка, слышалось мерное жеванье, легкое поскрипывание зубов, тяжелое, медленное дыхание.

Этажом ниже забренчали на рояле, снова в квартире за стеной пошла в ход самая мерзкая брань, вслед за которой обычно наступало примирение, сопровождавшееся любовными вздохами. Часы пробили три. Брат высморкался, отодвинул стул. Он идет... скоро он будет здесь! Эва слегка приподнялась на локте и решительно сказала Агнес:

— Доченька, оставь посуду на столе и поди поиграй на улице. Нам нужно с дядей кое о чем поговорить, а детям не стоит все слушать. Ступай, ступай!

— Не хочу! — неожиданно заупрямилась Агнес.

— Иди, если велено! — настаивала мать.

— Не хочу и не пойду! — ответила девочка.

— Агнес, ты знаешь, я не люблю, когда ты мне перечишь. Сейчас же уходи! — повторила Эва.

Девочка нехотя повиновалась и вышла. И тогда, смотря брату прямо в лицо, Эва со злобной решимостью, удивившей ее самое, сказала:

— Ну, говори скорее! Я не могу в такую погоду долго держать детей под дождем. Говори скорее, тебе ведь не терпится!

Брат не ожидал такой вызывающей выходки, он смотрел на сестру в упор, щеки его подергивались. Ухватившись за спинку стула, он своими сильными пальцами отломал ее, выдернул шипы из гнезд и гневно загремел:

— А-а, вот как ты, живешь, потаскуха... Чтоб тебе... суке... околеть... в той грязи, которую развела!

Пээтер умолк. Женщина, уставясь глазами в потолок, не отвечала и словно ждала еще чего-то. Ребенок у нее в теле тоже притих, тоже, казалось, выжидал: неужели все это опять из-за меня, которого стыдятся, которого скрывают? И рука фронтовика, замахнувшаяся высоко поднятым стулом, и мрачный шкаф, и стол у окна, и твердокрылый жук на стене — все, все как будто затаило дыхание, ожидая чего-то. И наконец все разрешилось: поднятая рука не нанесла удара, а как бы ослабев, опустилась и осторожно поставила разбитый стул на пол. Фронтвик снова сел у кровати, две пары мечущих искры глаз судорожно впились друг в друга, ни брат, ни сестра не отвели взгляда в сторону.

Затем гость заговорил — с иронией, не спеша. Он принялся расспрашивать сестру, хлеща ее каждым словом, словно свистящим бичом.

— Ну-с, милая сестрица, расскажи-ка пообстоятельней, как ты тут жила? Как тосковала, мужа ожидаючи? Как верность ему хранила? Оплакивала ли его долю жгучими вдовьими слезами? Думала ли о нем с болью и тоской, как думают одинокие жены о своих мужьях-фронтовиках? Бывало ли, что глаза от ужаса закрывала, страшась за него? И так ли ты жила, что он сможет... если вскоре вернется... смело смотреть в лицо любому другу и знакомому? Отвечай же! Я как-никак твой брат, и ты должна знать, что я тоже за тебя отвечаю перед твоим мужем. Ну, говори! Я жду!

Молчание.

И фронтовик продолжал:

— Я вижу, ты скоро родишь. Ясно, ясно, по таким делам и узнают верных жен. Выходит, значит, что Андрес успел-таки проведать тебя и что ты его приняла, как подобает честной супруге? И вы были счастливы, не правда ли? Сколько раз я слышал на передовой, как мужья-фронтовики говорят о своих женах, вспоминают о коротких встречах с ними. Они держат карточки жен у самого сердца, в кармане гимнастерки, и верят, что эти фотографии уберегут их от вражеских пуль и штыков... — Глаза у Пээтера сузились от злобы, он, помолчав, продолжал: — Стало быть, вы были счастливы? Верю, верю! Иначе почему ты сейчас в таком виде!

— Перестань... пощади, Пээтер! — пролепетала Эва жалобно и закрыла лицо руками.

— Молчать! Заткнись! — заорал брат, побагровев. Он снова вскочил, схватил стул и с грохотом швырнул его на пол. — Молчать! — вопил он как безумный. — Взять бы винтовку да всадить в тебя пулю, ты... сука... шлюха! Всех, всех ты опозорила... и мужа, и нас, братьев!

Эва ничего не ответила. Она лежала совсем неподвижно, как будто покорно ждала своей участи. Весь ее взбудораженный организм напрягся, острые предродовые боли раздирали живот. Возникнув в одной определенной точке, они, словно жгучие лучи, расходились вниз, вверх, в стороны. Ей пришлось невольно за что-то ухватиться, к чему-то прижаться спиной, искать опоры для непроизвольно сгибающихся ног. Пот крупными каплями стекал по лбу, она больше не могла отирать их, они заливали рот, глаза, соль щипала веки и губы. «Это смерть... смерть... смерть... господи боже, помилуй меня... это смерть!» — думала Эва, стиснув зубы. Она пристально смотрела в потолок, но одновременно видела и брата. Огромный, грозный, он высился над ней, его тяжелая тень падала на ее постель, на пронзенное болью тело. И эта тень давила, мучила ее, сжимала внутренности. В нижнем этаже продолжали барабанить по клавишам: «Трам-трам-там... трам-там-там». Отворилась дверь, и Эва закричала прон-

зительно, с силой, которая наконец вырвалась на волю:

— Не входи, не смей... Ступай прочь... Играй на лестнице, слышишь, поди прочь!

— Мамочка, я... — Агнес осторожно подошла к ней.

— Вон, вон, ступай сейчас же вон! — вопила Эва и сама слышала, как каждое слово, будто песок, скрипит у нее на зубах. Когда брат и сестра остались одни, Пээтер прижал ладонь ко лбу, словно пытаюсь остудить его, и медленно сказал:

— Черт возьми... какая гадость! Эх, если б ты сама понимала, до чего все это гадко! Люди мучаются, страдают зря, а потом получается, что им даже некуда деваться, когда станут калеками. А ведь у каждого из нас должно быть место, где он может найти опору... знает, что найдет ее... место, о котором он может иногда помечтать! Почему, скажи мне, почему ты так гнусно загадила постель своего мужа? Почему пала так низко, что не постыдилась и на нас бросить тень — на него и на братьев? — Не ожидая ответа, он продолжал, повысив голос, со стоном, словно от боли: — Да, надо бы и правда влить тебе пулю, чтоб и перед мужем обелить. Ему наверняка было б легче жить, зная, что ты умерла... чем видеть тебя... такую!

— Ну и убей! — истерически выкрикнула Эва, сверкнув глазами. — Убей, но не измывайся! Назвал меня сукой и шлюхой... а хлеб, который эта шлюха грехом заработала, тебе поперек горла не стал? — спросила она, дрожа всем телом и приподнимаясь на локтях.

— Дрянь! — Пээтер с отвращением плюнул.

Вдруг Эва пронзительно завизжала — приступы боли снова один за другим пронзали ее, точно длинные ножи, режущие ей внутренности. Это были уже не предродовые схватки — начались самые роды, быстро, с неодолимой силой, как это обычно бывает у крепких, здоровых женщин. И мгновенно забыв обо всех упреках, унижениях, даже о недавнем смертном страхе, она крикнула властно:

— Чего глядишь! Скорей пошли Агнес через двор, за старухой Тамме! А сам... ступай к доктору Кубе-

лику. Он обещал помочь, он... поможет мне... я верю!

Вскоре до слуха ее донеслись быстрые шаги, грохотом своим напоминавшие орудийные раскаты. Они прогремели по комнатам, по ступенькам и смолкли внизу.

И она что-то тихо и упрямо забормотала сквозь стиснутые зубы, пытаясь сопротивляться страшным накатам боли, которые, казалось, все более приближали ее к великому спасительному исходу.

Глава пятая

АНТОН НАХОДИТ НОЖ

Покинув больницу, Антон сначала вообще не знал, куда идти и что предпринять. У растерянного, потерявшего душевное равновесие юноши было такое ощущение, будто его жестоко отколотили — и физически и нравственно. Он долго думал о Кларе — своей вероломной возлюбленной, об одноглазом молодом прапорщике, о дяде, чья разговорчивость явно выдавала желание утешить племянника, об Айми-Ли в косынке сестры милосердия, о герое капитане Кубелике. В голове словно крутилось какое-то колесо, разбрасывая вокруг отрывочные впечатления вчерашней ночи, в ушах беспрестанно звучал неистовый вопль, побудивший его ползти по грязи на коленях к пострадавшему. Но странные речи Кунца и Пауля запугали его так, что он и сам уже не знал, пырнул он прапорщика или нет. Рассеянно размахивая руками, сгорбившись и понутив голову, Антон без всякой цели шагал по пустынным улицам, сквозь серый туман, обволакивавший все вокруг. Долгое время юноша шел, словно отчаянно торопясь куда-то, в спешке задевая за углы и стены мокрых от дождя домов. Порой он слышал, что бормочет какие-то слова, это пугало его и он со страхом озирался. Да, да, нужно бежать к молу и утопиться, думал он в отчаянии. Жизнь внезапно зашла в тупик, в сравнении с нагрянувшей бедой все, что происходило раньше, выглядело смешным ребячеством. Как ни странно, он удивительно спокойно вспоминал сейчас лживость Клары, ее гнусный обман и свою разбитую любовь, лишь несколько дней назад как бы вмещавшую в себе все его прошлое, настоящее и будущее.

И бедняга Антон шагал все дальше и дальше. Мостовая тут была старая, изрытая ухабами, на тротуарах огромные лужи, ворота стояли приоткрытые и словно злобно усмехались. Ага, это уже окраина города. Антон сам не знал, какой дорогой он пришел сюда, заметил лишь, что попал на ту самую улицу, где они кутили минувшей ночью. Из-за высокого забора не было видно двора, но, привстав на цыпочки, Антон все-таки увидел верхнюю половину того мерзкого окна, под которым они сидели и завели ссору.

Смотря на отвратительное окно, Антон испытывал желание вывернуть из мостовой булыжник и запустить им в жирно поблескивавшие стекла. Не приди он спьяну сюда, не случилось бы всего этого свинства, подумал он. Эти тупые продажные женщины, омерзительные существа, чья паучья жадность вызывала отвращение, — они, наверное, спокойно дрыхнут сейчас в постели, утомленные, разомлевшие, сытые, в то время как он, Антон, точно безумный носится по улицам, а бедняга прапорщик лежит в госпитале с повязкой на пустой глазнице. Словно в дурном сне, он пошел дальше, повинувшись инстинкту, который, как будто преследуя определенную цель, заставлял Антона еще раз обойти все места, где он бывал в роковую ночь.

Он перешел улицу и поглядел на тяжелые ворота, почерневшие от постоянных дождей. Именно здесь он стоял ночью, в подробностях представляя себе, как ударит Кяэрика, как без сожаления прикончит поганого пса, который так нагло встал ему поперек дороги. Но сейчас, когда противник на самом деле беспомощно лежал во прахе, Антон не мог понять своей жажды убийства и думал лишь о том, что все поступки, совершенные им тогда, были очень глупыми и бесцельными.

Рассеянно скользнув пальцами по столбу ворот, Антон пошел дальше. Потянулись новые улицы, новые проулки, новые тротуары — это был путь, по которому он также шел в тот роковой вечер. Он повторял почти каждый шаг, пройденный во мраке. «Разве не было бы сейчас самое правильное пойти добровольцем на войну, чтобы избавиться от тоски и

чувства огромной вины?» — спрашивал он себя, зорко озираясь вокруг.

Когда Антон подошел к тому злосчастному месту, где происходила драка, у него внезапно возникло чувство, что здесь с ним самим случится нечто ужасное! «Да, да, именно здесь!». Он оперся плечом о мокрый кленовый ствол и, ощущая враждебную неподатливость дерева, которое словно сурово обвиняло его, стал внимательно оглядывать истоптанную сапогами вязкую грязь.

Так он еще раз пережил все события прошлой ночи — отрывочно, по одному, с самого начала и до самого конца. Да, вот отсюда они пришли; правильно, там за деревьями устроили засаду; вот здесь он встряхнул Пауля, которого одолевала дремота. Антону отчетливо вспомнилась шумная возня, гулкое топтанье по грязной мостовой; кто-то упал, кто-то запыхтел, и именно отсюда, с этого места, где он сейчас стоит, он ринулся вперед со своей вилкой, чтобы колоть, бить!

Антон уже собирался уйти прочь отсюда, как вдруг увидел нечто такое, от чего у него радостно, до безумия радостно забилось сердце. Рядом с тротуаром на чахлой траве лежал открытый складной нож с тремя лезвиями и рукояткой из оленьего рога... точно такой же нож, каким Кунц не раз хвастался перед приятелями!

Антон поднял свою находку с бесконечной осторожностью, словно какую-то хрупкую драгоценность, которая вот-вот разобьется. Нож был мокрый, и Антон с горечью подумал о том, что дождь смыл все следы, а ведь именно они могли бы избавить его от страшных мук совести. Когда он осмотрел открытое лезвие с другой стороны, ему показалось, будто у него от волнения глаза полезли на лоб. Маленькая коричневая капля быстро скатилась по блестящему металлу и упала в траву. Он посмотрел ей вслед, но ничего больше не увидел. И все же душа его ликovala — ему хотелось петь во весь голос, целовать кого-то: теперь он был уверен, что именно этим ножом ударили в глаз прапорщика Кяэрика, да, ножом, а не вилкой, как это пытаются доказать и Пауль, и сам Кунц! «Свиньи, негодяи, хотели, зна-

чит, свалить вину на меня!» — подумал он, тяжело дыша от гнева. И помчался обратно к центру города так стремительно, как давно уже никуда не мчался, даже на свои первые любовные свидания...

В ту минуту, когда Антон подошел к дому, господин Юстус, с большущей сигарой во рту и мокрыми от дождя плечами, стоял у ворот. Он только что вернулся из магазина, на брюках у него еще виднелись серые пятна — мучные следы.

По-видимому, сделка принесла солидный куш, так как широкая физиономия Юстуса светилась мягким благодушием. Он тотчас же шепнул сыну с лукавым видом соучастника:

— Ты что же, братец, сегодня в школу и не ходил? Как же дальше будет, а? Это ведь в некотором роде дезертирство.

— У меня болела голова, оттого и не пошел, — ответил Антон, пряча в карман пальто руку с найденным ножом.

— Голова болела? Вот плохо, вот плохо — покачал головой отец, посматривая то на свинцовое небо, то на присевшую около него больную таксу, которая, казалось, искала у хозяина дружеского сочувствия. И словно удовлетворясь этими наблюдениями, он весело заговорил, вставляя в речи больше русских слов, чем обычно: — Ничего! В нынешнее время человека, точно колбасу, ученостью начиняют. Черт побери, разве в мое время такое бывало? Каждый учился только тому, что ему нужно было на избранном поприще. И плохо разве люди жили? Купец толковал о торговле, мельник о мукомолье, крестьянин о хлебах, волостной писарь о законах. А сейчас сплошной кавардак пошел. Погляди-ка, например, на дядю Ханса. Он уже старый человек, а был в точности таким, как вы сейчас, только и делал, что всюду совал свой нос. Теперь дело дошло до того, что разумный человек вообще не может с ним двух слов сказать, никак не поймешь, где у него кончается шутка, где начинается серьезный разговор... А ты куда ходил в такую погоду? Где бывал, что видал... как гласит наша славная поговорка... хе-хе-хе...

— Да так, дышал свежим воздухом, — ответил Антон.

— Вот, правильно, — кивнул отец и, покашляв, добавил: — Да, брат, человеку нужно иной раз отдохнуть и дух перевести. Я никогда не был против разумных развлечений. На вот тебе, сунь в карман. Пригодится, когда греховные страсти одолеют, хо-хо-хо! — Он протянул сыну пеструю кредитку, а сам исподлобья глянул на окна их квартиры, словно опасаясь, что кто-нибудь увидит его щедрость.

Антон, пропустив отца вперед, молча поднялся за ним по лестнице. Он все еще чувствовал себя счастливым, временами совал руку в карман, где лежала сегодняшняя находка, и еще раз убеждался — да, это не сон, ножик с тремя лезвиями тут!

Антон решил ничего не говорить негодяю Кунцу до вечера, пока не узнает у дяди Ханса как специалиста его мнение о ране, нанесенной прапорщику. Антон представлял себе в ярких картинах, как он приходит к Кунцу и, ни слова не говоря, бросает ножик на стол: «Возьми, сможешь еще кому-нибудь глаз выколоть!» Коварный кузен Кунц бледнеет и никнет, сознавая, что теперь бессмысленно что-либо отрицать. Он, Антон, ничего не сделает этому мерзавцу, только пожмет плечами и пойдет своей дорогой!

Отец, шедший вперевалку впереди, походил на большую копну сена; больная такса Неро осталась в углу передней и здесь уселась, одинокая и беспомощная. «А дядюшка Мартин, почтенный папаша подполковника Скобелева, пожалуй, еще мощнее, чем наш отец», — подумал Антон и с трудом подавил смех, щекотавший ему горло. И спросил, со скрытой улыбкой глядя на отцовский в складках затылок, подрагивавший при каждом шаге:

— Ты был в лавке?

— Да, я ходил в магазин, — деловито поправил сына господин коммерсант.

Кредитка в кармане казалась скользкой, черенок ножа дружески касался пальцев. В коридоре было гораздо теплее, чем на улице. И Антон, снова засмеявшись и склонив голову набок, сказал:

— Дядя Мартин был вчера совсем тепленький. Он еще у нас?

— Тс-с! — Отец сделал такое лицо, будто вчерашний кутеж надо было держать от кого-то в тайне. И сразу же принялся подробно рассказывать, словно говорил с человеком своего же возраста: — Нет, этот крикун давно ушел. Наведался ко мне на склад, а потом скорее к полковнику Квадратову с визитом, ха-ха-ха! Знаешь, какое дельце они обстряпывают, ого! Поначалу Мартин оцетинился, обозвал нашего дорогого гостя казнокрадом, а потом так ловко прибрал полковника к рукам, что... Теперь Мартин и коров больных сплавит, и солому никуда не годную; осень была дождливая, многое попортилось... А ну-ка, пойдем поглядим, не дадут ли нам поесть, у меня прямо живот подвело.

— И у меня дело обстоит не лучше, — кивнул Антон по-стариковски.

Они повесили в передней мокрые пальто, затолкали калоши в угол и привели себя в порядок перед зеркалом — оба сегодня чуть-чуть кокетничали. Прислуга украдкой заглянула в гостиную и снова исчезла в кухне. Госпожа Эмилия, услышав шаги на лестнице, вышла им навстречу. Господин коммерсант кашлянул, подал сыну какой-то лукавый знак и, легкомысленно подпрыгивая на своих коротких толстых ножках, спросил:

— Ну-с, мамочка, стол накрыт?

— Сейчас? Удивляюсь! — пренебрежительно бросила госпожа Эмилия и села на диван.

Помолчали.

Антон снова сунул руку в карман и погладил шершавый черенок ножа. Господин коммерсант ходил взад и вперед по комнате и оглушительно кашлял. Резкость жены рассердила его, хотя он и старался это скрыть. Госпожа Эмилия, поглядев на свои мясистые, розоватые пальцы обратилась к мужу еще пренебрежительней:

— Ты, конечно, туда не ходил?

— Куда это — туда? — рявкнул Юстус так громко, что сам испугался.

Тотчас вспылила и госпожа Эмилия.

— Дикарь, чего горло дерешь? Не знаешь, что ли,

куда надо было сходить? — крикнула она. — Застал его дома?

— Черт возьми... говори яснее! — сердито спросил господин Юстус, начиная уже успокаиваться, как это часто бывает со вспыльчивыми, но мягкими по натуре людьми. — Кого? Кого я должен был застать?

— Болван! Ты, значит, забыл! — буркнула госпожа Эмилия, не собираясь идти на мировую.

Антон смущенно уставился в пол. Он еще никогда не видел, как ссорятся отец с матерью, и ему было неловко за них обоих. Он подумал, что надо бы уйти к себе в комнату, но не успел это сделать: разразилась буря. Оскорбленный до глубины души гадким бранным словом, господин коммерсант зарычал, с шумом опрокинул стул и завопил высоким фальцетом:

— Замолчи... не смей употреблять такие вы-выражения! Сама злая как собака. Сын рядом, а мамаша обзывает отца болваном. Так ты воспитываешь детей, для которых должна быть примером. Ну, подожди же! Я еще посмотрю, будут уважать меня в этом доме или нет!

— Слушай! Ты, видно, с утра уже налился или впрямь с ума сходишь? — крикнула госпожа Эмилия, и губы у нее побелели. — Стыдись!

— Молчать! — Господин Юстус долго кашлял в поднесенный ко рту кулак, лицо у него болезненно дергалось. Потом вдруг обратился к Антону и заговорил, словно жалуясь ему:

— Видишь, сынок, как дурно говорит со мной твоя мать! Ты ведь много лет ходил в школу и кое-чему научился — так вот скажи: красиво ли это с ее стороны? Скажи-ка! И если ты согласен, что это некрасиво, тогда... берегись примера, который тебе подает родная мать! Она тебя своим примером погубит, вот чего она добьется. Так ругаются только торговки на рынке, а рыночным бабам не место в порядочных семьях, не место в домах, где почитают бога!

— Что... что... что все это значит? — забормотала Эмилия и побледнела от испуга.

— Что значит? А вот я тебе покажу, что это значит!.. Кухарка немецкая! — крикнул господин

Юстус воинственно. По мнению сына, он вел себя еще более безобразно, чем мать.

— Боже милостивый, да перестань ты, перестань... — в отчаянии лепетала госпожа Эмилия.

— А почему это я должен перестать? С какой стати я должен терпеть твоё хамство, а? — Господин Юстус все больше свирепел, подстегиваемый своими собственными словами. Вместо того чтобы обуздать себя, он продолжал в духе благочестивого Кериха, пытавшегося иногда выступить с пламенными обличениями: — Ты думаешь — я слепой? Думаешь, я ничего не знаю? Не понимаю, что ты своими глупостями, своим чванством делаешь меня посмешищем перед всем светом? Дудки, брат! Ошибаешься! Послушай лучше, что я тебе скажу. Не лезь, кухарка, куда не надо! Сунула мне в карман какие-то писульки и думала, что я, как последний дурак, по первому мановению руки сразу же пойду к своему брату и буду плести ему всякую ерунду от твоего имени и от всей твоей полоумной шатии! Ха-ха, как же, жди! А теперь... я тебе... вот что скажу! Попробуй еще хоть раз сунуться в тот сумасшедший дом, который вы там все вместе развели! Неужели вы, дуры, действительно считаете, что раненые солдаты для того лежат в госпиталях, чтобы вы, толстомордые, лазили на них смотреть!

— Господи, господи! — воскликнула госпожа Эмилия и, повысив голос, еще раз попыталась восстановить свое достоинство. — Рехнулся, совсем рехнулся!

Антон бросило в краску от жгучего стыда; за дверью, ведущей в столовую, кто-то дышал — осторожно, чтобы его не слышали. Господин Юстус ударил кулаком по столу и заорал:

— Заткнись, сию же минуту заткнись! С меня хватит! Я слишком долго терпел. С сегодняшнего дня я требую, чтоб ты пол-но-стью мне подчинялась! По-солдатски! И заруби себе на носу: если ты с сегодняшнего дня посмеешь хоть во сне цацкаться со своими дурацкими затеями, забирай свои пожитки и ступай... куда хочешь. Я тебя здесь терпеть больше не буду, поняла или нет? На, держи свои послания! — И разгневанный супруг швырнул жене

в лицо оба письма, которые взял обратно со стола брата Ханса.

— Послушай... Юсти, миленький... позволь мне!.. — сквозь слезы залепетала госпожа Эмилия.

— Не позволю! Ничего больше не позволю! Стоп — и ни дюйма дальше. С этого дня приказываю только я! Понятно? — Господин Юстус вытер пот. Он разгорячился, бранясь, и устал, но справедливое негодование не давало ему успокоиться. Упирая на каждое слово, он продолжал фальцетом: — Чего вы ерепенитесь, чего форсите? Нашлись великие умники, вздумали посылать Хансу какие-то нелепые письма и требования. Свиньи! Тьфу! Да я бы вашу писанину на помойку выбросил — да, да, на помойку! Теперь тебе ясно, жена, чего я от тебя требую? А как ты это исполнишь — буду следить строжайшим образом. Понятно, а?

Госпожа Эмилия, чувствуя, что ее позиции в семействе резко заколебались, закрыла лицо руками и тихо заплакала. Потом еще ниже склонила голову и едва слышно прошепеляла:

— Да... дорогой муженек, понятно...

— Ну вот и прекрасно! — рывкнул господин коммерсант и мужественной поступью вышел из гостиной.

Глава шестая

КУНЦ КЛЯНЕТСЯ ОТОМСТИТЬ

Антон, все еще краснея от невыносимого, доходящего до боли, стыда, прокрался по лестнице к себе наверх. Нелепая ссора стариков опять все в нем смяла и перевернула. У него до того сильно заныло сердце, что он застонал и, ничком упав на кровать, погрузился в глубокое отчаяние, бурей налетевшее на него.

Он очнулся, когда кто-то вошел, и безошибочно почувствовал, что за ним наблюдают. Комната быстро наполнилась парфюмерными запахами, и уже это одно говорило, что в гости пришел Пауль.

Старший брат стоял у окна, засунув руки в карманы. На лице у него была написана та же озабоченность, что и утром, когда они с Кунцем обвинили брата, приписав ему роковой удар.

Антон сел на кровати и, угрожающе сдвинув брови, сказал:

— Опять оплакивать пришел? Ну давай, давай!

— Видишь ли, дорогой братец, я подумал о том... — начал Пауль голосом дядюшки Кериха, но Антон резко перебил его:

— О чем подумал? Ну, ну, говори побыстрее! А если сказать нечего, смывайся отсюда... пока я тебе не вклеил!

— Ты, парень, со мной так не разговаривай, — сказал Пауль с тяжеловесной солидностью пожилого мужчины. А когда Антон в сердцах выругался, он, позвякивая шпорами, подошел поближе к кровати. — Ну, ладно, ладно, я понимаю, что, выкинув такую штуку, ты не очень-то хорошо настроен. Мы с Кунцем тебя несколько раз искали. Теперь мы всю эту историю с начала до конца обсудили и решили дать тебе совет. Этот хлюст, которому ты навеки расшиб

один фонарь, наверняка человек очень бедный... Сунь ему в зубы приличную сумму, и *дело в шляпе*. Я сам могу одолжить тебе эти деньги. Отдашь, когда раздобудешь! Мы ведь оба молоды, и поверь, *мне все равно* — держать ли сбереженные копейки в банке или дать их тебе... конечно, под вексель из расчета не более трех процентов в месяц. Идет? По рукам, младший сын моего папаши? Хе-хе-хе!

Антон исподлобья свирепо смотрел на старшего брата. Наконец ответил:

— Ей-богу, вы странные люди! Я еще утром вам сказал: прапорщик Кязрик совсем другого мнения, чем вы. Пойдите к нему и заявите, что это я пырнул его вилкой, — он вас высмеет. Он ясно помнит, что я подполз к нему гораздо позднее.

— Он попросту вначале *не заметил тебя*, не заметил и все! — Пауль сочувственно улыбнулся.

— А тебе из-за дерева, где ты на четвереньках стоял, виднее было? — спросил Антон.

— Ну, *я же видел!* — бросил Пауль.

Антон встал с кровати, надел шлепанцы. Он чувствовал, как в нем закипает клокочущий гнев; ему казалось величайшей несправедливостью, что эти двое непременно хотят взвалить на него вину, заставить его мучиться. Если бы бедняга прапорщик во время нелепой свалки погиб, эти двое, наверно, заподозрили бы его, Антона, даже в убийстве! Он еле удержался, чтобы не дать оплеуху своему затянутому в мундир брату.

Сунув руку в карман, Антон нащупал шершавый черенок ножа и сказал:

— Вы, значит, разыскивали меня. Это прекрасно, что вы так заботитесь обо мне. Это *очень хорошо*, как говоришь ты и государь император Николай Второй. Не мог бы ты позвать его сюда?

— Кого? Кунца?

— Разумеется, не все милостивейшего монарха, а нашего дорогого Кунца.

Пауль звякнул шпорами и, приняв благородную осанку человека, готового прийти на помощь, вышел. Антон нервно привел себя в порядок, надел куртку — ему казалось, что в комнате прохладно. Потом подошел к окну. Всюду виднелись крыши и крыши, пло-

ские, скучные, печальные, словно лоскутья какого-то серого полотнища. Крыши окутывались туманом, капало с деревьев, с неба, с карнизов домов. Проковыляла к воротам старая Неро, подняла настороженную морду и, дрожа от холода, уставилась на улицу. Казалось, и у нее с жесткой как проволока и давно уже поседевшей шерсти каплями стекает влага. Шумело море, и непрерывный шелест падающих капель нагонял сон.

Антон уже снова сидел на кровати, когда с лестницы донеслись громкие шаги. В дверь постучали.

— Войдите! — отозвался Антон, быстро встал и подошел к окну. Когда дверь отворилась и в комнату вошла Клара в сопровождении двух приятелей, он криво усмехнулся. Но он все-таки был очень рад, что ему не придется выступать со своим обвинением наедине с Кунцем. Да, да, эти добровольные свидетели прямо-таки желанные гости!

Сделав театральный жест, он произнес:

— Прошу садиться, господа, кто куда сможет. Как видите, у меня имеются только твердые стулья.

— Ничего, дружок, не беда... Сердечно благодарим! — кротко ответил Кунц, вздохнул и скрестил руки на животе, точь-в-точь как богобоязненный дядюшка Керих.

— Конечно, чего тут рассиживаться! Мы ведь пришли, чтобы... — поддержал его Пауль.

— Благодарю! — поклонился Антон, безотчетно подражая не то двоюродному брату Аугусту, не то дяде Хансу.

Клара с невероятно серьезным видом подошла и положила свою узкую руку ему на плечо.

— Бедный, бедный мальчик... Ох, бедненький мальчик...

Молчание.

— Садитесь же, господа, садитесь! — повторил Антон.

— Да брось, мы сами — хотим сядем, хотим нет! Не нужно никакой излишней вежливости, не нужно! — Кунц потер руки и пригладил свои огненно-рыжие непослушные волосы.

— Конечно! К чему! Не надо, братец! — согласился с ним Пауль, тоже потирая ладонь о ладонь.

Девушка опять запричитала:

— Бедненький мальчик, бедный ты, бедный!

Тогда Антон, подняв с деланным любопытством брови, как это часто делал его острый на язык дядюшка-врач, спросил:

— Кого ты имеешь в виду, если не секрет?

— Как это — кого она имеет в виду? — буркнул Кунц и, сверкнув глазами, перестал потирать руки.

— О-го-го, ты делаешь вид, будто... — пробормотал Пауль, и глаза у него тоже блеснули.

— Ты ведь знаешь, Антон, миленький, знаешь, что... — прошептала Клара, пытаюсь заглянуть Антону прямо в душу взволнованно-сочувственным взглядом.

Однако Антон высокомерно усмехнулся и пожал плечами:

— Нет, извини, я действительно не знаю! И откуда мне знать? Как видно, тебя уже посвятили во всю эту историю, а значит, наверное, рассказали и о том, что в упомянутой операции принимали участие четыре человека: трое с нашей стороны и один — с неприятельской. И кто из этих четверых «бедненький мальчик», судить весьма трудно. Можно лишь предполагать, что это твой брат Кунц, так как именно он испытал, очевидно, самую страшную боль и поэтому убежал первым. А может статься, это мой братец Пауль? Очевидно, и ему было не менее больно и трудно: он тоже дал тягу с такой скоростью, какую только позволяли развить длинная сабля и хмельная голова. А может быть, и правда это я сам? Но со мной ничего плохого не произошло, ибо, как тебе, возможно, уже рассказали, я удалился последним вместе с побежденным противником, чтобы поджентльменски помочь ему добраться до лазарета.

Кунц, снова впадая в грустно-сочувственный тон, добавил:

— Да, так оно и было — он отвел несчастного слепого... то бишь окривевшего... в клинику. И это был с его стороны прекрасный поступок.

— Конечно, это было просто благородно, что и говорить! — поддакнул Пауль.

— Я сразу увидел, в чем дело, и кинулся со всех ног за извозчиком, — заявил Кунц. — Хотел еще

вызвать какого-нибудь врача. Но пока бегал, все уже ушли. Если рассуждать логично... то отправиться с больным человеком пешком было не очень-то разумно. Но все-таки, все-таки и это уже хорошо. Кто из нас мог бы в таких условиях еще и мыслить трезво!

— Безусловно, это хорошо, — убежденно поддакнул Пауль.

— А ты не боялся, что он тебя убьет, когда вы остались одни? — спросила Клара и вздрогнула от сладостного страха.

— Прежде всего я выхватил у него из рук топор, — сказал Антон.

— Топор? — вскричал Кунц.

— Да, топор, он носил его за поясом, по-видимому, хотел кому-то из нас отрубить голову.

— Гм... Вот ведь сволочь! — буркнул Пауль.

— А я-то еще сцепился с Кяэриком... перед тем как ты пырнул его, — сказал Кунц.

— И это известно, — продолжал Антон. — Но у прапорщика был не только топор. Кроме топора было... и еще кое-что другое!

— Не ерунди! Стыдись! — Пауль лишь сейчас сообразил, что младший брат издевается над ними.

— Дорогой друг, неужели ты еще способен шутить? — воскликнул Кунц, грустно покачав головой.

Клара надула было губки, но вся эта история очень интересовала ее, поэтому она решила не уходить. Вплотную подойдя к Антону, жадно заглянула ему в глаза и вдруг спросила шепотом:

— Зачем ты это сделал? Скажи!

— Я хотел заполучить его новехонькие сапоги. И все! — ответил Антон.

— Не трепись, слышишь! — крикнул Пауль.

— Как ты можешь так плоско шутить над такими вещами? — вздохнул Кунц. Он теперь походил больше на доброго пастора Паульсона, чем на дядю Кериха.

— Прошу прощения... У меня болит голова и я кое-что путаю, — произнес Антон.

— Неужели... на тебя... все это... так ужасно подействовало? — спросила Клара.

— Постарайся как-то пережить и забыть все это, братец! Тут уж ничего не поправишь. Перетерпи и забудь! — посоветовал Кунц. — Я знаю, вначале тяжело, но... Мы искали тебя, не нашли и подумали, что ты пошел его проведать. Скажи, ты был у него?

— Был, — кивнул Антон.

— А что он там делал? — спросила Клара, снова вздрогнув.

Антон с трудом сдерживал себя, голос у него срывался от злости.

— Что он делал? А что ему там делать? Съезжал по перилам на лестнице — р-раз! р-раз! И фонарь держал, чтобы лучше видеть единственным глазом. Доктора смотрели и хохотали, а сестры с санитарями плясали краковяк. Когда я уходил, петь начали... Вот и все. Больше он ничего не делал.

— Ух, ты! — Пауль побагровел от благородного негодования.

Покинув свое место у окна, Антон вышел на середину комнаты.

— Перестаньте скулить, болваны. Убирайтесь-ка лучше отсюда! И ты, Кунц, не думай, что тебе удалось замести следы, как лисе хвостом, а свою вину свалить на меня. Нет, к сожалению, не удалось!

— Извини, но ты и в самом деле рехнулся! — воскликнул Пауль и зашагал из угла в угол, чтобы шпоры звенели как можно громче. — Кунц, насколько мне известно, во всей этой истории ни при чем, так же как и я. Говори лучше о себе, чтобы мы могли обмозговать, как и чем тебе помочь.

— Кто? Я? Это я хотел хвостом следы замести? Это я, выходит, хочу свою вину свалить на тебя? — патетически воскликнул Кунц и несколько раз гулко ударил себя кулаком в грудь. — Какую вину я хотел на тебя взвалить, а? Ну-ка, скажи, чтобы все слышали!

Антон крикнул так, что у него самого заложило уши:

— И скажу: не думай меня одурачить своими фокусами! Не выйдет! Потерял свое оружие на поле битвы, а теперь оно тебе шею свернет! Слышишь, свинья, потерял оружие, а оно тебе шейку — р-раз и каюк. Понял — каюк! Будь любезен и покажи-ка

свой ножик! Тот самый — с тремя лезвиями и рукояткой из оленьего рога! Тот, на котором ты свои инициалы велел вырезать! Будь добр, покажи! Чистый он, этот нож, или на нем еще есть пятна крови? Чего ждешь — показывай!

— Выбирай слова... сатана! — прошипел Кунц и побледнел как полотно. В глазах у него уже не было Кериховой благодати, они зажглись злобными огоньками, а нижняя губа безобразно отвисла. Высокий ростом, он вдруг настороженно сжался и походил сейчас на молодого зверя, зашедшего врага. Однако Кунц все же сумел овладеть собой и спросил прежним сладким голосом, который никак не вязался с его угрожающим видом: — При чем тут мой нож? Что за чушь ты несешь, черт возьми! Какая кровь?.. Послушай, милый человек, ты... может быть... но...

Он запнулся и умолк, никого не убедив. Антон подошел к нему вплотную и, зло посмеиваясь, продолжал с издевкой:

— Кость в горло попала, а? Так вот слушай хорошенько и не падай в обморок. Доктора осмотрели рану. А ты знаешь, что это значит? А вот что: прапорщика пырнули не вилкой, а складным ножиком. Я даже свидетельство у них взял... черным по белому. Понятно? И не думай — я не позволю, чтоб меня обвинили понапрасну, в то время как ты будешь головкой кивать и ручки потирать... как прачка!

Антон говорил уверенно, вызывающе — он знал, что делает.

— Этот нож, Кунчик, у меня в кармане. Я его тоже показывал специалистам. На твоём знаменитом метательном оружии ясные следы крови на лезвии и черенке. И не думай, что я был один, когда нашел его в траве, — у меня было несколько свидетелей. И специалисты говорят, что удар нанесен именно этим предметом. Ты это знал и все же пытался обвинить меня. Свинья! Убирайтесь отсюда... все! Все вы... подлые, бессовестные люди!

Антон, весь красный, затопал ногами. Кунц не нашелся что ответить: нижняя губа его все еще беспомощно отвисала, ноздри длинного и толстого носа

раздувались, словно он задыхался. Видимо, он хотел что-то сказать, что-то объяснить, но вместо этого только разевал рот и долго не мог вымолвить ни слова. Ясно слышалось его прерывистое дыхание — так пыхтит малосильный паровозик, когда ему невмочь тащить слишком большой состав. В довершение всего Антон отвесил ему звонкую пощечину, пихнул ногой и заорал:

— Убирайся, сволочь! Собака! Такого свинства я от тебя не ожидал! Но какого черта ты раньше меня не сходил туда и не искал? Смотри!

С этими словами он вытащил найденный утром ножик из оленьего рога и, держа его на ладони, стал переворачивать, как блин на сковороде, чтобы показать своего немого свидетеля и другим присутствующим.

— О боже, Кунц! — едва слышно сказала Клара и прижала кулак к губам.

— Черт побери, тут сплошная неразбериха! — Пауль беспомощно поднял плечи и развел руками. Он уже не знал теперь, кого утешать, кого упрекать.

Вдруг Кунц прыгнул чуть ли не через всю комнату и ударил Антона головой в грудь, чтобы сбить его с ног. Он рычал как пес, оскалив длинные белые зубы, пряди жирно поблескивающих волос свесились ему на лоб. Он размахивал своими сильными руками, как цепями, бил и слева и справа, стараясь поймать кулак Антона, в котором тот молниеносно зажал нож. Кунц совершенно потерял способность трезво соображать и не понимал даже, что выдает себя с головой.

Пауль, в котором теперь тоже проснулся воинственный пыл, кинулся на помощь брату. Кунц почувствовал, как пальцы Пауля вцепились ему в затылок, и с бранью повернулся, чтобы освободиться от объятий противника. Тем временем Антон, быстро оправившись от неожиданного нападения, принялся изо всей силы бить двоюродного братца прямо по лицу; Клара, с глазами, горящими от возбуждения и страха, визжа и вопя, скакала вокруг дерущихся. Но так как схватка становилась все неистовей, Клара выскользнула в коридор и принялась наблюдать за рукопашной через приоткрытую дверь.

Кунц защищался от двух противников, как молодой лев. Ему расквасили нос, кровь брызгала вокруг, точно из шланга, но он все-таки раздавал удары направо и налево.

Изящная английская трубка Пауля уже в начале драки оказалась сломанной пополам, у прапорщика в зубах остался лишь кусочек мундштука.

Антон бил противника методично и точно, как машина, хотя у него было разодрано ухо, лицо покрыто пятнами и дышал он часто-часто.

Опрокинутые стулья, попадая под ноги дерущимся, отлетали в стороны, самые ветхие разлетались в щепки. Какой-то круглый предмет угодил в окно и ударился о среднюю раму, так что со звоном вылетели сразу шесть стекол. В комнату ворвался влажный ветер, разметал оконные занавеси и чуть охладил пылкие боевые страсти сражающихся.

Отец и мать, услышав шум, взбежали по лестнице с испуганными возгласами:

— Что тут такое? Что такое?

— Ничего... ничего... они просто возятся! — ответила Клара, стараясь одним глазом заглянуть в дверь.

— Мальчишки да и только! — пробурчал господин Юстус и снова спустился на первый этаж. — Возятся! Весь дом ходуном ходит от ихней возни!

— Я же говорила... — произнесла госпожа Эмилия.

— Молчать! — прикрикнул на нее Юстус. И они оба, ленивые и грузные, снова удалились продолжать прерванную перебранку.

Противники, тяжело дыша, приводили себя в порядок. Кунц, багровый, как раскаленный кусок железа, и сильно потрепанный, всхрапывал, точно лошадь. Антон проворно сунул нож в ящик стола и запер на ключ. Пауль с отборными ругательствами искал обломки своей трубки.

— Какая ты все-таки свинья! — сказал он Кунцу. — По-твоему, мой брат — козел отпущения, за его спиной ты, значит, можешь спокойненько выкидывать свои бандитские штучки. *Настоящий сукин сын, ничего не скажешь!*

— Но он все же слишком глуп, чтобы водить кого-

либо за нос, — добавил Антон и пошел к умывальнику помыться.

Пауль никак не мог успокоиться.

— Тебя, Кунц, надо за это посадить, вот что! — ворчал он. — И посадят когда-нибудь, жулик этакий!

Кунц, оправляя свою порядком изодранную гимназическую куртку, произнес угрожающе, с внезапно вскипевшей злобой:

— Я вам еще покажу! Вы еще у меня наплачетесь! До самой смерти не забуду, что вы... со мной сделали.

— Вот как! Я же, стало быть, и виноват, что не попался на удочку! — язвительно засмеялся Антон.

Пауль ушел, чуть погода — Кунц. Стоявшая у лестницы Клара хотела было юркнуть в комнату, но Антон перед самым носом у нее закрыл дверь и резко сказал:

— Пожалуйста, не заходи. Я пойду спать.

А потом чутко прислушивался, как шаги девушки обиженно протопали вниз по лестнице и заглохли в глубине притихшего дома.

Глава седьмая

ИСПОВЕДЬ ГРЕШНИЦЫ

Доктор Кубелик уже закончил прием больных, когда в приемную вошел еще один поздний посетитель — высокий бородатый солдат, черноглазый и очень загорелый. Солдат, щелкнув каблуками, приветствовал доктора, стоявшего в дверях кабинета, мельком взглянул на его офицерские брюки и сообщил, что у его сестры начались роды. Он, по-видимому, хотел произвести впечатление мрачного и враждебно настроенного человека, но был для этого слишком взволнован, испуган и все время смущенно отводил взгляд, как будто невольно в чем-то извиняясь.

Пока доктор Кубелик снимал халат и готовил чемоданчик с инструментами, поздний гость, опустив голову, тяжело и безмолвно сутулился у порога. Ему явно хотелось о чем-то спросить, что-то узнать, но он не проронил ни слова и дрожащими руками помог доктору Кубелику надеть шинель. Затем они чуть ли не бегом понеслись по улицам — широкоплечий фронтовик и сухопарый военный врач. Они шагали, слегка пригнувшись от быстрой ходьбы, полы их шинелей развевались по ветру, похожие на мокрые крылья.

Поднявшись по лестнице, доктор повесил шинель на вешалку и сразу подошел к женщине, снова боровшейся с сильными приступами боли. Ее схватывало через каждые две-три минуты. Она выгибалась в дугу, корчилась, судорожно сжимала одеяло, словно ища у него поддержки. Зубы громко стучали, а из груди порою вырывались такие неистовые стоны, что их наверняка слышал и брат, который бродил где-то по темной улице под мерно накрапывавшим дождем. На доктора смотрели, временами

закатываясь от боли, огромные, залитые страхом глаза. Когда схватка чуть отпустила, женщина пожала протянутую руку доктора и прошептала:

— Спасибо, что пришли... Я верю в вас, как в господа бога. Нет, нет... сильнее, чем в бога. Если я... еще не обречена на смерть, то вы, конечно, поможете мне... Правда? А если... это уже конец, то спасибо, что... не покинули меня в этот час.

— Перестаньте, пожалуйста! Это глупо — твердить о каком-то смертном часе! — твердо сказал доктор Кубелик.

Женщина, изо всех сил сдерживая слезы, еле слышно продолжала:

— Не сердитесь, прошу вас. Но я так уверена, что мне... не пережить...

— Какой вы вздор несете! — с упреком ответил доктор Кубелик и приступил к своим обязанностям. Он вынул из саквояжа свежий халат, надел его и занялся тщательным осмотром больной. Определив, что ребенок находится еще на прежнем месте, он с помощью бабки, которая до тех пор боязливо жалась в сторонке, уложил больную на сухие простыни, велел согреть воду, пододвинул к кровати два стула и разложил на них все необходимое. Он зорко следил за схватками, за их силой и продолжительностью, решив про себя, что организм роженицы справится со своей задачей. Но почему-то на душе у доктора становилось все тяжелей.

Когда приступ боли миновал, больная сказала соседке, собиравшейся уходить:

— Ладно, иди... большое спасибо тебе...

— Стало быть, я больше не нужна? — спросила бабка у врача. Острым своим носом старуха почуяла тут нечто захватывающе интересное и уже пожалела, что заговорила об уходе.

— Пока нет, — ответил доктор Кубелик. Он давно уже заметил, что больная хочет о чем-то с ним поговорить. — Но не уходите из дому, возможно, позднее вы мне понадобится.

— Хорошо, хорошо, — закивала бабка и незаметно скрылась, будто растаяла в воздухе.

Вслед за двумя почти воедино слившимися схватками последовала длинная пауза.

И когда больная осталась наедине с доктором, когда бабкины шаги удалились и даже ветер немного утих, Эва вдруг разрыдалась и заговорила, изливая в потоке слов свое отчаяние:

— Вы видите, как это бывает на свете! За все, за все человек должен расплачиваться. Я согрешила и теперь мне приходится расплачиваться за грех. Если, может быть, и не жизнью, то этими страшными муками. Боже мой, у меня нет больше сил. Да, да, я знаю, теперь все это не так... как обычно бывало. Я троих родила, и мне ли... не помнить! Знаете, этот... нынешний... гораздо сильнее. Он такой сильный, мне так трудно... я не выдержу. — Пауза. — Все нужно искупить, — продолжала Эва, глотая слезы. — И это естественно. Я искала радости, веселья и... удовольствий и нашла их... а теперь должна расплачиваться. Мой брат прав... бог накажет меня! Я опозорила мужа и всех своих родственников, и господь накажет меня за это вдесятеро! — Пауза. — Пээтер грозился застрелить меня. — Тут Эва беспомощно, по-детски улыбнулась сквозь слезы. — Пусть бы он это сделал, я умерла бы с радостью. Смерть от пули была бы легче, чем... такая смерть... Но Пээтер сказал, что не хочет об меня руки марать... Где он, мой брат Пээтер?

— Успокойтесь, он на улице, тут же у дома, — ответил доктор Кубелик.

— Да, он грозился застрелить меня... Он сказал, что моему мужу будет легче потерять меня так, чем узнать обо мне все... Я сама это понимаю, это верно. Я... не хочу, чтобы он меня еще раз увидел. Нет, нет, ни за что! Я такая мерзкая, я как свинья, которая валяется... в собственной грязи... Ой, ой, как больно! Миленький доктор... господин доктор... помогите мне!

Она снова скорчилась, затряслась, облилась потом. Ей стоило огромных усилий не завывать во весь голос. По щекам катились на простыню крупные горячие слезы.

Дождик стучал по стеклам, ветер, словно исполинская птица, бил в стены своими широкими крыльями. Дети сновали по лестнице, топали, гулко хлопали дверьми. Стараясь успокоить бедную стра-

далицу, доктор нежно погладил ее по мокрому лбу и, называя ее на «ты», как близкого друга, сказал:

— Разумеется, я помогу тебе! А ты не мучай себя бог весть какими нелепыми мыслями и напрасными страхами. Сейчас у тебя лишь одна задача: родить! Все остальное оставь на потом, все остальное не к спеху, сейчас оно только отнимет у тебя силы. Постарайся последовать моему совету!

— Попытаюсь, — бессильно промолвила женщина.

— Скоро все останется позади, — продолжал доктор Кубелик, ободряя женщину, — тогда сможешь отдохнуть, тогда говори со мной о чем угодно.

— Да... скоро... все это пройдет... Все равно как, только бы прошло... — В глазах Эвы, больших и тревожных, мелькнул ужас, как у загнанного зверя. Она снова заговорила жалобно:

— Я не сдержала своих желаний... Теперь дошло до того, что нет у меня... нет пути назад. Прошло время, когда можно было назад воротиться — теперь только иди, иди дальше... Может, и на панель пойти придется! Ведь если я и не помру нынче, так ведь такую, как я, муж и дня у себя не оставит... Куда же мне податься — старой бабе с четырьмя детьми? Кто... кто захочет меня взять?... Отец ли, братья ли... все прогонят... как собаку. И разве попрекнешь их за это? Я ведь на самом деле грязная тварь! Господи, ты справедлив, честным ты воздаешь почетом, а бесстыжим — стыдом. Я опозорила себя и ты воздаешь мне позором... Даже в смертный час не миновать мне позора. Я и молиться не смею... потому что погрязла в грехе... Мои молитвы только рассердят тебя, и ты заставишь меня страдать еще сильнее... Но я не вынесу этого... Мне бы вытерпеть хоть ту боль, что раздирает меня сейчас... Господи, помилуй, пощади... А-а-а! Помогите, доктор... помогите!

— Соберись с силами, я помогу тебе! — У доктора Кубелика невольно дрогнули губы, ему самому было тяжело. Поглаживая горячую руку женщины, он тихо добавил:

— Только соберись с силами, скоро все это пройдет, я помогу! И помни, со всяким страданием на свете дело обстоит так — если распустить себя, поддаться ему, оно измучит тебя гораздо сильнее, чем если ты будешь твердо противостоять ему.

— Я умру... теперь уже скоро... скоро... — упрямо твердила Эва.

— Глупости. Выкинь эту чепуху из головы! — Доктор Кубелик уже не просил, а приказывал. — Ничего с тобой не случится, ты не умрешь, а будешь отдыхать, как обычно после тяжелой работы.

Молчание.

— Нет, нет, мне от смерти не уйти! — с отчаяньем в голосе снова начала женщина, как будто надеясь найти облегчение в неудержимом потоке слов. — Я заслужила смерть и должна умереть! Господи, я знаю справедливость твою, знаю, что горе мое — мне по заслугам. Ведь я распутница, я изменяла мужу не с одним, а с многими... многими. Два месяца лишь прошло, как он уехал, а я изменила... А в последний год я совсем без удержу изменяла... Ой... ой... больно! Грех мой... жжет меня... страшный огонь во мне! Если бы Пээтер хоть немножко по-братски любил меня, он... он... мог бы застрелить меня! Ох, господин доктор... милый доктор... ведь правда, это так?

— Нет, совсем не так! — возразил Кубелик и продолжал почти умоляюще: — Будь умницей, не мучь себя такими ребяческими обвинениями. Те силы, которые ты тратишь на слова, сейчас необходимы для другого. Лежи совсем спокойно и постарайся мужественно помочь самой себе.

Однако женщина продолжала быстро и возбужденно, словно только для того, чтобы унижить себя и хоть в этом найти какую-то опору:

— Все мы, женщины, сейчас как помешанные. Нас только помани пальцем, и мы готовы уступить каждому случайному мужчине только ради удовольствия. Когда такие суки, как я, говорят, будто продают себя за кусок хлеба, чтобы как-то жить и кормить детей, это ложь. Конечно, многие вынуждены поступать так из-за нужды, но большинство вообще не думает ни о хлебе, ни о житье... а только об удо-

вольствию. Что знаю, то знаю! Но я и сама, по примеру этих настоящих горемык, говорила, что меня гонит нужда, голод. Если бы я рассказала вам все о себе, вы поняли бы меня... Боже, о боже... прости меня и пошли мне скорую смерть! Ой, какой долгой была эта схватка... Или мне показалось, что она такая долгая? Видите, господин доктор, у меня все началось с тоски по мужу. Да, сперва я тосковала по своему мужу... верьте мне! Я так хотела, чтобы он был рядом и... обнимал меня. В ту пору ночи стояли такие ясные и теплые... Ведь была ранняя осень... осень только начиналась... и мне так хотелось его ласки. Вы человек ученый и понимаете, как нам, замужним женщинам, это необходимо. Как вода или хлеб... Мы хотим нежности, хотим, чтобы кто-то любил нас. Я во сне сколько раз видела, что мой муж со мной, что его руки касаются меня и я отдаюсь ему... как всегда отдавалась... всем телом, всей душой. Так бывало во сне... и... это только возбуждало меня. Ведь во сне всегда так — кажется, есть у тебя что-то, а проснешься, — нет ничего. Господи, господи, неужели опять начинается! Ой, ой, снова... Я больше не вы-ы-ы-несу... ой, снова...

— Потерпи, скоро твои испытания кончатся! — машинально сказал доктор Кубелик. Когда больная чуть поуспокоилась, он еще раз осмотрел ее и убедился, что роды затягиваются. Роженица беспрестанно и громко стонала, а иногда стоны переходили в визг. Время тянулось медленно, на улице густели сумерки. Зачастил дождик, серый, бесконечный, и казалось, что ненастье окутало собою весь мир, что оно набухало и ширилось, как нарыв, проникший глубоко в ткани.

Бабка, которая была при больной до прихода доктора Кубелика, увела к себе детей, галдевших на лестнице. На некоторое время схватки прекратились; близилась ночь, не сулившая спасительного исхода. Рослый солдат на цыпочках вошел в соседнюю комнату, с него стекала дождевая вода. Он повздыхал и снова спустился на улицу. Задремавшая было женщина опять открыла глаза, посмотрела на лампу с

зеленым абажуром и произнесла тихо, утомленная недавними схватками:

— Вот видите... отец небесный и впрямь наслал на меня проклятье.

— Ничего, в конце концов справишься, — просто сказал доктор Кубелик.

Но тут женщина вновь заговорила, словно лишь минуту назад перестала разматывать клубок своих мыслей:

— Толкуют, что мы, солдатки, изменяем ушедшим на войну мужьям только из-за нужды. Все это... чепуха. Такими речами мы лишь сами хотим оправдаться, чтобы легче было избавиться от стыда и угрызений совести. Я смело могу говорить об этом, потому что сама изолгалась и теперь наконец должна сказать правду. До чего же мне хочется... открыть вам всю свою душу. Только вам, потому что никто другой... даже пастор... не настолько мне близок, чтобы я могла ему открыть свои сокровенные тайны. И не потому... что эти тайны для меня святы, нет, напротив, потому что они чересчур грязные! Я очень грешна... очень... Я уже говорила о том, как тосковала по объятиям мужа и во сне жила с ним. Но время шло, он все не возвращался, и я начала представлять себя в объятиях... других мужчин. Заберусь под одеяло, дети спят, а я горю вся... Утром встану, а жжет меня по-прежнему. Так это и началось. Я не хочу... не хочу ничего больше скрывать... Да, я действительно ни разу не продавалась ради хлеба или чего другого. Правда, я не отвергала того, что мне приносили мужчины, и их помощь нередко выручала меня... Но так же, как я вышла замуж не ради красивых платьев, не ради вкусной еды и сластей, так и теперь я отдавалась не за все это... а потому лишь, что сама хотела... потому что не могла... без этого. Доктор, понимаете ли вы меня?

— Понимаю, понимаю! — Зорким неподвижным взглядом доктор смотрел в лихорадочно горящие глаза исповедывавшейся ему женщины. И снова возникла у него мысль о том, что все это — тоже война, да, и это — война, проклятый кошмар, от которого

загнивает мир словно от промозглого октябрьского ветра. Доктору от всей души хотелось помочь грешной женщине, которая так искренне обличала себя и как бы срывала со всей эпохи ее ложный покров. И вдруг его болезненно потянуло махнуть на все рукой, уйти все равно куда, лишь бы ничего не видеть, ничего не слышать! Однако вместо всего этого доктор Кубелик лишь вытер лоб и добавил:

— Конечно, понимаю. Все мы только люди, со всеми нашими недостатками.

— Все — люди... а только это ровно ничего не значит. Никто меня не помилует, ни бог, ни свои родные, — шептала Эва. — Я уже наказана... вы можете пытаться мне помочь всеми своими знаниями, а все-таки я наверняка умру... Сейчас мне очень хорошо... господь на время сжалился надо мной, чтобы после еще больше терзать мое тело. Так... и должно быть! Если со мной разом покончить — это еще не наказание. Я б умерла и мне было бы хорошо... и моя подлая плоть... умолкла бы. Я не испытывала бы ни телесной боли, ни стыда... за свои мерзкие поступки. А вы, доктор, вы верите, что я и сейчас... люблю своего мужа... хотя обманывала его, как последняя девка?

— Верю. Да, я верю, — убежденно сказал доктор Кубелик.

Молчание.

— Неужели, правда... вы верите? — повторила Эва и попыталась улыбнуться.

— Верю! — подтвердил доктор Кубелик.

Молчание.

— Несмотря на все, что я вам... сейчас сказала?... — спросила Эва.

— Несмотря и на это! — сказал врач.

Эва быстро погладила сухую руку доктора Кубелика. В ее больших испуганных глазах еще таилась пережитая мука, на прямом носу поблескивали крошечные капельки пота, щеки казались впалыми. Она дышала глубоко и прерывисто, время от времени облизывая пересохшие губы. Потом она уснула. Часы в соседней комнате отсчитали восемь ударов, потом девять, десять, одиннадцать. Тянулось время, шел дождь.

Доктор Кубелик, сидевший на стуле, шевельнулся. Он хотел было выйти на улицу и сказать мокнущему там солдату, чтобы тот пришел погреться. Но не вмоготу оказалось встать, и доктор продолжал сидеть по-прежнему. Вскоре и он задремал, однако ненадолго. Его разбудил долгий звонкий вопль, заставивший испуганно вскочить с места. Роды начались снова.

В промежутке между двумя схватками Кубелик сбегал вниз и послал солдата, дрожащего от холода и страха, за своим коллегой.

Глава восьмая

ДВОЕ В ОСЕННЕЙ НОЧИ

Когда доктор Кубелик вернулся, женщина все еще кричала. Она больше не говорила, все происходившее вокруг уже не касалось ее сознания. Слишком велика была ее мука, чтобы она могла замечать, как хлопочет над нею старый поседевший врач, которому очень хотелось ей помочь. Время шло, наступила полночь, а женский крик продолжал так же отчаянно раздирать тишину.

Доктор Набер прибыл вместе с акушеркой, быстро осмотрел больную и заключил, что все идет нормально, но пациентка почему-то чересчур чувствительна. Отпущенный на побывку фронтовик по-прежнему бродил где-то неподалеку в сырой темноте, царившей на улице; временами снизу доносились его гневные, медленные шаги. Тикали часы, и звук этот в комнате, где было столько бесконечного страдания, казался слишком веселым и равнодушным. Доктор Кубелик, у которого до сих пор никогда не отказывали нервы, вдруг почувствовал настоятельную потребность глотнуть свежего воздуха. Если не подышит — свалится, а если и этого не позволят, не сможет больше выполнять обязанности врача. И он произнес глухим, усталым голосом, глядя пустым взглядом куда-то в сторону, словно стыдясь перед коллегой, что оказался таким нестойким:

— Пойду выкурю папиросу. Если понадобится, пришлите за мной. Я буду на тротуаре, здесь же, перед домом...

— Идите, конечно, идите, мы сами управимся, — дружески ответил доктор Набер.

Доктор Кубелик надел шинель, тихо открыл дверь и спустился на улицу, в густой мрак. Нигде не светилось ни огонька, тяжело высились немые дома,

словно утесистые громады. Вихри, налетавшие то с одной, то с другой стороны, гремя кровлями и буйствуя на уличных перекрестках, казалось, неслись в какой-то потрясающей пустоте, и тучи над головой временами будто тихо колыхались. Под ногами хлюпали лужи, тонкая кожа сапог скоро пропиталась водой. Дождик шелестел на мостовой. Мерный и частый осенний дождик без умолку шелестел и шелестел. И зияли чернотой оконные стекла... и на улицы опустился плотный туман, и потянуло тем тлетворным запахом вошедшей в силу осени, который можно ощутить в крошечной тьме ненастных ночей, в пожелтевших, насыщенных влагой полях и уже опустошенных садах.

У доктора Кубелика разболелось сердце — черт возьми, неужели эта жадная до жизни и наслаждения истеричная женщина заразила и его своим страхом смерти, его — старого, опытного, ко всему привыкшего врача, который видывал куда более безнадежные казусы, чем сегодняшние роды? В висках стучали быстрые молоточки — тук-тук-тук! Неожиданно им овладела нервная зевота, а по усталому телу беспрестанно пробегала холодная дрожь.

Стоя под выступом крыши, у мокрой стены, он выкурил папиросу, взял тотчас другую, выкурил быстро и эту. Он напряженно прислушивался — где-то во мраке стоял и ждал другой бедолага, рослый фронтовик, который нервничал, наверно, больше его самого. И еще доктора раздражали наплывающие отовсюду запахи поздней осени; туман пахнул морскими водорослями, дома — убогой человеческой жизнью, ночь — неизбежной гибелью всего живого; а тускло освещенное окно на втором этаже, казалось, пахло чем-то совсем иным, от него веяло новой, молодой, возникающей жизнью.

Невыносимо тянулось время, наверху по-прежнему страдала женщина. Часы на церковной башне пробили два. На доктора накатывала дрема, и ему пришло в голову, что стоит лишь присесть на тротуар и опереться спиной о стену, как он крепко заснет. Там — небо, там, говорят, пребывает бог, а здесь — земля, которая плачет о страданиях своих детей... думалось ему. Эй, ты, старец-исполин, про-

снись и стряхни мох со своих век! Проснись и прояви свое могущество: покончи с невзгодами, которые гнетут нас, покончи со страданиями, в которых мы томимся! Я говорил тебе, что ты бессилен, — докажи обратное... прошу тебя. Если же ты этого не сделаешь, то я и сегодня скажу тебе: ты не спишь, ты не дремлешь, ты не бредишь, ты даже не безжалостен — тебя вообще нет. Ты только абстракция, понятие, безучастное ко всему! Холодно, холодно, о, как холодно! Гремят орудия, и ружейная пальба полощет мир словно длинными бичами... и люди захлебываются в собственной крови. Покажи свою мощь, исполин, да, проделай хоть крошечный опыт, чтобы я мог снова поверить в тебя, как верил, когда был малым ребенком и боялся темноты! Избавилась ли от мучений грешная женщина? Прекрати ее страдания, молю тебя! Или ты не в силах? Может быть, я и доктор Набер, мой коллега, все-таки сильнее тебя? Весною льют дожди, дуют ветры и все зеленеет, потому что это сама жизнь, которая приходит вместе с дождем и ветром. Осенью тоже идут дожди и тоже дуют ветры, но все гибнет и распадается, потому что это сама смерть, наступающая вместе с ненастьем и ветрами. Осенний ветер — ветер тления, ветер смерти! Кто же истлевает, кому суждено умереть? Бог? Вера? Добро и нравственность? Все, все истлевает. Весь мир, все человечество... как трупы в братских могилах на фронте... Кончились ли роды? — вслух спросил доктор Кубелик. — Это уже третья папироса, — сказал он себе. — Осенний ветер, смертный ветер, тлетворный ветер! Тишина. Мрак. Дождь. Дождь. Как? Прошу повторить! Тишина. Мрак. Дождь. Дождь! — действительно повторил вслух доктор Кубелик. Всей тяжестью он оперся о стену, склонил было голову, кинул папиросу, но тотчас же очнулся. Он прислушался, попытался разглядеть что-нибудь в темноте и подумал, что пора возвращаться, хотя знал, что доктор Набер и толстая акушерка обойдутся и без его помощи. Его так сильно трясло от озноба, что он невольно громко стучал зубами, несмотря на все попытки удержаться.

Доктор Кубелик уже собрался войти в подъезд и нащупывал в темноте входную дверь, когда увидел,

что среди ночного мрака мелькает еле видная искорка. Он значительно уверенней зашагал по лужам навстречу этому беспокойному огоньку. Вскоре глаза различили высокую, неподвижную, словно высеченную из камня фигуру, которая, казалось, вросла в землю. Тронув солдата за плечо, он тихо сказал:

— Поберегитесь! Не простудиться бы вам сегодня!

— Это вы, господин доктор? — медленно, как бы задумавшись, произнес солдат. — Тоже пришли вниз? Ну, как с ней? Уже все в порядке?

— Нет еще, нет еще, — ответил доктор. — Мой коллега помогает ей. Я вышел подышать свежим воздухом и покурить... как и вы.

— Да, нынче вам трудно приходится, — ответил солдат, и впервые за весь сегодняшний вечер в его словах не почувствовалось враждебности.

Доктор Кубелик попытался засмеяться, чтобы солдат не слышал, как стучат у него зубы. Но это не совсем удалось. Жуя мундштук папиросы, он сказал:

— Мне-то ничего, а вот вам приходится все время точно... на часах стоять.

— Я к такому стоянию давно привычен. Это сейчас вся моя жизнь, — мрачно добавил солдат.

Сильно сжав руку фронтовика, доктор Кубелик продолжал:

— Да, разумеется... Я вот что хотел сказать вам, молодой человек: не обижайте свою сестру. Весь мир ныне взбесился — почему же вы требуете благоразумия от отдельных людей, причем, может быть, от самых слабых. И кроме того, она умышленно изображает себя гораздо порочнее, чем в действительности есть. А то, что в самом деле было, надо зачеркнуть. Кончится когда-нибудь эта безумная война, и тогда пусть жизнь людей как бы начнется с начала. Так мне думается, молодой человек, а я, по-моему, видел в мире гораздо больше и хорошего и плохого, чем даже вы, хотя вам довелось хлебнуть горя больше, чем мне.

Молчание.

Солдат курил, не торопясь, дыша очень спокойно и ровно. Прошло порядочно времени, пока он ответил:

— Весь мир сошел с ума — в этом вы правы. Другой вопрос — кто в этом виноват и кому это выгодно. Но все-таки страшно подумать, что и в нашей семье завелась плесень. — Пауза. — Я знаю сестру лучше, чем вы, — задумчиво продолжал солдат. — Она была порядочным, заботливым и работающим человеком. У нее была своя семья, которую она любила, у нее были дети, муж, которого она должна была дожидаться. А что будет теперь, скажите? — И снова пауза. — Бывая в городе, я всегда заходил к ним — к сестре и зятю. Они напоминали молодоженов в первую неделю после свадьбы, а ведь их старшей дочке скоро исполнится восемь лет. Они всегда говорили мне, что копят деньги, чтобы дать детям образование, помогать им в жизни. А сейчас? Все это распалось, остались одни развалины, одни обломки.

— Сейчас в душе у очень многих людей полнейший развал, — сказал доктор Кубелик. — И так повсюду в мире, повсюду! Мне не верится, что где-то жизнь идет по-другому. Пожалуйста, возьмите еще папиросу. Вы заметили, что сейчас можно жить только лишь с помощью табака... Не будь табака, многие из нас растеряли бы последние лоскутья нервов... Проклятый ветер — гасит и гасит спички. Да, вы в этом деле половчее меня. Спасибо! И как же вы думаете, молодой человек, если мы каждый раз при виде таких развалин будем заламывать руки, буйствовать и плакать — что станется тогда с нами самими и с нашими потомками? Да, что из них получится?

Солдат молчал, пуская в темноту большие клубы табачного дыма. Переминаясь с ноги на ногу, он по-прежнему не двигался с места. Казалось, он судорожно пытался сформулировать какую-то мучившую его мысль. Наконец, повернувшись к доктору и дыша ему в лицо какой-то горечью, напоминавшей дыхание хищного зверя, он сказал:

— Вы, наверное, видели скот, который гонят из деревни в город на бойню, чтобы кормить нас его мясом. А мы, люди, убиваем друг друга лишь... ради убийства. Коровы, которых растили как молочную скотину, терпеливо ждут где-нибудь за кустами, чтобы затем, топча еще дымящуюся требуху своих

сородичей, поодиночке зашагать под топор. А мы чем лучше? Сидим уже пятнадцать месяцев в тесных, низких окопах... в дерьме и вшах... мы разве не так же безучастны, как та скотина? Да, разве мы можем сказать, что мы разумнее тех животных, о которых я говорил? Видел я пленных — и немцев, и австрийцев — такие же несчастные люди, как и я, и мои товарищи. Такие же усталые, отупевшие, обоживевшие, как мы... Такие же одичавшие, как мы... И воевать им хочется ничуть не больше, чем нам. А все-таки воюем. Они убивают нас, мы — их, и, наверно, их собственные тыловики точно так же шныряют по их семьям, как... как наши тыловые герои — по нашим семьям. Ну посудите, разве мы не жалкое стадо, у которого силы хватило бы на многое, а оно шагает под топор немо и безропотно. Тьфу! Гнусно!

— Мн-да-а, — протянул доктор Кубелик, не зная что ответить: у него уже давно являлись такие же мысли.

Солдат наклонился еще ближе к нему и крикнул сквозь шум ветра, налетевшего из-за угла темной улицы:

— Что? Вы что-то сказали?

— Нет, я ничего не сказал, — прокричал доктор в ответ.

Молчание.

Когда ветер немного утих, солдат снова заговорил:

— Те муки и лишения, которые мы там переживаем, ужасны. Мы не люди, мы даже не скоты, мы какие-то чудовища, которые вообще не должны ничего соображать. Нам говорят — идите и убивайте! Мы идем и убиваем. Нам говорят — жгите, и мы сжигаем. Нам говорят: заберите такого-то и такого-то из ваших товарищей, поставьте к стенке и расстреляйте! Ставим и расстреливаем. Мы беспрекословно выполняем приказы унтер-офицеров, те беспрекословно слушаются ротного, ротные беспрекословно выполняют приказы командиров батальонов, и так далее, и так далее. Все беспрекословно... подчиняются приказу... даже, наверно, цари...

— Мн-да-а, — пробормотал доктор Кубелик.

— Вы что-то сказали? — спросил солдат.

— Нет, я ничего не говорил, — отозвался доктор Кубелик.

Снова молчание.

И солдат опять заговорил — монотонно, неторопливо, почти тягуче; его голос действовал так же усыпляюще, как непрерывный шелест дождя.

— Нас было четверо братьев. Когда началась война, трое сразу попали на фронт, двое на германский, а я — в Австрию. Один уже замолчал навеки, гниет бог знает где в Сувалкских болотах. Сам я сейчас в отпуске, скоро пора возвращаться. Вернусь ли оттуда живым — это вопрос. Третьего из нас, младшего, смерть тоже пока миновала. Но эта странная жеребьевка тянется слишком долго, жребий может выпасть сегодня одному, завтра другому, послезавтра третьему. А если бог даст таких дней еще немало, то этих жребиев на всех нас хватит. Я человек простой и не знаю, что и как можно изменить, но я уже не раз думал — все же правы те, кто говорит: надо нам, в конце концов, повернуть винтовки в другую сторону и разойтись по домам, мы к себе, а немцы и австрийцы к себе. И не поздоровится тем, кто тогда посмеет нам помешать. Рабочую скотину и ту нельзя чересчур долго мучить да гонять. И, знаете, не я один так думаю, а большинство из нас, пушечного мяса...

— Мн-да, — протянул доктор Кубелик.

— Вы, кажется, опять ничего не сказали? — спросил солдат с внезапно вспыхнувшей еще более резкой враждебностью.

— Да, я не сказал ничего, — кивнул доктор.

В этот момент во мраке чуть замаячило какое-то светлое пятно, оно приближалось, будто не касаясь земли, а рея в туманном воздухе. Акушерка! Она подбежала, оступаясь в лужи, не обращая на это внимания, и громко и радостно сообщила, что ребенок уже родился.

— Мальчик! Отличный, здоровенький!

И она тотчас засеменила обратно, так как шел дождь и ей не хотелось мочить свой белый халат. К доктору Кубелику сразу вернулись его спокойствие и деловитость.

— Ну, теперь и мы оба скоро сможем войти. Пока

они там моют и убирают, побеседуем еще немного. Не хотите ли папиросу?

— Вот как, значит... — неожиданно протянул солдат.

— Да, значит, мальчик, — сказал доктор Кубелик, и в темноте послышался его тихий и добрый смех. Все еще вздрагивая от ночной сырости, он добавил: — Между прочим, ваша сестра на своем примере еще раз доказала, что нет никакого рока и предчувствий. Она сильно боялась, что не перенесет этих родов и умрет. Ну, а теперь это сложное дело — рождение человека — уже позади, и жизнь пойдет своим чередом.

— Так, так, значит... — пробормотал солдат и опять не смог продолжать.

— Да, мальчишка и, по словам акушерки, вы сами ведь слышали, — здоровенький! — повторил доктор Кубелик.

— Приблудыш! Первый приблудыш в нашей семье! — вдруг резким, словно скрипучим голосом заорал солдат и с такой силой швырнул папиросу о стену, что красные искры разлетелись во все стороны.

— Замолчите! — тоже вскипел доктор Кубелик.

— Приблудыш! — повторил солдат и сразу двинулся куда-то большими шагами, которые злобно затопали в тишине ночи.

Доктор Кубелик вслед ему пригрозил:

— Нечего тут разоряться! Мы вас тотчас же вытурим, попробуйте только... распустить язык. Слышите? Эй! Слышите, болван? Я вообще запрещаю вам ходить к сестре... А если вы там дадите волю языку, я... прикончу вас на месте... поняли?

— Не бойтесь, слова не скажу, — откликнулся рослый солдат, обернувшись и с удивлением глядя на худощавого пожилого человека, который так самоуверенно сыпал угрозами.

Они открыли дверь и друг за дружкой поднялись по лестнице.

Доктор Кубелик, отряхнувшись, по-мальчишески, вприпрыжку поднимался со ступеньки на ступеньку и казался сейчас таким же обрадованным и веселым, как и акушерка, выходявшая их позвать.

Солдат, словно какое-то большое животное, пыхтя следовал за ним. Они прошли в небольшую комнату, где горел свет и было по-домашнему тихо.

Доктор Набер поднялся со стула у кровати, посмотрел на своего старого коллегу и улыбнулся одними глазами. Он тоже устал — устал принимать людей в этот проклятуший мир, руки у него устало свесились, словно два толстых цепа, отягченных собственным весом. Он медленно поднял плечи и, чуть рисуясь, сказал:

— Н-да, времени ушло порядком. Я уже побаивался, что нужно будет принять решительные меры. Но все сошло, слава богу, хорошо... и, по-моему, нет оснований ждать особых осложнений. В общем... это у меня сегодня седьмой по счету и появился при таких же, примерно, обстоятельствах, как остальные.

— Мальчик? — спросил доктор Кубелик, хотя и знал это уже раньше.

— Да, и к тому же здоровый, крепкий, молодец парень! — победоносно заявил Набер и снова сел на стул.

Вскоре он принялся тщательно мыть руки.

Доктор Кубелик, прислонившись к стене, посматривал то на сморщенное личико новорожденного, видневшееся меж складок одеяла, то на спящую женщину, у которой сильно заострился нос.

Часы пробили четыре.

На улице по-прежнему шел осенний гнилой дождь, густой туман приник к оконным стеклам. Шел холодный, гнилой осенний дождь. Густой туман приник к стеклам, и шел холодный, гнилой осенний дождь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

ГОСПОДИН ЮСТУС СТАВИТ КРЕСТЫ

Господин Юстус и сегодня недолго дулся на жену; но досада его сменилась тихой, гнетущей грустью. Сразу после обеда он удалился в свой кабинет, подошел к столу и с трудом втиснулся в узкое кресло. В голове не смолкали слова брата Ханса, они блестели, словно крошечные пузырьки, беспрестанно кружащиеся вокруг него, а когда он смыкал веки, то мог даже видеть эти слова-пузырьки. И шаг за шагом мысленно уходя в прошлое и там оглядываясь, Юстус все более убеждался, что доктор в сердцах высказал очень существенную истину: да, в доме у него, Юстуса, произошли за последний год разительные перемены!

Господину коммерсанту вспоминались те спокойные, подчеркнуто скромные вечера, проведенные дома за чинной и достойной беседой. Поигрывали в карты, обсуждали порою какие-нибудь общие вопросы, бывало спорили, но остроумно, вежливо, по-приятельски. Он сразу сопоставил эти тихие досуги с кутежом прошлой ночи: пили, галдели, мотались из комнаты в комнату, отпускали двусмысленные шутки, рассказывали мерзкие анекдоты, мерзкие анекдоты, мерзкие анекдоты. В ответ раздавался несдержанный визгливый хохот уважаемых дам общества — матерей и жен.

В большом старом доме стояла сейчас глубокая тишина, но за этой глубокой тишиной таились злоба, зависть, злорадное коварство, какая-то грязная двусмысленность. Господин Юстус всмотрелся в пол и увидел, что паркет в пятнах и запакощен — повсюду жирные следы; он взглянул на стены, увидел и на них безобразную пестроту — обои слиняли, потемнели от постоянного табачного дыма, как бы насквозь

пропитались застоявшимся запахом кислого вина и водки. Он обвел медленным взором потолок и лишь сейчас заметил, что во всех углах свисает отвратительная сеть пыльной паутины, что она движется, словно машет. Видно, и прислуга занята чем-то более серьезным, ей не до того, чтобы убирать, мыть, мести и вообще следить за чистотой и порядком. В его ноздри проник и защекотал их горьковатый запах где-то притаившейся грязи, от которого хотелось чихать.

Юстусом неожиданно овладело мучительное, жгучее нетерпение, заставившее его мигом вскочить, словно он роковым образом запомнил какое-то свое очень важное намерение, забыл совершить какой-то чрезвычайно значительный поступок.

Раза два он прошелся из угла в угол по просторной комнате, сгорбившись, заложив руки за спину: прошелся тихонько, почти на цыпочках, склонив на бок голову и прислушиваясь. Рассохшийся пол потрескивал, стоявшее за письменным столом кресло, у которого одна ножка была короче других, казалось, дружески ему кивало, паутина подрагивала и трепыхалась в углах. Легкий ветерок дул в окно, и пыльная паутина подрагивала и взлетала, будто поддразнивая и насмехаясь. На высокой этажерке лежала куча книг, которых давно уже никто не расставлял по местам. Они были словно медленно иссыхающие тела, страшные в своей неподвижности. Толстые тома с золотыми корешками; выцветшие тетради, куда он раньше заносил для памяти разные заметки, листы бумаги, исписанные корявыми цифрами, — простая домашняя бухгалтерия его былой честной торговли; украшенные изящной резьбой трубки, с которыми раньше так приятно было возиться в часы досуга, — чистить, раскладывать; совсем пустячные безделушки, все же обладавшие скрытым значением, — с каждой из них было связано то или иное неповторимое событие, осколок его жизни, незаметно приближавшейся к последнему рубежу.

Проводя пальцами по серым от пыли столикам, по спинкам стульев, господин коммерсант машинально ставил там и сям кресты; их беспощадно четкие

линии пугали и словно душили его самого. Он твердо знал, что такой же беспорядок царит и в других комнатах, во всех соседних помещениях! А вернее, все в этом комфортабельном доме, где он сейчас проживает, все — от крыши до подвала — запущено и заброшено! В мире происходят большие события — одни рождаются, другие умирают, третьи, отвергая пустопорожнее личное житишко, совершают подвиги... а здесь, в его родном очаге, все покрывается пылью, источает вонь. Еще он подумал о войне, хотя она была где-то ужасно далеко, и, черт возьми, какое ему дело до этой войны, ему, который и мухи не обидит! Потом пришли мысли о трудной голодной поре, которая сопутствует войне и создает очереди у лавок; однако и эта напасть пребывала пока в спасительном отдалении — никому из его семьи или ближайшей родни не доводилось еще стоять в очередях! И еще подумал он о том, что знакомые повсюду жалуются на трудности в торговом деле; но и это его не затронуло — только сегодня утром он разместил у себя на складах солидную партию товаров первой необходимости: тут и продовольствие, и гвозди, и соль, и подошвенная кожа, на которых он наверняка заработает по меньшей мере сто процентов прибыли. Да, это, конечно, так; однако всюду вокруг него все больше и больше собирается пыли, все грязней стены и пол! Милый старина-коммерсант, и раньше тебе удавались всякие выгодные сделки, но почти никогда ты не устраивал попоек и пользовался ночами лишь для отдыха или для нежных утех со своей дорогой женушкой. А как ты ведешь торговлю сейчас? Угодна ли богу твоя нынешняя коммерция? — спросил он себя.

И вдруг он с отчаянием представил себе, что непременно должен судорожно обхватить своими сильными и цепкими рабочими руками разваливающуюся жизнь, спасти ее от окончательного разрушения, снова сделать угодной господу богу.

Ему захотелось тихонечко обойти весь дом, все те комнаты, где он жил, где прежде находил приют и защиту. Его губы скривились в горькой усмешке, и он подумал — пожалуй, следовало бы наставить крестов не только здесь, но и всюду в городе! Крест

сюда, крест туда, крест налево, крест направо. На стулья, на столы, на полки, шкафы, стены, на пол, на крыши, на мостовую! Есть ли здесь, поблизости от его семейного очага, такое место, где не нашлось бы подходящего материала для малевания крестиков? Ха-ха-ха! — расхохотался он резко и возбужденно. Теперь когда случайно оброненное младшим братом замечание заставило господина Юстуса задуматься о своем здоровье он осознал с убийственной ясностью, насколько сильно сдал и физически: тело чесалось, икры онемели и, казалось, принадлежали какому-то чужому человеку, в груди больно пульсировало, горло и шею что-то сжимало и давило. Временами Юстусу чудилось, что и мысли у него какие-то тупые, тяжелые, круглые, душные и... очень глупые. Его охватила злость, он потянулся, чтобы смахнуть болтающуюся в углу паутину, но при этом наступил на огрызок яблока, которое кто-то затолкал под ковер; поскользнувшись, господин Юстус пребольно ударился рукой о шкаф. «Черт... черт! — воскликнул он впервые за долгое время на чистейшем эстонском языке. — Черт тебя поберей!». И ему вдруг показалось странным, что при той вечной суматохе и шуме, какие теперь непрерывно царили в его доме, здесь еще могут накапливаться пыль и мусор!

Затем господин Юстус вновь сел за стол и злобно уставился в окно, за которым виднелась улица, затянутая туманом и морозящим дождем. Он склонил на руки тяжелую голову; грудь теснило, и это вызывало страх, беспокойно стучащее сердце словно не умещалось в грудной клетке. Немного погодя господин Юстус встал и направился в столовую, где прислуга убирала со стола. Он прислонился спиной к высокому буфету, подбоченился и со злобным вниманием стал наблюдать за проворными движениями служанки, которые теперь стали гораздо более скованными. Звенели тарелки; вилки и ножи, скользя по эмалированному подносу, препротивно, до рези в ушах скрежетали. Длинные загорелые руки что-то перебирали, поднимали, расставляли, держали в равновесии, стройные ноги уверенно шагали назад и вперед, а когда на их пути попался стул, сильное колено

сразу же оттолкнуло его. Да, здесь дело шло живо, быстро, здесь не ленились! И все-таки у господина Юстуса возникло впечатление, что и эта расторопность была мнимой, ненастоящей, что все это поверхностно. На пол посыпались хлебные крошки, две-три капли соуса попали на край кушетки, скатерть на столе была уже грязная, вся в пятнах. Однако прислуга словно не замечала этого, ей и в голову, наверно, не приходило навести порядок: крошки так и остались на полу, следы соуса — на кушетке, замаранная скатерть на столе. Стекла буфета засижены мухами, резные лепестки роз на дубовых дверцах посерели от пыли. Пауки преспокойно разгуливали по светлым обоям и как будто совсем не боялись за судьбу своих гнезд; они трудились поусерднее служанки и плели все новые и новые тончайшие сеточки. Так, так, прилежные маленькие друзья, доброго здоровья, не ленитесь, в этом доме ценят ваш труд и ваши старания, вам не надо тревожиться за свое счастливое будущее!

Господин коммерсант продолжал наблюдения. Он видел, как с поднятого блюда скатилась круглая картофелина, перескочила через уголок ковра и исчезла под стулом. Служанка попыталась выкатить ее ногой, но промахнулась. Побольше бы человеку ловкости да подлиннее ноги, подумал господин Юстус и поставил первый крест на широком белом подоконнике. Второй крест лег на спинку стула, третий на раму картины, четвертый и пятый кресты на выступ каминного карниза. Пять! Хватит уже или продолжать? Картофелина по-прежнему лежала у ножки стула, на рисунке ковра, узенькая дорожка из хлебных крошек тянулась к дверям кухни. Паук, наверно, самый большой, первый паук среди прочих, поймал позднюю осеннюю муху, быстро шевеля кривыми ножками, оплел ее тончайшими нитями и собрался позавтракать. Бойкая прислуга, понимая, что своими действиями привлекла внимание строгого хозяина, беспокойно повела головой, закинула за ухо прядку светлых волос и смущенно покосилась на него: чего он тут возится, ведь все в полном порядке?

Господин коммерсант сердито выпрямился и пошел к дверям в гостиную, осторожно переступая через

рассыпанные крошки, чтобы не оскорбить хлеб. В гостиной он тоже нашел ровный слой пыли, на котором можно было ставить кресты. Он уже не выбирал места, чертил их повсюду! Чертил сразу пятью пальцами! Крестами покрылись полки, столы, постаменты, цветочные горшки, крапчатые листья алоэ, застекленные тексты псалмов на свинцовой бумаге. Господин Юстус поставил кресты на груди гипсового Гете, на его макушке, затылке, широкой спине.

— Пожалуйста, не сердись, старина, я не могу оставить тебя вне игры, — сказал господин коммерсант на простом, чистом эстонском языке и сильно закашлялся.

Ставя кресты, господин коммерсант запачкал руки, они стали совсем серые и противно шершавые, под ногтями быстро скопилась грязь. Он с минуту посидел на диване, устало отдуваясь. Из-за двери, ведущей в спальню, доносились тихие всхлипы. Видно, никак жене не уняться, вот уж сколько часов кряду то там, то тут слышится ее плач...

Цветная литография, изображавшая царскую семью, издали казалась грязно-серой, точно эти высокие особы давным-давно не умывались. Хлопнув дверью, через гостиную пробежала Эрика в туфлях на босу ногу. Рондольф запустил в стену коридора чем-то увесистым и зычно заорал: «Ага, попало тебе, немчура Вилли, попало!»

Юстус почувствовал, что ему необходимо выйти на свежий воздух. Беспорядок, который он увидел повсюду в квартире, все больше раздражал и угнетал господина коммерсанта. Да, ничего не поделаешь, он действительно до сих пор жил словно с закрытыми глазами! Откинувшись на мягкую диванную спинку и прищурясь, он оглядел свои полосатые брюки. И они были испачканы, забрызганы уличной грязью, запылены. Он медленно поднял руку и вывел на коленях большие кресты. Странно, странно, до чего же все это странно! — подумал он как-то бесцельно и покачал головой. Снова по гостиной пронеслась Эрика с краюхой хлеба, которую она держала обеими руками, откусывая большие куски. Споткнулась обо что-то, краюха вылетела из рук и, описав дугу,

плюхнулась на паркет, маслом вниз, к самым ногам господина коммерсанта. Всхлипы в соседней комнате на миг смолкли, словно с любопытством прислушиваясь, а затем возобновились с новой силой.

Чтобы избавиться от все усиливающихся приступов тупой боли где-то глубоко в груди и в затылке, господин Юстус медленно поднялся с дивана и, устало волоча ноги, побрел в спальню. Едва он открыл дверь, ему ударил в нос густой затхлый запах, который теперь никогда не покидал спальни и чем-то напоминал вонь от прокисшего картофельного супа в чулане хуторского дома.

Госпожа Эмилия сидела на стуле у ночного шкафчика. Встретив вошедшего мужа злым взглядом, она продолжала плакать. Даже ее небрежно накинутый капот, казалось, источал ту же душную прель, которую господин Юстус ощутил, едва переступив порог, старое напудренное лицо было покрыто пятнами. Временами она вытирала рукой щеки, по мясистым складкам которых скатывались капризные слезы. Покрывало на кровати было смято, в белом умывальном тазу по краям осела грязная мыльная пена. И в спальне, больше всего почему-то над платяным шкафом, трепетала паутина.

Господин коммерсант медленно ходил из угла в угол, и большущие кресты ложились на вещи, на мебель. Жена недоумевающе следила за действиями супруга, не понимая, по-видимому, их смысла.

— Что ты чертишь, хотела бы я знать? — неуверенно спросила она.

— Как видишь, определяю толщину пыльного слоя, — язвительно ответил муж.

— Толщину... пыльного слоя? — протянула госпожа Эмилия.

— Да, думаю, что это и тебе небезынтересно бы знать, — заметил господин Юстус.

Они помолчали.

Немного погодя госпожа Эмилия пробормотала, пытаясь как можно более насытить свои слезливые вздохи горечью и обидой:

— Ах, дорогой Юсти, можешь ли ты себе представить...

— Ну конечно, почему же не представить, — резко оборвал жену господин коммерсант.

— Все теперь засмеют меня... и я... — снова залепетала жена.

— А ты уже слышала, как тебя осмеивают? — Господин Юстус и на этот раз бесцеремонно перебил супругу.

Молчание. Вздохи и всхлипы становились громче и громче. Казалось, госпожа Эмилия близка к истерике как средству защиты — рот у нее задергался, веки запрыгали, белые мясистые пальцы судорожно задрожали. Вероятно, она лишь недавно подкрасила свои белесые брови, и сейчас они выделялись на лбу особенно резко, причем левая чуть ниже правой. По ее маленькому, тупому носу скатывались крупные слезы. А по мутным окнам струился серый октябрьский дождик и по пятнистому небосводу растекалась гнетущая осенняя тоска. Так, так, так, по стеклу бежит дождичек, у Эмилии по носу бегут слезы... подумал господин Юстус и поднялся на цыпочки, чтобы посмотреть, где бы еще пометить крестом скопище пыли.

Госпожа Эмилия снова метнула на мужа яростный взгляд.

— Ох, Юсти, подумай все же, ведь так ты испортишь всю нашу чудесную жизнь! Если бы... ты только знал! Разве ты не понимаешь, что и так уже слишком долго тиранил меня. А теперь...

Господин Юстус ничего не ответил. Он открыл шкаф, осторожно достал из него воскресный костюм и повесил на спинку стула. Он ждал, чтобы жена кончила начатую фразу, но не дождался. Сменив испачканные в муке брюки на новые, он очень тихо и миролюбиво сказал:

— Мне думается, мать, что ты могла бы снова наладить порядок в нашем доме. Прислуга у нас распустилась, как и ты сама. Было бы разумно рассчитать ее и поискать новую.

— Как я... как и я сама? — пробормотала госпожа Эмилия и снова залилась шумными слезами.

— Да, как и ты сама, — подтвердил господин Юстус тем же спокойным, примирительным тоном. Немного позднее, осознав несправедливую односто-

ронность своих слов, он добавил: — Как и все мы, и я в том числе. Хорошо, если бы ты сейчас же пошла и сделала внушение Эрике и Рондольфу... Эрика недавно вернулась... совсем как уличная девчонка. Она сейчас во дворе или в саду. Поверь, мать, так все это продолжаться не может!

— Ты... ты... видно, хочешь сказать, что... — жалобно протянула супруга.

— Именно это я и хочу сказать! — кивнул господин Юстус. Он подтянул пояс брюк на своем круглом животе и, заложив руки за спину, пристегнул подтяжки. Как ни странно, он внезапно почувствовал похмелье. Морщась от противного ощущения и глотая то и дело набегающую слюну, он подумал о том, что и головные боли, и сердцебиение — все это из-за бессонных ночей, из-за неумеренных выпивок. Рондольф опять швырнул чем-то увесистым не то в стену, не то в дверь. У Антона, который прогуливался под окнами, за ухом краснела кровавая ссадина, а волосы были воинственно начесаны на лоб. Пауль ходил взад и вперед по своей комнатушке на втором этаже, позвякивая шпорами и насвистывая «Пупсика» — песенку уличных мальчишек и прощелыг, пошлую, почти непристойную, по мнению его отца. На брюках, которые господин коммерсант только что надел, тоже виднелись белесые пятна — очевидно, он уже успел прикоснуться к чему-то пыльному. Госпожа Эмилия, как-то по-мушиному обеими руками вытирая щеки, сказала:

— Боже, боже, как хорошо мы жили до сих пор! Весь этот год я поистине чувствовала себя человеком. Почему же, почему ты вдруг стал таким непонятливым... Ведь другие дамы поднимут меня на смех, я уже говорила тебе об этом. Хоть убей, я не могу уступить твоим диким выходкам! Я... я тебе крикну в лицо, что ты человек без сердца! Ты жесток не только по отношению к своей жене, но и к тем несчастным, тем убогим, которым мы хотим помочь. Ведь сейчас, война, и мы все должны помогать скорее добиться победы!

— В первую очередь попробуй навести порядок у нас дома, а там посмотрим, — сказал господин коммерсант.

Эмилия, хрустнув пальцами, пробормотала:

— Это... ложь! Я никогда не терпела беспорядка в доме! Тебе только бы мучить меня!

Господин Юстус ответил не сразу, он закрыл глаза и вновь ощутил кислую духоту, наполнявшую комнату. Потом, взясь с туго накрахмаленным стоячим воротником, он процедил:

— Мучить? Зачем? Стоит тебе повнимательней осмотреться, и ты сама увидишь, что я не преувеличиваю. Мы люди пожилые, и огромная Российская империя, ведущая войну, обойдется без нас. Хватит и того, что Пауль околачивается тут, как петух в мундире, Ханс безусловно прав, когда он...

— Знаю... знаю! Это именно он... — Эмилия снова завопила, разозлившись.

Господин коммерсант надел пиджак, посмотрелся мельком в зеркало и вышел из комнаты, тихо закрыв дверь. Услышав снова капризные всхлипывания жены, он беспомощно махнул рукой.

Сняв с вешалки в передней еще сыроватое пальто, господин Юстус натянул его, словно какую-то защитную оболочку.

— Война... да... приходится воевать! — пробормотал он машинально и закашлялся громким, отрывистым кашлем. Боль в груди не унималась.

Глава вторая

МАРТИН ПОЯВЛЯЕТСЯ ИЗ МРАКА

Господин коммерсант как раз направлялся к центру города, когда кто-то с ходу налетел на него и пребольно толкнул локтем. Господин Юстус приподнял зонтик, стараясь из-под его края рассмотреть, что это за бесцеремонный пешеход, но тут же кто-то по-приятельски схватил его за полу пальто и братец Мартин заглушил монотонный шелест дождя раскатами своего громоподобного голоса.

— Э-ге-ге, братец, вот ты где! Куда мчишься, по какому такому делу? Я иду его проведать, а он, хо-хо-хо, сам сиганул из дома! Вот свинство! Ах да, чтобы не забыть: ты не возражаешь, если старина Квадратов завтра снова пожалует к тебе на обед? Разумеется, на мой счет. Он дал, видишь ли, понять, что такое угощение сейчас в моде. Да ведь оно и верно: *рука руку моет*, хо-хо-хо! Приглашать этого увальня-золотопогонника в гостиницу как-то невежливо... сам понимаешь. Между нами говоря — не стоит об этом болтать — мы с ним сварганили отличное дельце, уж пускай он налопается и напьется вволю. Жри сколько влезет! Хо-хо-хо! Ну, так говори, братец, куда это тебя несет так поздно, а?

— Куда несет... Сам видишь — гуляю, — лаконично ответил господин коммерсант и пожал плечами.

— Гуляешь? Ну так погуляем, если ты не возражаешь, чтобы я пошел с тобой.

— Пойдем, пойдем, какие там возражения!

Братья зашагали рядом, заняв собой всю ширину тротуара. Господину коммерсанту не хотелось разговаривать. Шагая по лужам, он пыхтел, посапывал, временами поднимал руку и поправлял воротник пальто. Арендатор Мартин спросил громко, стараясь

перекричать ветер, шумевший в серых от тумана улицах:

— Стало быть, ты не возражаешь и против этой моей просьбы? Насчет обеда для старины Квадратова?

Господин Юстус покачал головой.

— Нет, ошибаешься, против этого я возражаю. Во всяком случае, о завтрашнем дне и речи не может быть, — сказал он решительно.

— Что, что? Ты, значит, не хочешь? Не хочешь помочь мне? Ну, черт возьми! — рявкнул арендатор Мартин. И тотчас же продолжал почти повелительно, не допуская возражений: — Нечего крутить, братец! Я столько времени не был в городе, и бог знает, когда снова сюда выберусь. К тому же я сказал: плачу за все. *Дай лапу*, старина, по рукам, а?

— Я... не знаю! — Господин Юстус попытался еще раз выразить свое несогласие, в то же время ясно сознавая, что вот-вот уступит наскоку брата.

Арендатор крепко двинул господина коммерсанта между лопаток.

— Ну конечно же! Чего там? — воскликнул он. — В деревню я этого толстяка везти не могу. А ты в таких делах поднаторел. Надо сказать, что старый козел в общем-то молодец, как, впрочем, и все офицеры царя-батюшки... Я уверен, что они подружатся — полковник Скобелев и полковник Квадратов. Ну-ка, поближе, братец, я тебе скажу что-то на ушко... и, ради бога, это между нами. Знаешь, я сегодня такую операцию провернул, что и самому российскую казну жалко стало. Слушай, в самом деле, куда ты идешь в такую дерьмовую погоду? Одним словом: *куда прешь, братец?*

— Да так, никуда, — ответил господин Юстус.

— Гм! Так-таки никуда? Хо-хо-хо! — снова раскатился Мартин и больно огрел брата по загривку. — Не пори чепуху, думаешь, я дурак? Где-то что-то опять плохо лежит, старый ворон учуял падаль! Дуй, Кубелик, хо-хо-хо! Мы, братец, словно созданы для крупной игры! Ты взгляни-ка на моих сыновей, о которых я, поди, сто раз тебе рассказывал! Но ты так и сядешь, ежели я покажу тебе последнее письмо полковника Скобелева. Любо читать, ей-ей! Он сооб-

щает, что свой отпуск проведет — знаешь где? Не догадываешься? Ясно, не догадаешься, хо-хо-хо! В имении своего дивизионного генерала, понял? Это, как пишет мне полковник Скобелев, где-то к югу от Москвы, в черноземной области. Он уже и раньше бывал в этом прекрасном и богатом поместье. А почему? Потому что он, братец, скоро станет зятем самого генерала. Да, да, не пугайся: полковник Скобелев вскоре станет зятем самого командира дивизии. Он женится на старшей дочери самого генерала, кажется, ее зовут Натальей. Капитан Максим Мартынович поедет с братом, а там, смотришь может, и ему... гм-гм... привалит счастье. «Извини меня, отец, что я в этот раз не проведу тебя, — пишет полковник Скобелев в сегодняшнем письме, которое получено всего часика два назад. — Я должен тебе признаться, что мой милый генерал в то же время — мой будущий тесть. Свадьбу справим сразу после войны!» Черт возьми, чего же мне тогда еще ждать? Разве не могу я махнуть рукой на всю тутошнюю чепуху и уехать на чернозем? Полковник Скобелев обстоятельно расписывает мне, как замечательно он заживет в будущем... Ведь он — талант. О-го-го, это настоящий талант! Для чего ему возвращаться? Он — человек, который может смело начихать на наш убогий и голодный уголок. Сегодня он мне пишет в письме: «Пошли они все туда, где перец растет, эти наши местные шишки. Пусть хоть задницу мне лижут, мне они не нужны», — вот как пишет. Кое-кто из этих самых шишек уже ему подмигивал — приходи, мол, и сватайся. Но Александр Мартынович не дурак, чтобы разводить потомство со всякими там чухонками, хо-хо-хо!

— Ясно! — кивнул господин коммерсант.

— У Максима Мартыновича дело по той же дорожке катится, — сказал арендатор Мартин, окончательно переходя на русский язык. — Он, конечно, чуточку поотстал от Александра Мартыновича, да он и помоложе... но и у него мозги не из свиного навоза слеплены. Полковник Скобелев пишет, что парня ждет большое будущее... и что у старого генерала, кроме Натальи, есть еще другая дочь. Ну

прямо конфетка... хо-хо-хо... толковая и собой хороша. Не удивлюсь, ежели Максим Мартынович ей под юбки залезет! Добром или силком, все одно, главное — взнуздать кобылку, а уж после Максим Мартынович вожжей не отпустит. Вот это была бы штука! Хо-хо-хо! На кой же черт нашим парням терять здесь свои золотые денечки! Оба они мужики что надо и взлетят еще ой как высоко, поверь мне, старина! Попробуй-ка кто-нибудь из местных угнаться за ними! Мужичье! Голодранцы! Есть, конечно, в могучем и великом царском воинстве и другие офицеры из эстонцев, но вряд ли кто из них так далеко пойдет, как мой сын, полковник Скобелев. Мой сынок, полковник Скобелев, с такими пустобрехами не водится. «Да, отец, порой они липнут ко мне, но я с ними не разговариваю», — так вот и пишет мне. Хо-хо-хо! Старайтесь, старайтесь, лезьте из кожи вон, но полковника Скобелева вам только и видеть, что со спины. Хо-хо-хо! Прежде всего нужно хорошо знать язык нашего государя императора! А полковник Скобелев знает язык — во! Да и я тоже неплохо... Слышал, как я вчера со стариной Квадратовым беседовал, а? Слышал?

— Слышал, слышал, — кивнул в ответ господин коммерсант.

— Ну вот, видишь! — воскликнул арендатор Мартин и наградил брата еще одной затрециной по затылку.

— Черт возьми, любой из нас должен говорить не хуже меня! А у нас в школах чересчур берутся со всякими пустяками, вместо того чтобы научить детей ясно и понятно разговаривать на языке любимого нашего государя. Это — свинство. Это большущее свинство! Возьмем, к примеру, тебя. Ты тоже, бывает, пытаешься полопотать о том, о сем, а только я сомневаюсь, понимаешь ли ты меня сейчас так, как должен понимать. Верно я говорю? Э-ге! Нет, старина, не гляди в сторону — тут вопрос очень даже важный! Я тебе толкую тут о всяких делах, а ты заладил: да-да или нет-нет. И не верю я, что ты меня вполне понимаешь. Понимаешь? Не стесняйся, братец, скажи — понимаешь или нет? А?

— Да ну тебя к чертям! Почему это я не пони-

маю! — Господин коммерсант рассердился и тоже почему-то заговорил очень громко. — Разумеется, понимаю! Только вот бывает так: разговариваю, а какого-нибудь слова не хватает.

— Слова? Это еще ничего не значит — какое-нибудь словцо! — радостно вскричал Мартин. А так как он и сам не очень-то был уверен в своих знаниях, то снова перешел на свой обычный смешанный язык. — Ну и отлично, если все это так. А старый Хенрик — болван. Дубина! По правде говоря, я не терплю его. Из-за Хенрика полковнику Квадратову вчера было очень неловко. Он сказал, что ему порой кажется, будто он находится не на *исконной* *российской* земле, а среди какого-то распроклятого чужого народа. И это вполне понятно. Черт побери... Действительно — повсюду вместо государственного языка слышишь какую-то батрацкую тарабарщину. Государственный язык — в каждую семью. Государственный язык, государственную религию... государственный образ мыслей! Вот! Мой младший сын, отец Николай, всегда говорит, что единому истинному богу можно служить только единственным способом — на русском языке и по обрядам русской православной церкви! Должен заметить, что я никогда терпеть не мог лютеран. Поклоняются петуху! И-ди-о-ты! Пусть провалятся в тартарары, мужичье! Как будто мне их ний Иегова или их ний Иисус нужен! Я — Мартын Мартыныч Скобелев, отец полковника Скобелева, верноподданный государя императора, и у меня тот же самый Иегова, тот же самый Иисус, что и у него! Александру Мартыновичу, моему сыну, тоже не требуется никакого иного Иеговы и Иисуса, кроме тех, в которых верует наш обожаемый монарх и его августейшая семья! И Максиму Мартыновичу также, хоть он пока только в чине капитана. К чертям тех людишек, что шляются в наших краях и болтают насчет какого-то эстонского дела и эстонских начинаний. Чушь! — вот как говорит мой сын, Александр Мартынович, полковник Скобелев. Он уже несколько лет назад говорил мне, что этих молокососов надо сажать в тюрьму или расстреливать. Как в пятом году. Предатели! Враги нашего любимого государя! Собрать

военно-полевой суд! К стенке! Рота — пли! Все! Школы эстонские открывают, театры эстонские строят. Нет, ты послушай только: эстонские школы, эстонские театры, хо-хо-хо! «Дорогой соотечественник, будь добр, пожертвуй!» Ну подождите, я любого такого попрошайку вышвырну из своего имения, как последнюю шваль! Кр-р-руу-гом, шагом марш... чтоб духу твоего не было! Верно, братец?

Шумливое бахвальство Мартина все больше раздражало Юстуса, и он, прибегнув к несколько наивной логике, сказал:

— Однако же в свое время ты был как и мы все: говорил по-немецки да и считал себя немцем...

— В свое время! — громко захохотал Мартин. — В свое время и сатана был мальчишкой, а сейчас он давно уже усатый и бородатый! Хо-хо-хо! С волками жить — по-волчьи выть. Чего там скрывать: каждый из нас совершает в жизни какие-нибудь глупости, вот и я сглупил. Но я вовремя прозрел, не то что ты и Хенрик, — вы по-прежнему в темноте сидите! Но я-то знаю! А эстонцам, этим болванам, которые давно уже тянут свою дурацкую песенку, пора бы заткнуться! Деревенские учителяшки! Гастролеры! И чего они сбивают народ с панталыку? Канителятся уже бог знает с каких времен, а что из этого вышло?

— А что там еще может выйти? Мы эстонцы — и все! — ответил коммерсант. Ему очень хотелось побыть в одиночестве, ему казалось, что пришла пора о многом подумать. Холодный осенний дождь сыпал на шею как бы мельчайшую свинцовую дробь. Внезапно оступившись, Юстус сильно толкнул Мартина, тот тоже поскользнулся и оба зашлепали по водосточной канавке.

— Я сегодня очень занят, — резко сказал господин Юстус. — Ты же еще не уезжаешь? Завтра и поговорим...

— Завтра? Завтра и так будет разговор, завтра я приду к тебе на обед вместе со стариной Квадратовым, — сказал Мартин. — Никак ты уже позабыл? Хо-хо, ну и голова у тебя! Да, я ни тех ни других не перевариваю: ни чертовых немцев, чья песенка теперь уже спета, ни этих... эстонцев! Батраки... это, конечно, дело другое, по мне, пускай они и

впрямь будут эс-тон-цы. Между прочим, у меня имеются данные, что мы, Кубелики, ведем свой род от славян, переселившихся сюда в стародавние времена... А самая сволочь — это, разумеется, мужицкое отродье, которое пробилось в высшую школу. Уж мой сын, полковник Скобелев, сумел бы их взнуздать, не дал бы им развернуться. Он писал мне, что несколько таких хлыщей служат под его началом и порой даже норовят пробраться к нему поближе. Со-отечественники, хо-хо-хо! «Я им так врежу, что будут меня помнить!» — пишет он. А забавнее всего обстоит дело с нашим милым братцем Хенриком. Как сообщил мне на днях полковник Скобелев, его, Хенрика, сын, капитанишка, такой же беспортошник, тоже разыгрывает соотечественника. Поэтому понятно, что его ни разу не повысили в чине. Сидит, как ворон на своей кочке! Полковник Скобелев терпеть его не может. «Дурак, который считает себя умным, — это всегда очень нудная тварь», — пишет он. Однажды Хенрикова молодца уже наказали за бесчинство, и подполковник Скобелев говорит — тот должен только войну благодарить, что смог вернуться в войско нашего дорогого государя. Черт побери, куда ты так спешишь, братец?

Беседуя, они подошли к дверям клуба, и господин коммерсант сделал еще одну попытку освободиться от Мартина. Он поднялся на нижнюю ступеньку широкой каменной лестницы, которая слегка поблескивала во мраке осеннего вечера, и сказал:

— Видишь ли, сегодня у меня здесь важное совещание. И никак нельзя отложить его.

— Ну что ж, у меня время есть. Я, правда, не член клуба, но, как твоему гостю, мне ведь можно зайти?

— В обычный вечер — пожалуйста, — ответил Юстус. — Но сегодня у нас закрытое заседание... надо обсудить два-три вопроса. Не сердись, завтра у меня будет больше времени.

— Завтра? Завтра — это завтра, а сегодня — это сегодня, черт тебя возьми! — воскликнул Мартин и снова громко расхохотался. Потом дружелюбно сжал руку старшего брата в своих огромных ручищах и, весело напевая, сдвинув шляпу на затылок, уверенным шагом двинулся обратно по темной улице.

Господин коммерсант постоял немного в полуосвещенном коридоре, снял шляпу и устало отряхнулся. Толстая дубовая дверь встала между ним и осенним ненастьем. Оно его больше не коснется. Пальто промокло насквозь, в ботинках хлюпало. Почему-то пришла на ум старая, верная подруга жизни: лежит наверно, ничком на кровати, прикрыла ладонью глаза и плачет себе втихомолку. Решив, что он выпьет здесь только стаканчик горячего чая, Юстус грустно вздохнул и побрел по длинному коридору к светлой стеклянной двери, которая словно приветливо улыбалась гостю.

Откуда-то из глубины старого каменного дома долетал тихий говор.

Господин коммерсант Юстус вынул из кармана большую связку ключей и принялся быстро перебирать ее.

Глава третья

ПЕРВЫЕ СОМНЕНИЯ

Сегодня в Клубе Благонамеренных Граждан коротало свой досуг лишь несколько человек. Судья Эбберман и старик Бауман склонились над шахматной доской, господин Лоренцзон сидел рядом и, внимательно следя за каждым ходом, наставлял то одного, то другого игрока. Высокий, согнувшийся крючком Вейсбаум играл в шашки с бородачом Юурупом, обладателем красного носа, подвижного, как у кролика. В бильярдной громко стучали шарами и смеялись. Двое посетителей помоложе ужинали, над недопитыми стаканами с чаем поднимался легкий пар. Все здесь было чисто и чинно, как и полтора года назад: белоснежные скатерти, темные обои, массивная мебель на своих неизменных местах, те же люди. В камине горел огонь, большие березовые поленья звонко трещали и метали снопы искр. Жизнь тут текла как в далеком прошлом, словно в мире не произошло ничего особенного, — даже беседовали здесь о тех же вещах и обменивались почти теми же словами, что и в ту пору, когда мир еще не пылал в огне войны, а тлетворный осенний ветер не добирался до людских душ.

Аккуратно пригладив ладонями свои редкие седые волосы, господин коммерсант, осторожно ступая, прошел по просторной комнате; на ходу он кивал знакомым, но здороваться с ними за руку ему не хотелось. Взяв стоявший в углу свободный стул, пододвинул его поближе к камину, к самому огню, и засмотрелся на бледно-желтые язычки пламени, что плясали меж поленьями. Нежное тепло все выше взбиралось по мокрым ногам, старческая кожа зачесалась и словно натянулась туже. До Юстуса долетали слова беседовавших посетителей, легкий шелест

фигур на игральных досках, удары кием, резкий стук бильярдных шаров. Кто-то листал газету, шурша, будто мышь в бумажном пакете. Старый Бауман сделал хитрый ход и подхихикивал; поленья в камине распадались на тонкие обуглившиеся волокна, которые отбрасывали мягкий багряный отсвет и постепенно покрывались трепетными, белыми, как снежинки, легчайшими хлопьями.

Около получаса понуро просидел господин коммерсант Юстус Кубелик возле огня, отвечая на случайные вопросы, рассеянно вороша кочергой в камине, где вспыхивали и меркли бойкие огоньки. Медленно, очень медленно вникал он в те мысли и рассуждения, которые слышал вокруг. Чередуясь с длинными паузами, шли разговоры о том, что, дескать, домовладельцам живется сейчас весьма туго, так как семьи, у которых кормильцы на фронте, не хотят платить за квартиру, что чиновники, получающие определенное жалованье, чуть ли не голодают, потому что дороговизна растет, а прибавки не дают; что даже у адвокатов заработки скудные, так как клиентов и по гражданским и по уголовным делам чертовски мало: любители судебных тяжб сейчас тягнутся силами с немцами и австрияками, хе-хе-хе! Судья Эбберман, ожидая, пока противник сделает ход, вздыхал и рассказывал о своем сыне, от которого вот уже с прошлого месяца нет никаких известий. Обжора Бауман время от времени причмокивал губами, ковырял в зубах и, казалось, сожалел о прекрасном прошлом, когда в городе то и дело задавали пиры, а клубный буфет был куда богаче. В бильярдной кто-то громко заявил, что война все же принесла и кое-что приятное — женщины, например, сейчас по горло заняты благотворительностью, так что... Но говоривший не счел нужным закончить свою мысль; вместо этого он сильно пробил по шару и засвистел.

Когда господин коммерсант обогрелся и его начал прошибать пот, он встал и перенес свой стул поближе к столу, где играли в шашки. Он все еще размышлял о своей жизни, о своих прегрешениях перед господом и его заветами, о минувших днях, когда развелось столько разной плесени, о своих

недостойных деяниях, как они ему сейчас вспоминались. Он украдкой исподлобья поглядывал то на одного, то на другого из своих старых друзей и мысленно спрашивал себя, остались ли они прежними людьми или тоже приспособились к духу времени? Хватаются ли так же, как он, за любые возможности, зачастую далеко не безупречные? Ради крупных барышей работают ли заодно с казнокрадами и мародерами, которых в последнее время развелось, что поганок на мусорной куче? Он вдруг почувствовал сильное желание подняться и поставить пальцем кресты и на одном и на другом игроке: «Ну-ка, старина, не покрылся ли и ты пылью своих гнусных деяний?».

Несколько торговцев из более молодых, с которыми Юстус не поддерживал тесных коммерческих отношений, сидели у темного окна и, беседуя меж собой с деловитой скромностью, жевали свои бутерброды. Он охотно подошел бы к ним, чтобы посмотреть, не надо ли их тоже наделить крестами.

Время от времени господина Юстуса начинало преследовать болезненное представление, будто другие члены клуба поглядывают на него искоса уголком глаза: аг-а, аг-а, ты, значит, опять притащился сюда, ты, мастер устраивать попойки, бессовестный стяжатель! И тут же на ум приходили мысли о том давнем, прекрасном прошлом, когда в его честности не осмеливались усомниться даже самые закоренелые пессимисты. — Нужно, нужно наставить крестов, наставить крестов, — горестно бормотал господин коммерсант.

Судья Эбберман объявил партнеру неожиданный мат, господин Лоренцзон рассказал что-то смешное про свою молодую жену и сам засмеялся громче всех... А в камине по-прежнему потрескивали большие березовые плахи, полыхало светло-желтое пламя и лизало закопченную решетку.

Уже который раз господин Юстус вспоминал о том, что он все еще не заказал чаю. Черт возьми, но ведь для этого он и пришел сюда! Но тотчас же забывал об этом намерении и продолжал смотреть на тускло блестящие кружочки шашек, отчаянно пытаюсь справиться с мыслями. Кто-то сидевший у темного

окна как будто насмешливо улыбнулся и показал кивком на него, и сердце у Юстуса сорвалось в какую-то пустоту. Из этой пустоты возникло тихое, но мучительное чувство страха, дышавшее ледяным холодом. И еще кто-то, кажется, насмешливо улыбнулся, кивнув в его сторону... Да и судья Эбберман словно бы усмехался, хотя мрачный взгляд его был устремлен на шахматную доску. Господин Лоренцзон говорил о недавно устроенном сборе вещей, среди которых оказались... даже пустые бумажные мешочки... Ох-хо-хо! — залился смехом старик Бауман. Он зубочисткой извлек что-то застрявшее в зубах и был весьма доволен собой. Все они, собравшиеся здесь пожилые люди, казались довольными собой и равнодушными ко всяким событиям в большом мире. Они рассказывали анекдоты, которые были столь же почтенного возраста, они высмеивали своих не менее пожилых жен за энергию и предприимчивость в делах благотворительных. Нет, Юстус ошибся — никто не насмехался над ним, только пальцы на ногах все еще сильно чесались и набухала пустота у сердца. Часы пробили восемь. Не пора ли собираться домой? — подумал господин коммерсант.

Но тут же ему вспомнилось, что он так и не заказал себе чаю. Вздохнув, он вынул из кармана толстенную сигару. Господин Лоренцзон рассказал о своей юной супруге, состоявшей во всех женских организациях города, еще несколько комичных историй, звучавших, впрочем, вполне благожелательно.

Судья Эбберман, сделав очередной внезапный мат старому обжоре Бауману, разогнул спину и, крякнув, сказал:

— Ну, брат, хватит. Глазам больно.

— Реванш, реванш! Я требую реванша! — воскликнул партнер и густо покраснел.

— Нет, никаких реваншей! — отрезал судья.

— Вот ведь какое оно — нынешнее молодое поколение, — заявил господин Бауман, — хиреет день ото дня. Мне, например, порядком за восемьдесят, а глаза нисколько не болят, и если я в хорошем настроении, то могу один съесть целого гуся. Ну-с, забирайте свои белые.

— Да полно, оставим... — буркнул Эбберман, словно вдруг задумавшись о чем-то. Со стола упала на пол пешка и, описав широкую дугу, откатилась к камину, словно желтая мышь, бегущая в свою нору. Очнувшись от задумчивости, судья глубоко вздохнул, поднялся и добавил: — Итак, господа, пора отправляться домой и ложиться спать. Завтра снова день, снова всякие обязанности.

— Ты, стало быть, так и не получал никаких вестей от своего престолонаследника? — поинтересовался Вейсбаум. Он обыграл в шашки домовладельца Юурупа, и тот был крайне огорчен своей неудачей.

— Ровно ничего, — сказал Эбберман, медленно покачивая седой головой. И так как, говоря об этом, судья испытывал некоторое облегчение, он добавил: — До сих пор сын писал мне регулярно каждую неделю, а теперь вот уже больше месяца — ни строки...

— Все у него, наверно, благополучно, потому и молчит, — с неуместным раздражением пробурчал старик Бауман; он был обижен — ему хотелось продолжать игру, а партнер упорно уклонялся.

— Дай бог, чтобы это было так, — ответил Эбберман, сделав вид, будто не замечает желчи в голосе капризного старика.

Наступило молчание. Камин потрескивал, в бильярдной стучали киями. Господин Юстус был счастлив, что на него не обращают внимания, что он может спокойно посидеть, никто ему не мешает. Только вот в комнате стало, по его мнению, очень жарко: пот градом катился по щекам, а в то же время какой-то легкий и юркий озноб прохватывал вдоль спины — от затылка, шеи и до самой поясницы. Мысли, и без того отрывочные, подернулись как бы туманным серым налетом, размывшим их четкие контуры.

Однако это томительное ощущение скоро миновало, сменившись резким болезненным приступом сухого кашля, который потряс все его тело. Нотариус Лоренцзон, сидевший впереди, обернулся и, дружески улыбаясь, посоветовал:

— Видно ты, старина, здорово простудился. Бухаешь каждую минуту, точно зенитное орудие. И щеки у тебя, черт побери, прямо-таки пылают.

Я бы на твоём месте забрался на денек-другой под одеяло.

— Такому крепышу — да болеть! — возразил господин Вейсбаум.

— Осторожность никогда не мешает, — заключил нотариус и рассказал о своём племяннике, который неделю назад заболел воспалением легких. Потом Лоренцзон зевнул во весь рот — его давно уже одолевал сон — и добавил: — Отвратительная погода! В такой промозглый холодище может сдать и самое крепкое здоровье... А правда, старина, щеки у тебя подозрительные. Нет ли здесь сейчас кого-нибудь из врачей, чтоб пощупал тебе пульс?

— Глупости! — попробовал улыбнуться господин коммерсант.

В разговор вступил судья Эбберман:

— Чего там! Иной раз и от легкого насморка бывает жар.

Час был уже поздний, и посетители клуба стали собираться по домам. Один за другим они поднимались, потягивались и, завершая беседу, перекидывались вежливыми пустыми фразами. Девушка с косичками, дочь клубного эконома, собирала стаканы на поднос. Березовые поленья в камине уже не потрескивали, а медленно догорали; вскоре на железной решетке осталась лишь кучка красных углей, которая все больше покрывалась слоем пепла. Никому не хотелось выходить в темень и дождь, шелестевший за оконными шторами. Наконец все проследовали в переднюю, где висели отсыревшие пальто. Нотариус Лоренцзон, держа господина Вейсбаума под руку, опять заговорил о своей юной, энергичной жене, которая настолько интенсивно, настолько эффективно помогает бедным и убогим, что, глядишь, вся нотариальная контора вылетит в трубу, хе-хе-хе!

— Раньше выслушивать упреки приходилось мне, дескать, много денег трачу, надолго отлучаюсь из дому, а теперь, смотришь, я и сам разражаюсь такими же упреками, ну... хотя бы из принципа... ха-ха-ха! Вообще же будет достаточно скверно, если господа генералы решат покончить с этой нынешней заварухой... вы поняли меня, не правда ли, ха-ха-ха!

Единственное, чего я не выношу, — это когда стадо болтливых гусынь пытается и меня увлечь за собой. Будь я чуть помоложе — другое дело, почему бы нет... Вы поняли меня, не правда ли, ха-ха-ха!

— Конечно, поняли... боже ты мой! — И господин Вейсбаум хитро подмигнул старику Бауману — оба они были достаточно хорошо осведомлены насчет того, о чем балагур-рогоносец и понятия не имел.

Господин коммерсант тащился позади всех. Юстуса одолевали тяжкие, тягучие думы: наверно, у него действительно небольшой жар и от этого — дурное настроение. Он словно вдохнул чего-то страшно едкого, оно жжет ему легкие, рвет их, сжимает. Порой ему мерещилось, будто он ссохся, превратился в такое маленькое и никчемное существо, что каждый самый ничтожный человек может относиться к нему свысока, издеваться над ним, поносить его. С большим трудом надев и застегнув отяжелевшее от дождя пальто, господин Юстус почувствовал, что суставы на пальцах ломит, что они стали ужасно чувствительными, и по временам болят. Судья Эбберман попытался по мере сил помочь господину коммерсанту и счел нужным предостеречь его:

— Послушай-ка, дружище, ты и на самом деле захворал — смотри, как ты тяжело дышишь! Не лучше ли взять извозчика?

— Да брось ты преувеличивать! — промямлил Юстус, чувствуя, что в любой момент может расплакаться от жалости к себе, одинокому и покинутому. Собравшись с силами, он медленно заговорил, тут же отметив, что даже голос у него ослабел и звучит по-иному — донельзя жалобно. — Ничего со мной не случилось... Просто шел слишком быстро и устал... Я же не такой поджарый, легковесный, как ты и другие господа... Роста я небольшого, а вешу больше семи пудов. Такую тяжесть таскать только на своих двоих — дело не простое.

Кто-то за его спиной весело рассмеялся:

— Верно, старина, верно — нелегкое это дело!

А господин Юстус, чувствуя себя словно в чем-то виноватым, даже постарался отшутиться.

— Господь бог поступил неразумно. Таким носо-

рогам, как я, полагалось бы по крайней мере четыре ноги, а вот какой-нибудь тощий портняжка мог бы и на одной попрыгать. Вы согласны, господа, ха-ха-ха!

— При твоей полноте ты ростом все-таки не обижен, — сказал Эбберман.

— Не обижен, нет! Две черточки выше шести футов! — бодро заключил господин коммерсант.

В таком духе разговаривая меж собой, посетители клуба миновали полутемный коридор и оттуда нырнули прямо в ливень. На них сразу набросился воинственный осенний ветер, задувавший короткими, но сильными порывами. На углу разошлись — господин Вейсбаум, господин Лоренцзон и старый обжора Бауман свернули налево, а господин Эбберман с господином Юстусом пошли дальше, к морю. На прошлой неделе, как пояснил судья, он переселился в новую квартиру. Черные громады туч почти сплошь завалили небо, лишь кое-где между ними виднелись просветы, расшитые мерцающими крапинками звезд. Господина Юстуса подташнивало, болела грудь. Судья Эбберман, участливо поддерживая старого приятеля под руку, сказал:

— Жуткая ночь, все крутит, ломает. В такие ночи я всегда вспоминаю Оскара. Сидит он сейчас где-нибудь в открытом окопе, а кругом дождь, буря... Пятерых сыновей я схоронил, живу один как перст. Неужели же и последнего, шестого, отнимут у меня? Каждый день, когда звонит почтальон, я обмираю. Жду не дождусь письма от Оскара и в то же время боюсь получить весть от кого-нибудь из его друзей или товарищей... Ты, старина, гораздо счастливее меня, у тебя нет никого в этом адском котле, тебе не о ком беспокоиться. Верь не верь, но сколько раз бывало: сложу руки на груди, плачу и молюсь... потому что я так одинок. Никого сейчас у меня нет, кроме совсем чужой прислуги... В кои-то веки зайдет дочка с мужем проведать, мимоходом, на полчасика.

— Да, это... ужасно... ужасно... — пробормотал господин Юстус и тотчас подумал: в то время, когда его соотечественники так мучаются, он, как самый бессовестный грабитель наживается на добре, укра-

денном у несчастных солдат. Он громко всхлипнул и принялся ободрять судью: — Не надо представлять себе самое худшее! Там ведь миллионы людей, почему же пуля должна выбрать именно твоего Оскара?

— Ты прав, на фронте — миллионы, но там и убивают миллионами, — грустно вздохнул судья Эбберман.

Оба помолчали. В груди у Юстуса так закололо, что на глазах выступили слезы. Боль не унималась и не давала собраться с мыслями, они то и дело прерывались, угрожая рассеяться, исчезнуть. Он думал о своих странных настроениях за минувший день, о жене, которую он так сильно обидел, о братьях, с которыми встречался сегодня. Ему хотелось ободрить удрученного старого друга, молча шедшего рядом, и он сказал бы ему что-нибудь в утешение, если бы не одышка, беспрестанно донимавшая его самого. Обильные, теплые горько-соленые слезы текли по щекам Юстуса, капали с носа, попадали в рот. Трудно было идти против ветра. Ветер бил в грудь, в живот, ветер трепал пальто. У-у-у, мародер! — завывал ветер. Подлый грабитель, грабитель, грабитель... — твердил ветер. Рука судьи Эббермана, поддерживавшая господина коммерсанта, вдруг как-то странно уменьшилась, словно растаяла, и чуть было совсем не исчезла во мраке... а за нее надо держаться... Мимо прошла воинская часть? Куда? Разумеется, к вокзалу, куда же еще. Неожиданно из мокрой, ветреной и темной пустоты, поглотившей, казалось, все на свете, снова надвинулось лицо судьи.

— Молодые люди недальновидны. У Оскара было много возможностей избежать фронта, — сказал судья. — Но сын оказался слишком честным и слишком упрямым, к тому же хотел быть примером для кого-то... А ведь живем мы один-единственный раз, поэтому свою жизнь надо защищать любыми средствами. Достаточно было двух-трех пустяковых визитов — и сидел бы он сейчас в какой-нибудь тыловой канцелярии, где таких же парней видимо-невидимо, или был бы совсем освобожден от службы. Меня берет теперь сомнение насчет еще одного дела,

а именно: не оказал ли на него кто-нибудь дурное влияние в этом смысле? Ведь ты сам, старина, видел, как он волочился за кокетливой госпожой Лоренцзон. Вероятно, этой ненасытной жене Пентефрия понадобился герой, с которым она могла бы пококетничать. В то же время — и это ни для кого не секрет — Оскар должен был жениться на Айми-Ли, твоей племяннице. Да, современная молодежь слишком распущена и из-за этого платит в жизни слишком дорогую цену...

— У-г-у, — промычал господин Юстус. А судья, в отчаянии сжав его локоть, горячо продолжал:

— Разве плохо жилось бы ему сейчас? Айми-Ли была бы хорошей женой. Правда, девушка казалась чуть легкомысленной, но наверняка не испорченной. А легкомыслие в замужестве исчезло бы. И, главное, она была привязана к Оскару как... поистине любящая женщина. Теперь, однако, об этом говорить поздно. Наступит день, и получу я письмецо, какое получили уже сотни тысяч отцов и матерей. И скоро умру, как старый трухлявый пенёк... ты сам видишь, у дочки моей все нет и нет потомства. В письмах, которые мне посылал Оскар, он старался представить дело так, будто он вне всякой опасности. Да разве я не понимаю — ему хотелось только утешить меня. Но ведь это глупость, дело не во мне, а в нем самом.

— Конечно, в нем самом... — пробормотал господин коммерсант.

— Каждый вечер, ложась спать, я раздумываю и мучаюсь... — Эбберман, казалось, забыл о спутнике и говорил как будто только для себя. — Зачем я работаю? Скоро у меня не будет ни единого человека, ради которого стоило бы чего-то добиваться, копить... Люди должны были бы жениться, рожать детей, а не убивать и уничтожать друг друга. Если Оскар не вернется, я — последний отпрыск мужского пола в нашем роду... Нами двумя завершается целая длинная линия, получившая свое человеческое начало в седой древности, в какой-нибудь каменной пещере. А теперь точка. Вечное небытие! Братец, тебя прямо-таки трясет. Лучше бы нам взять извозчика.

— Нет, нет... ничего, — с трудом протянул Юстус, изо всех сил стараясь не стучать зубами.

Путники прибавили шагу и некоторое время шли молча. Миновав несколько темных улиц, они вышли к особняку господина коммерсанта. Судья Эбберман проводил друга до самой калитки, пожелал ему выздоровления и мгновенно исчез в густом тумане, ползущем с моря.

Господин Юстус долго шарил по карманам, наконец нашел ключи и попытался открыть дверь. Но руки у него дрожали, и пришлось изрядно потрудиться, пока это ему удалось.

Комнатное тепло и растворенная в нем смесь множества домашних запахов разом хлынули на вошедшего — казалось, на голову ему накинули плотный мешок. На цыпочках господин Юстус пробрался впотьмах по коридору, повесил в передней пальто, осторожно поставил в угол раскрытый зонтик, снял калоши. Потом он нащупал и открыл дверь в гостиную. В нос ударил острый запах пыли, и господин коммерсант поднял было руку, чтобы опять где-нибудь начертить крест. Но из-за жара его большое тело совсем обессилело. Плутая в темноте, он наткнулся на стены и мебель, опрокинул стул и застыл в ожидании, затаив дыхание и держа палец во рту.

Когда все снова стихло, господин Юстус побрел дальше. Добравшись наконец до двери в спальню, он нашел ощупью дверную ручку и осторожно, чтобы, упаси бог, не нашуметь, нажал.

Однако проникнуть в спальню ему не удалось — обиженная супруга заперлась на ключ. Лишь тогда Юстусу пришло в голову зажечь большую лампу на свинцовой подставке, которая, как он помнил, стояла поблизости — направо от двери.

Вспыхнула спичка, смоченный керосином фитиль медленно вобрал в себя ее огонек. Поднялось пламя, принявшее форму круга, и мягкий свет пролился на толстые шторы, закрывавшие окно. И господин коммерсант сейчас же заметил: здесь что-то произошло — нигде не было видно плотного слоя пыли, который еще несколько часов назад так страшно разозлил и разволновал его. «Э-ге-ге, куда же мне теперь сунуться с крестами?» — подумал он, устало

усмехаясь. При этом Юстуса обуяла сентиментальная радость, которую сменило трогательное умиление. Застылая взор, слезы побежали по его щекам. «Милая, милая Эммочка, ах ты, дорогая моя!». И решив, что до утра он не будет беспокоить добродетельную супругу, господин коммерсант, мучимый раскаяньем, быстро разделся и покорно лег на жесткий диван... как бы этим наказывая себя за свою глупость и невоспитанность.

Даже не погасив лампы, господин Юстус моментально заснул.

Глава четвертая

ПУСТАЯ СПАЛЬНЯ

Дурно спал этой ночью больной Юстус — его терзал сильнейший кашель, от которого ломило грудную клетку, и беспрестанно донимали нелепые сны. Какой-то большой черный петух преследовал его, будто это сам сатана захотел изловить господина коммерсанта... Юстус плакал, кричал, вопил, взывая к господу богу, но сам не слышал своего голоса. Что ни сон — все тот же преследующий его исполнский черный петух. Временами он кукарекал и острым как игла клювом долбил больного по голове. Все мешалось в ней под ударами черного клюва, которые насквозь — от груди до лопаток — пронзали тело острой болью.

Порой на короткое время он просыпался, тяжело дыша, и думал, что лежит в кровати. Потом ему примерещилось, будто откуда-то появилась пухлая перина и вдруг разлетелась на крохотные кусочки, которые закрутились вокруг него, плавая, словно льдинки в воде, в темном как ночь, тускло светящемся жире. Черный петух, подлетев совсем близко, превратился вдруг в белоснежного барана. Рога у него напоминали оленьи, а на ногах были конские копыта, вроде увесистых дубин. Потом баран обернулся тем же сатаной, что ловил господина коммерсанта, и внезапно начал бить копытами, отплясывая какой-то буйный танец. И вот уже не баран пляшет перед Юстусом, а полковник Квадратов лезет на шкаф с часами и произносит оттуда крикливую речь о том, что все, кто живет на исконной российской, то бишь на чухонской земле, должны кланяться ему и прислуживать... И снова Юстус бежит из последних сил, и снова молится, и снова как безумный вопит, призывая господа. А впереди какие-то узкие

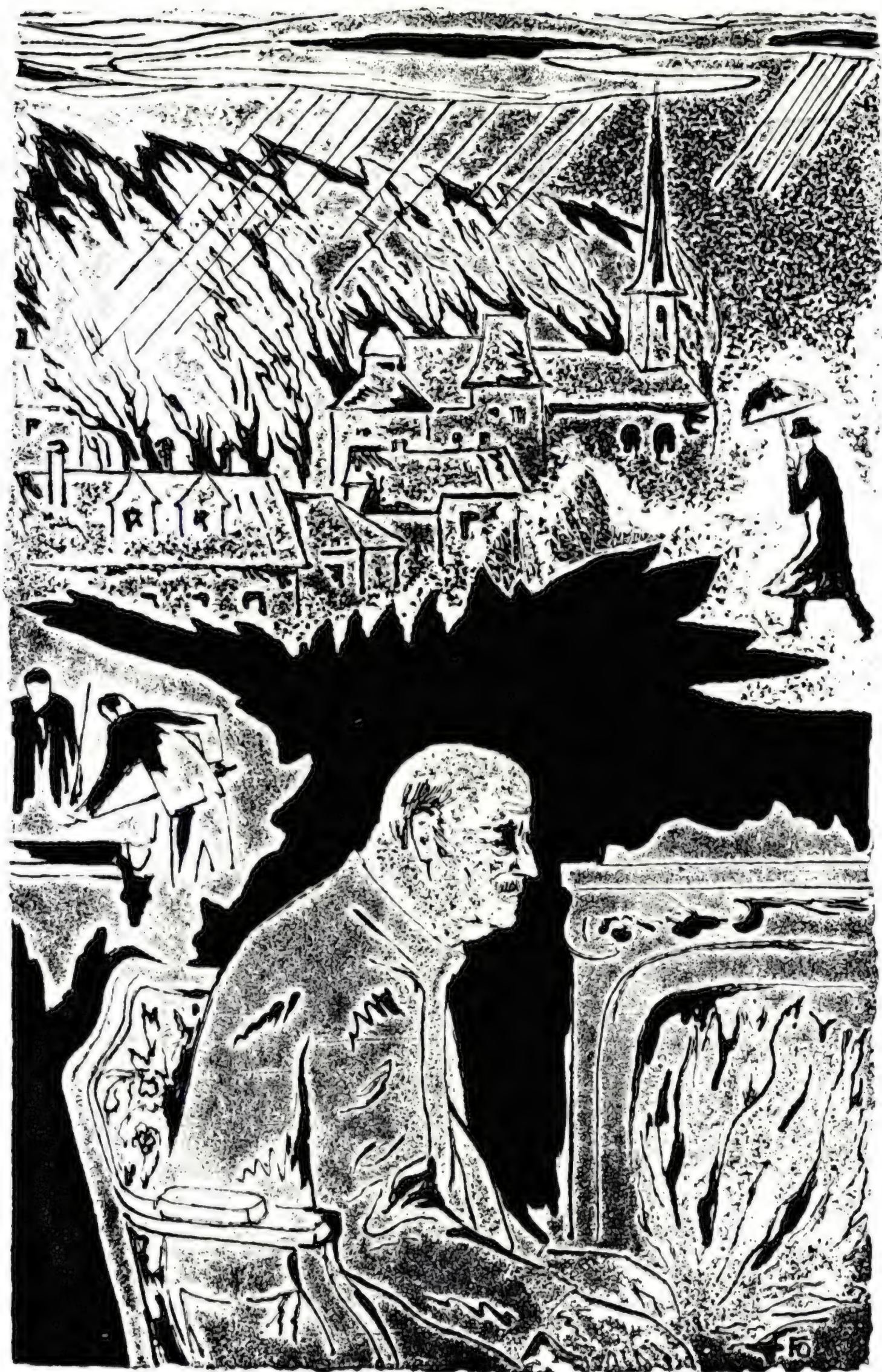
проходы, через которые надо ползти, задыхаясь и страшась, что упадешь, умрешь от нехватки воздуха...

В комнате было еще очень темно, когда тревожные сновидения окончательно покинули господина коммерсанта. Лампа, которую он забыл погасить, едва горела — в ней кончался керосин. Но все-таки Юстусу удалось различить, что время подходит к семи часам. В доме царила тишина, на улице по-прежнему моросил частый холодный дождь. Ценой больших усилий поднявшись на ноги, Юстус отдернул шторы и чуть не упал от необычайной слабости во всем теле: в кости, казалось, насыпали песка, залили их свинцом. Держась за стенку, он с трудом, громко кашляя, вернулся к дивану, колени ныли и подгибались, на лбу выступили крупные капли пота, холодного как лед.

За окном медленно светало. Дождливый мрак наполнился мерцающей пылью, которая соединила темное небо со столь же темной землей. Близкое море резкими толчками с огромной силой билось о берег, над бурной пучиной проносился влажный ветер с юга.

Хотя в комнате было тепло и даже душно, господин коммерсант не мог избавиться от препротивной дрожи. Судорожно зажмурив глаза и повернувшись лицом к стене, чтобы не мешал бледный рассвет, проникавший в комнату через залитые дождем окна, господин коммерсант попытался было снова уснуть. Однако из этой попытки ничего не вышло, и он снова разомкнул веки. Неожиданно пришла мысль о жене: стало быть, Эмилия в конце концов подчинилась его строгим и, возможно, несправедливым приказам. Она хоть и упрямец, но все же милая старушка — шутка ли, десятки лет прожили они бок о бок. Сегодня все, что окружало его в гостиной, пахло как-то особенно — свежо и чисто. Взмолванное воображение Юстуса рисовало ему во мраке поэтические картины: приходит Эмилия и видит, как он, тяжело больной и покорный, лежит на диване, за ним все ухаживают и жалеют его, а жена просит у мужа прощения за свои ошибки...

Время шло, море бушевало с прежней силой, и все

так же лежал господин коммерсант на своем жестком ложе. Не отводя глаз, он смотрел, как постепенно светлеет потолок, и внезапно впал в глубокое забытие. Придя наконец в себя, Юстус со страхом заметил, что над темной мебелью широко разливается дневной свет. Часы рядом с комодом пробили девять.

Жар у больного, видимо, чуточку понизился, господин коммерсант с большим трудом сел, поправил кальсоны и мелкими неверными шажками направился к двери, за которой спала его добрая подруга жизни, его дорогая, милая хозяйшкa, которой он вчера так сурово выговаривал. Да, так это и было... это он знал.

Юстус, склонив голову на бок, прислушался, проглотил слюну — першило в сухом горле, набрался смелости и наконец тихонечко постучался в дверь. Никакого ответа — в комнате по-прежнему стояла глубокая тишина. И весь дом оставался по-прежнему тих. Даже дети, которым пора было собираться в школу, спали, казалось, по своим комнатам, ожидая, что их разбудят, и не нарушали тишины. Господин коммерсант умиленно улыбнулся и подумал, что такая же глубокая тишина царит, вероятно, в улье, когда матка, ведающая всей пчелиной жизнью, случайно или нарочно забывает свои обязанности...

Юстус немного подождал и затем нажал на ручку, надеясь, что жена давно уже отомкнула дверь и теперь посмеивается, слушая, как нервничает супруг. Однако дверь оказалась по-прежнему запертой!

«Господи, не случилось ли что-нибудь ужасное, что-нибудь такое, чего уже вовек не поправить?..» Придя в отчаяние от такой мысли, он представил себе, как жена лежит мертвая, нож вонзен прямо в сердце, волосы рассыпались по подушке. Затем он увидел, что жена отравилась, ужасные судороги исказили лицо, глаза выкатились из орбит. Только исчезла эта картина, как в воображении возникла новая: белая рука свесилась с постели, вены на запястье вскрыты, меж пальцев тонкими ручейками стекает кровь...

Вся эта игра лихорадочного воображения повергла господина коммерсанта в полнейшее смятение. От

страшной слабости он едва держался на ногах. Спальня безмолвствовала, и ужас возрастал с каждой минутой. Он принялся трясти дверь, бил кулаками по медной ручке, ударил ногой, прислушался, потом снова тряс, бил, толкал.

— Господи, господи, не введи нас во искушение, — повторял он высоким, дурным голосом, сознавая при этом, что скулит совсем как беспомощный больной пес Неро.

Лишь только ему пришло в голову это нелестное сравнение, как господин коммерсант услышал за спиной чьи-то шаги. Вошла прислуга и испуганно уставилась на хозяина, по лицу которого текли крупные капли пота, стыдливо пытаясь придержать кальсоны на приличной высоте, господин коммерсант хрипло спросил:

— У вас есть... есть у вас... топор?

— Топор? — переспросила полная девушка, робко держа руки под полосатым передником. Она, вероятно, решила, что хозяин помешался и хочет кого-то убить.

— Да, топор, черт возьми! — завопил господин коммерсант. — Не видишь, куриная башка, там... что-то случилось! А дверь... заперта! Топор, топор давай, слышишь! Топора у вас нет, что ли, черт бы тебя побрал! Чем еще разбить этот проклятый замок!

Прислуга, побледнев, боязливо подошла поближе и в свою очередь осмотрела дверь, которая не желала отворяться. Девушка привычно наклонилась к замочной скважине, на миг забывшись в присутствии хозяина, и сразу обнаружила то, чего он не заметил. Не удержавшись от легкой усмешки, тронувшей ее красивые, чуточку слишком пухлые губы (господин коммерсант, несмотря на волнение, видел все это совершенно ясно), прислуга сказала:

— Барин, наверно, не разглядели ключа — вот он торчит. Снаружи... значит. Барыня, наверно, в город ушли.

— Ключ... ключ... снаружи... с этой стороны? — пробурчал господин коммерсант и залился краской до самых ушей. Нервное напряжение сразу отпустило старика, и он снова почувствовал себя очень

слабым и больным. Он с трудом вздохнул, закашлялся, сплюнул в платок немного крови.

«Кровь, господи боже!» — подумал он. Безднадежность и тоска обуяли господина Юстуса, но он предпочел разыграть перед девушкой возмущение, чтобы скрыть за этим нечто другое, угнетавшее его. — Снаружи? Ключ? Откуда же, черт подери, я мог видеть ключ? У меня же нет привычки, как у вас, подглядывать в любую щель! — Однако тут же добавил с обычным добродушием: — Барыня вечером плохо себя чувствовала, поэтому я и устроился тут на диване. Мне как будто... слышался... чей-то голос...

— Да, барыня, вероятно, ушла в город, — сказала прислуга и исчезла в кухне.

Господин коммерсант проковылял к дивану; ему опять стало страшно холодно. Дрожа, он огляделся — нет ли чего-нибудь теплого укрыться — и, не найдя ничего более подходящего, снял с дивана тонкий чехол пыльного цвета и закутался в него.

Несмотря на это, дрожь была Юстуса все сильнее и сильнее. От такого мучительного состояния он в конце концов озлобился и с досадой подумал, что, перед тем как приняться за дневные дела, жена не нашла для него ни одного ласкового слова. Упрямая старуха, только и думает о собственных интересах.

На очень короткое время — на миг, на один миг — больной заснул и сразу увидел во сне каменный дом высотой до самых облаков. Едва передвигая ноги, он с невероятными усилиями взобрался по лестнице. Кто-то окликнул его, и, открыв глаза, господин коммерсант увидел склоненное над ним темное белозубое лицо, которое расплывалось в широкой улыбке. Юстус до того перепугался, что у него захватило дух, он попытался сесть и вслух произнес:

— Уйди, уйди прочь... искусьитель! Я не хочу! Уйди!

— О-го-го, хе-хе-хе, — засмеялось черное лицо и, показав белоснежные зубы, растворилось в воздухе.

Тогда кто-то сидевший в глубоком кресле встал и голосом брата Ханса сказал:

— Ну, старина, ты никак совсем расхворался?

— Должно быть... простудился, — прокряхтел господин Юстус.

— Какого черта ты лег на это узкое татарское седло? — спросил доктор Кубелик.

— Я... очень поздно вернулся домой... и не хотел никого беспокоить, — пояснил господин Юстус.

Доктор поднялся и сел рядом с больным. Сам он тоже выглядел сегодня крайне усталым. Вынув из кармана большие серебряные часы, он прижал большой палец к потному запястью господина коммерсанта, насупил брови и принялся внимательно считать пульс. За последние два-три дня доктор осунулся, широкие скулы, казалось, раздались еще шире, длинный нос заострился, углы рта горестно опустились. Порою он закрывал глаза и будто подремывал. Отпустив руку брата, он положил часы в карман и серьезным тоном сказал:

— Пульс в общем неплохой. А теперь послушаем-ка, о чем говорят легкие. Дай-ка, пожалуйста, этот носовой платок. Так, так! Кровь! Наверно, колет в груди? С какой стороны? С правой, с левой? Под ключицей?

— Везде, брат, везде... — попытался пошутить Юстус.

Доктор Кубелик по-прежнему был серьезен. Он прижал ухо к по-бабьи пухлому телу Юстуса и, затаив дыхание, слушал. Сухая голова доктора медленно двигалась то туда, то сюда, он велел брату то глубоко дышать, то кашлять. Нахмутив брови, доктор снова и снова приказывал больному то дышать, то кашлять. Потом резко и взволнованно выпрямился, глянул, прищурившись, в серую муть окна и произнес с профессиональным равнодушием, которое заставило старшего брата невольно вздрогнуть:

— Да, это воспаление легких. Думаю, ты знаешь, что это значит. Будем надеяться на лучшее. А пока: горчичники, компрессы на бока и спину, и покой, покой, покой. Я зайду вечером. Если до этого станет хуже, сообщи мне. Ты старый человек, и я хочу тебя предупредить, что так легко это не пройдет. Но для паники тоже нет оснований. Ну, а теперь перебирайся сразу же в спальню. Такой диванчик не для больных, он не намного шире, чем спина ослицы, на

которой Христос ехал в Вифлеем. Твоя супруга еще спит?

— Нет... она куда-то вышла... — ответил господин коммерсант Кубелик.

— Ладно. Тогда я сам помогу тебе, — решил доктор.

Однако господину Юстусу было хорошо лежать на диване, вернее, он боялся пошевелить рукой или ногой — приступы кашля были теперь очень мучительны, и ему не хотелось, чтобы они возобновились.

— Хорошо, Хансик, — сказал он как можно тише, — я скоро переберусь. А пока потолкуем тут немного. Мне, знаешь, очень скучно...

— Тебе не следует много разговаривать, — ответил доктор Кубелик.

Настало молчанье.

— Дьявольски плохи у меня дела в последнее время, — начал Юстус, словно прося у кого-то извинения и опять пытаюсь шутить: — За что ни возьмусь, все идет вкривь и вкось. Ругаюсь то с тем, то с другим, заключаю сделки, которые, правду говоря, впору какому-нибудь негодяю-спекулянту... а теперь под конец и вовсе свалился. Тьфу! А ведь я был...

— Ну, заболеть — это еще не значит помереть, — успокоил брата доктор Кубелик и неожиданно вспомнил о той греховоднице — солдатской женке, которой он вчера помогал рожать и которая тоже боялась смерти. — Однако недели две-три придется полежать в постели.

— Две или три недели? — Юстус притворился испуганным, хотя ему в общем было все равно.

Доктор Кубелик сложил руки на коленях и подумал о том, что, по-видимому, передачу плохих известий надо отложить. Надолго ли? Возможно, на вечные времена: за свою долгую врачебную практику он достаточно навидался случаев воспаления легких, чтобы определить, насколько тяжело данное заболевание. Таким образом Пауль, этот молодой негодяй, бессовестный мальчишка, который любит разыгрывать наглого прожигателя жизни, — снова избежит столь заслуженной головомойки... События прошлой ночи глубоко потрясли доктора, до самого утра

он не мог заснуть и сюда пришел лишь для того, чтобы рассказать старшему брату о неприятной истории с Кязэриком.

Доктор Кубелик посмотрел на часы — да, времени в обрез, надо торопиться, чтобы вовремя поспеть в госпиталь. С вялой дотошностью смертельно усталого человека он решил, что в будущем все же потребует казенного кучера, который возил бы его по всем служебным делам. Тяжелое пыхтение больного брата раздражало доктора, как и вообще все в этом грешном мире. Он спрятал часы, медленно поднялся, пустым взглядом окинул окно, по стеклам которого струились дождевые потоки, и решительно сказал:

— Все-таки соберись с духом и встань. Я сумею помочь тебе лучше, чем женщины. Пойдем, старина!

— Мне... мне и здесь хорошо, — ответил господин Юстус.

— В постели будет еще лучше, — нетерпеливо сказал доктор Кубелик.

Господин Юстус беспрекословно подчинился, спустил ноги на пол, нашарил туфли. Он обливался потом, тяжело дышал и кашлял, кашлял. Встав со своего ложа, господин коммерсант зашатался и лишь с огромными усилиями обрел равновесие. Передернув жирными плечами, он снова опустился на диван и как ребенок, который вот-вот закапризничает, плаксиво затянул:

— Мне холодно... Я не хочу!..

— Хорошо! Полежи еще чуточку, я принесу тебе одеяло прикрыть плечи, — предложил доктор Кубелик.

— Ключ с этой стороны. Отомкни дверь, там никого нет... — пробормотал Юстус. — Не стучи... не надо... входи сразу, без стука. У-ух, холодно!

— Потерпи, в кровати согреешься. А не то обложим горячими бутылками, — сказал доктор.

С этими утешительными словами он повернул ключ, распахнул дверь в спальню и переступил порог. Здесь было светлее и приветливее, чем в гостиной. Пахло чем-то приторным, но не противным. Увидев аккуратно застеленную кровать, доктор вспомнил госпожу Няэлик и на сердце у него потеп-

лело. Намокшие листья клена кружились за окном, липли к мокрым стеклам, пролетали в мутно-сером тумане, как большие, вселяющие тоску дождевые бабочки. Каждая вещь в спальне с какой-то щепетильной аккуратностью была положена на свое место и, казалось, весело улыбалась. Только дверца платяного шкафа стояла приоткрытой, точно оскаленный рот, готовый разразиться бранью.

Доктор Кубелик уже собрался было подойти к кровати, чтобы снять одеяло, за которым он и пришел, но тут его взгляд случайно упал на конверт, лежавший на ночном столике. Без всякого определенного намерения он рассеянно повертел письмо в руках и прочел, кому оно адресовано. Узнав почерк госпожи Эмилии, написавшей на конверте имя его брата, доктор Кубелик сразу насторожился. «Комнаты, в которых ночью спали, пахнут совсем иначе... совсем иначе», — подумалось ему. И так как конверт не был заклеен, доктор вынул из него вчетверо сложенный лист. Сверху донизу бумага пестрела мелко написанными строчками, большая часть которых заканчивалась многоточием или восклицательным знаком.

Доктор начал читать — ведь больного брата надо уберечь от всяких треволнений, — но тут же вынужден был быстро придвинуть стул и сесть, так как прочитанные строки оглушили его, точно удар кулаком.

Когда доктор Кубелик через несколько минут вернулся в гостиную, Юстус опять спал. Он выглядел очень жалким — бесформенная пылавшая жаром гора мяса, из нутра которой непрестанно слышался хрип. Густые обвислые усы шевелились при каждом вздохе, лицо побагровело, а маленький толстый нос и широкий подбородок жирно лоснились. Доктор Кубелик потряс Юстуса за руку:

— Ну, старина, пойдем-ка в спальню. Я принес тебе одеяло.

Говоря это, он не мог думать ни о чем на свете, кроме письма, которое он тщательно спрятал во внутренний карман.

Господин коммерсант вздрогнул, открыл глаза, с усилием встал, накинул на себя ватное одеяло, как плащ, и словно читая мысли младшего брата, прошептал:

— Значит, моя Эммочка еще не вернулась. Скверно, братец... правда? А может, она удрала от меня, ха-ха-ха! Это было бы мне поделом, я ведь вчера накинулся на нее, как сатана. Ой, ой, до чего же я все-таки ослаб за одну-единственную ночь... — Он виновато улыбнулся. — Даже ноги... сгибаются... точно складной нож. Ты... еще сегодня... проведешь меня? Черт возьми, каким долгим кажется этот путь...

— Ничего, скоро поправишься... — буркнул доктор Кубелик, изо всех сил стараясь подавить тихую дрожь в голосе.

— Если бы только Эмилия простила меня и поухаживала за мной, — сказал господин Юстус. — Я... я... вчера очень грубо обошелся с нею... Вот так... спасибо, брат... мне теперь... малость полегчало... По правде говоря, я должен бы и тебе устроить основательную головомойку, потому что... — Жестокий приступ кашля прервал больного на полуслове, а острая боль заставила согнуться. Он поднес пальцы ко рту и выпачкал их кровью. Снова виновато улыбнувшись, Юстус провел кончиком языка по высохшим губам, словно был вынужден этим открывать дорогу каждой фразе.

Доктор Кубелик старался решить — что ему делать с прощальным письмом, шелестевшим у него в кармане.

А господин коммерсант, прокашлявшись и переведя дух, снова шепотом обратился к доктору. Щеки у больного пошли красными пятнами от усиливающегося жара.

— Да, нужно бы устроить тебе, братец, хорошую головомойку. Не ты ли натравил меня на мою любимую и добрую супругу... Я внял твоим словам, пришел домой и... давай разыгрывать деспота. Так и поссорились. Когда я поздно вечером ушел в клуб, она взялась за уборку да так, что все... заблестело, совсем как раньше. Погляди-ка, найдешь ли где-нибудь хоть пылинку. Дудки — не найти тебе! Рисуй

кресты где хочешь. Рисуй, рисуй, пожалуйста! Да, можешь их чертить сколько угодно, ничего тебе не поможет. Я представляю себе, представляю, как вле-тело прислуге за весь этот беспорядок. Холодно, хо-о-лод-но. Хотя бы Эмилия наконец вернулась! Она вскипятила бы мне чаю... горячего чаю...

— Вскипятить чай может и кухарка, — сухо вато ответил доктор Кубелик, а затем, пожелав брату поскорее поправиться, пошел отдать прислуге кое-какие распоряжения.

Вскоре после этого он поспешно направился домой, по телефону позвонил в госпиталь и сообщил, что придет сегодня с опозданием на час.

Глава пятая

ДОПРОС

Покинув больного брата Юстуса, доктор Кубелик сразу же пошел к Хенрику. Всю дорогу он напряженно думал о том, каким образом напасть на след убежавшей госпожи Эмилии и привести ее обратно домой. Пока ничего на ум не приходило.

Но здравый смысл подсказывал ему, что следует как-то выручать Юстуса, что надо поспешить на помощь хорошему старикану, что необходимо, призвав на помощь весь свой житейский опыт, подлатать кровлю, под которой старший брат доживает свои деньки. Сейчас эта кровля семейного очага грозит обрушиться. Не найдя более разумного выхода, доктор решил откровенно поговорить с Хенриком и его женой, рассказать им все от начала до конца.

— Прочти, пожалуйста, и решай быстро! — глухо сказал он, протягивая брату Хенрику письмо Эмилии. — Сам Юстус тяжело заболел, и нам нужно распутать это дело без него и без его ведома.

Хенрик, отдыхавший после плотного завтрака, быстро вскочил, сел, нацепил очки и, сдвинув брови, принялся внимательно читать письмо. И чем дальше он читал, тем больше вытягивалось его худое лицо, тем становилось растеряннее. Сейчас он походил, по мнению доктора Кубелика, уже не на тощую птицу (как раньше), а скорее на рыбу, шевелящую острыми плавниками. Хенрик не проронил ни слова, даже ни разу не моргнул — только жадно вчитывался в письмо. Закончив чтение, он на минуту закрыл глаза, сложил руки на коленях, затем испытующе поглядел поверх очков и произнес каким-то изменившимся, надтреснутым голосом, который напоминал шуршание толстой твердой бумаги:

— Черт возьми!.. Это же безумие! Это... это... больше чем безумие!

— Для меня и для тебя — безумие, а для этой старой дуры — нисколько. — У доктора Кубелика шея и щеки пошли пятнами от волнения. — Теперь ты сам видишь, к чему привела вся эта шумиха, вся эта пустая возня. Пожилая женщина, у которой уже взрослые дети... эх! Ты только послушай: ее не понимали! Только послушай... ее души не ценили, ее внутреннее «я», видишь ли, ужасно страдало! И не раз, и не два, и от того, и от этого. Нет, ты погляди: ее, дескать, не считали полноценным человеком, обращались с ней — тут, брат, наостри уши! — как с презренной рабыней! До сих пор она, мол, терпела, но вчера чаша терпения переполнилась. И она, слава богу, нашла себе верного и преданного друга, который понимает ее, который ни за что на свете не обидит ее, не оскорбит, который готов... обрати внимание! Носить ее на руках, пушинки с нее сдвигать! Боже мой, до чего все это гнусно! Просто разит вонью от этой истории. Женщине под пятьдесят, а она бежит от мужа к любовнику! Женщина, которая до сих пор была самых строгих правил, как это заведено в семьях наших онемечившихся сородичей! И вся эта грязь, все обломки домашнего очага грозят обрушиться на бедного брата именно сейчас, когда он нуждается в покое и тишине больше чем когда-либо за всю свою долгую жизнь! Он болен, тяжело болен, я очень опасаюсь за его сердце: такие полные люди, как Юстус, редко выдерживают высокую температуру. Я убежден — если ему рассказать обо всем случившемся, его тут же хватит удар. Вот ты и скажи, что мне делать! С какого конца начинать, чтобы как-то управиться со всей этой чертовщиной.

Хенрик пожевал губами. Он как будто напряженно думал. Глаза его за стеклами очков беспокойно поблескивали, взгляд скользил по сторонам. Наконец он вложил письмо обратно в конверт, отдал брату, поднялся и сказал:

— Вот так история! Тьфу! С какого конца тебе начинать? Гм... а я откуда знаю. Сам видишь — никакого адреса, куда пташечка полетела, неизвестно. А что с Юстусом? Почему нельзя ему сказать об этом?

— Воспаление легких в тяжелой форме, — коротко ответил доктор Кубелик. Заложив руки за спину и со злости похрустывая пальцами, он продолжал: — Адрес здесь не указан, но я думаю, что мы его узнаем. Безусловно есть люди, которые кое-что замечали. Из ее дурацкого письма можно понять, что этот негодяй — кто-то из деятелей по части благотворительности. Жена твоя дома? Нам придется ее немножко допросить.

— Это верно, так и надо сделать, — согласился Хенрик после короткого размышления. Сердито наморщив лоб, он подошел к двери и вдруг выпалил как из пушки: — Розалия! — Ответом было молчание. — Р-роза-лия! — еще более нетерпеливо прокричал Хенрик. Молчание. Тогда, гневно топнув ногой, он гаркнул в третий раз: — Розалия! Жена! Не слышишь, что ли, когда тебя зовут?

Доктор Кубелик криво и зло усмехнулся, подумав, что не удивится, если и эта пятидесятилетняя красotka удерет из дому.

Никто в квартире не откликнулся, вся молодежь, видно, ушла. «Если б хоть Айми-Ли была дома», — подумал доктор и сел на диван. Брат Хенрик, ворча себе под нос, снял почему-то домашнюю куртку и в одной рубахе пошел по комнатам.

Вскоре откуда-то слышались раздраженные голоса споривших между собой людей. Брат Хенрик, покрасневший от злобы и волнения, опять начал громко звать жену.

Наконец Розалия, ковыляя по-старушечьи, показалась в дверях, сделала вид, что крайне удивлена, и сердито спросила:

— Ну, чего ты тут разорался?

— Чего я разорался? — вспыхнул Хенрик. И тотчас же задал короткий, видимо, продиктованный ревностью вопрос, заставивший доктора Кубелика снова горько усмехнуться:

— Куда ты ходила?

— Куда ходила? А куда я, по-твоему, могла ходить? — еще строптивее ответила Розалия. — Правда, скоро дни Эмилии и Юстуса. Но я могу тебе сказать, где я была: ходила относить пакеты с подарками. Доброе утро, господин доктор! — С этими сло-

вами она повернулась спиной к супругу и протянула гостью руку.

— Пакеты? Какие пакеты? — насторожился Хенрик.

— Боже милостивый, неужели ты, дорогой муженек, не знаешь, о каких пакетах идет речь! Конечно, о тех, которые мы тут вчера готовили, — уже несколько подробнее пояснила Розалия. — Мы скоро займемся их раздачей, а сегодня был последний срок сдавать их в общий фонд. Ну и все. — Тут, снова обратясь к гостю, Розалия сказала с упреком: — Видите ли, милый господин доктор, именно вы...

— Не приставай к человеку, ты... черномазая мамба! — рявкнул Хенрик и со злостью ткнул жене полученное от брата письмо. Что же касается экзотического термина в обращении к ней, то Хенрик, видимо, заимствовал его из недавно прочитанной увлекательной книги путешествий.

Госпожа Розалия засеменила к окну. Как только она прочла первые фразы, вся ее воинственная самоуверенность исчезла. Ища опоры, она ухватила за спинку стула. Поднесла руку ко лбу, рассеянно сдвинула шляпку на бок, забыла поправить, даже рта не закрыла. У нее, видно, подкосились ноги: подойдя к кушетке, Розалия опустилась на нее так расслабленно, что, казалось, все ее тело вот-вот упадет на части. Губы ее задрожали, на розовато-желтом от пудры носу проступили бисеринки пота. Вдруг она расплакалась, странно и смешно повизгивая. От плача у нее мигом распух рот, мокрый и жалкий. Кое-как переведя дух, выпучив глаза, круглые, как у совы, Розалия хрипло пролепетала:

— О господи боже... господи... господи!

— Заладила: господи, господи! — оборвал ее Хенрик. — Помолчи, не ной, это не поможет. Так вот вы кто, гадючье племя! Вот в чем ваша благотворительность — в рас-рас-путстве! Перебить бы вас всех! Говори сейчас же, что тебе известно насчет этой истории! Ну, выкладывай!

— Ничего я не знаю... совсем ничего, — запинаясь ответила Розалия и снова ударилась в слезы. — Чтобы она, Эмилия?... Пресвятая богородица! Она,

Эмилия... Госпожа Лоренцзон... или какая-нибудь другая женщина... это еще куда ни шло...

— Вот тебе и «боже мой!» — прикрикнул на жену Хенрик. — Не верещи, все равно не поможет. И не прикидывайся, будто тебе ничего неизвестно. Все говори, все как полагается. Старик Юстус заболел, его нельзя волновать. Мы сами должны разыскать эту корову и на веревке притащить обратно в хлев... и накрепко привязать — к столбу или крюку. К кому она ушла? К кому она ушла? Кто это у вас такой бык, что даже бабушек обольщает? Тьфу! Даже говорить противно. Ну, говори!

— Я... я... право не знаю! Дорогой, поверь мне — правда не знаю! — бормотала Розалия.

Однако по лицу ее ясно было видно, что она все же кое-что знает. И доктор Кубелик спросил в свою очередь, стараясь подойти к вопросу с виду самыми невинными путями:

— Может быть, вы замечали, кто увивался вокруг Эмилии или кто нравился ей? Или, скажем, позволяла ли она кому-нибудь иногда провожать ее домой? Ну, как это водится среди светских людей... Или же, скажем, ходила ли она с кем-нибудь в кино?

— Нет, нет, ничего я не знаю, ничего! — возражала госпожа Розалия.

Хенрик, нервно подтягивая полосатые пижамные штаны, перешел к угрозам:

— Ах так, не знаешь? Ну погоди же ты, м-амба! Мы из тебя правду добудем, заставим говорить! Хоть клещами, а вытащим!

— Может быть, она иногда рассказывала, что тот или другой мужчина развлекал ее шутками? — снова задал вопрос доктор Кубелик. — Припомните, госпожа Розалия, не говорила ли она о чем-либо подобном? Не звала ли она вас порою на прогулку и не встречался ли вам тогда, разумеется, совершенно случайно, какой-нибудь знакомый господин? Я искренно буду вам благодарен, если вы не станете ничего скрывать. Как Хенрик уже говорил вам, Юстус тяжело болен и этот удар может стоить ему жизни.

— О господи! — завопила госпожа Розалия и, по-видимому, тут же приняла какое-то решение. Она

заговорила так быстро, что доктор Кубелик едва успевал следить за ее словами. Торопясь и брызгая слюной на стоящих перед ней мужчин, она принялась рассказывать:

— Так вот, значит, что-то подобное я и правда подмечала. Однажды, к примеру, позвала она меня прогуляться, и тут же нам навстречу... господин Няреп. Вы его, наверно, не знаете. Очень хороший человек, работает... где-то в учреждении. С женой давно уже разошелся... ему всего лет сорок. А в другой раз... через недельку, только мы вышли погулять — и опять он подходит. Почти что у самой калитки Юстусова дома. А больше... я, правда, ничего не замечала. Только вот...

— Бред какой-то! Яснее! — крикнул Хенрик.

— Несколько дней... назад... я столкнулась с ними в магазине... — Госпожа Розалия опять принялась горько всхлипывать. — Но не могу... не могу сказать наверное. Может я... ошиблась. Господина Нярепа я видела определенно. А его дама... повернулась ко мне спиной и юркнула в гущу покупателей. Вы... вы... знаете, господин доктор, что я ... я... очень близорукая...

— Близорукая! На всякое распутство небось не близорукая! — опять вскинулся Хенрик, и в словах его сквозила та же мальчишеская ревность.

Доктор Кубелик, сохраняя внешнее спокойствие, спросил:

— Значит, вы считаете, что этот господин Няреп и есть наш местный современный Парис?

— Да... я думаю. Но зовут ли его Парис, не знаю... — пролепетала Розалия.

— Дура! — процедил Хенрик и задышал часто-часто.

Доктор Кубелик с минуту задумчиво поглядел в окно и снова обратился к Розалии.

— Жаль, очень жаль, что вам больше ничего не известно. У меня ужасно мало времени, пора идти в госпиталь. Поэтому будет весьма кстати, если вы сами, уважаемая невестка, сообщите Эмилии, что ее муж умирает и что ей необходимо возвратиться домой. Вы знаете, где проживает этот, как его... господин Няреп?

— Я? Господь с вами! Нет, нет! Отец небесный, откуда мне знать! — воскликнула Розалия.

— Знаешь, змея! — прошипел Хенрик.

— Поверь, муженек, золото мое, ну правда, не знаю. Они... раза два приглашали... зайти к ним, но...

— Кто приглашал тебя раза два? — И Хенрик так порывисто вскочил, что стул опрокинулся.

Понимая, что проговорилась, госпожа Розалия попыталась спастись, пустившись в длинные и путанные пояснения.

— Ох, не думай ты, милый мой муженек, ничего дурного. Всю жизнь был ты у меня единственным, и сейчас такой же! А дело было так, что... видишь ли, наши люди иногда устраивали вечера чаепития. Совсем невинные вечера. Обменивались новостями, беседовали... играли в какую-нибудь простенькую светскую игру... Такие вечера бывали и у господина Нярепа... Но у него очень маленькая квартира, всего две комнаты, поэтому он не мог пригласить сразу много гостей, а делал это с выбором. И чтобы те, кого не позвали, не рассердились на него, он устраивал... устраивал такие вечера большей частью втайне. Но что в этом дурного? Ведь и у нас тоже много раз... собирались.

Доктор Кубелик спросил:

— Итак, у господина Нярепа всего две комнаты? Как видно, он не богат. Но если у него такая теснота, куда же он вас рассаживал?

— Ну, не так уж тесно... — мямлила госпожа Розалия. — У него есть хороший диван... и стулья тоже...

— Ах, диван! Ну, тогда понятно. Такой же величины, как здесь у вас? — расспрашивал доктор.

— Ух, черт... черт!.. — скрежетал зубами Хенрик.

Розалия поняла, что опять сболтнула лишнее, и уперлась на своем:

— Такой же, как здесь? Откуда мне знать, господи боже! Я же говорила, что...

— Молчи, змея! — повторил Хенрик.

Прибегнув к испытанному способу самозащиты,

Розалия громко зарыдала. А доктор Кубелик, искоса поглядывая на старые стенные часы, продолжал:

— Жаль, что вы не знаете, где живет этот господин Няреп. Если нам не удастся быстро вернуть Эмилию домой, Юстус через несколько дней наверняка умрет. Ничего не поделаешь, значит, дело и дальше пойдет так же, как началось.

— Ой, ой! — запричитала госпожа Розалия и, по-видимому, снова что-то передумала. Боязливо поглядывая на мужа, она сказала:

— Я попробую... припомнить... Как сквозь туман видится... Наверно, я слышала от кого-то... Обождите... обождите!

Доктор Кубелик, которому опротивела эта гнусная комедия, едва сдерживал гнев, но все же сумел хитро подтолкнуть притворщицу:

— Может быть, этот господин Няреп самолично дал вам свой адрес? Ну, скажем, когда он пригласил вас на вечерний чай? Постарайтесь припомнить — давал, не правда ли?

Женщина тотчас ухватилась за протянутую ей соломинку:

— Верно, верно! Он живет по Кюновской, номер... Вот номера я уже не помню. Но вы его и так найдете! Большой серый дом, первый подъезд, на втором этаже по левую руку. Звоните... три раза: два длинных звонка, один короткий. Дзы-ынь, дзы-ынь, дзыннь — вот так. Он говорил нам про звонки, когда приглашал на чай. К счастью, я вспомнила сейчас, хотя... сама туда... и не ходила...

— Врешь, змея! — взвыл Хенрик и треснул кулаком по столу.

— Милый мой муженек, послушай! Мне ведь уже пятьдесят пять! — жалобно тянула Розалия.

— Врешь, змея! — повторил Хенрик.

Но доктору Кубелику уже некогда было сидеть здесь. Он быстро встал, пожелал всего хорошего и поспешно вышел.

Когда он с шумом захлопнул за собой дверь в коридоре, до него долетел звонкий визг, тотчас перешедший в истошные вопли.

Глава шестая

ДОКТОР КУБЕЛИК ПРИМЕНЯЕТ НАСИЛИЕ

Когда доктор Кубелик вышел на Кюновскую улицу, еще не было и одиннадцати часов. Он так устал от быстрой ходьбы, что вынужден был довольно долго простоять у магазинной витрины, чтобы перевести дух и отдохнуть. Выкурив папиросу, доктор бросил окурочек в водосточную канавку, мельком глянул, как его унесла пенящаяся вода, и открыл тяжелую, намокшую дверь.

Торопливо поднявшись на второй этаж, он остановился перед белой табличкой с фамилией жильца, судорожно сжал губы и позвонил так, как требовал условный сигнал: два длинных звонка, один короткий. Затем прислушался, склонив голову набок и затаив дыхание.

Прошло несколько минут, прежде чем он услышал тихие шаги, приближавшиеся к двери. Доктор снова позвонил, на этот раз еще осторожнее и сдержаннее.

Вдруг в замке повернулся ключ. Доктор, не медля ни минуты, всей своей тяжестью налег на дверь и в следующее мгновение оказался лицом к лицу с одетым в полосатую пижаму мужчиной средних лет, который испуганно уставился на вошедшего.

Доктор Кубелик злорадно усмехнулся, зубы у него угрожающе обнажились: по-видимому, он ударил хозяина дверью по лицу, потому что толстый нос у того мигом покраснел. Где-то в комнатах послышалась суматошная беготня. Застигнутый врасплох обольститель наконец собрался с духом; с деланной воинственностью сунув руки в карманы брюк и нахмурившись, он спросил:

— Что это значит, сударь?

— А вот что! — И доктор Кубелик поднес свой костлявый кулак к самому носу лысеющего бонви-

вана. — Пиявка! Альфонс! Прочь с дороги, если не хотите, чтобы вас пришибли на месте. Я пришел сюда, чтобы доставить вашу любовницу домой... Понятно?

Светло-голубые глазенки господина Нярепа выдали его испуг, они забегали, как у зверя, попавшего в капкан. И так же, как у зверя, оказавшегося в ловушке, у господина Нярепа не хватило смелости спокойно пойти навстречу судьбе. Вместо того чтобы предпринять нечто решительное, он попытался отрицать. Изображать отвагу оказалось не легко. Губы у Нярепа одеревенели, двигались с трудом, и вскоре он уныло забормотал:

— Послушайте-ка... видите ли... Здесь никого нет! Я совсем один... Вы ошибаетесь, милостивый государь... я... я... сегодня чуточку опоздал на работу. Мне... нужно... сейчас же уйти... Вы ошибаетесь, ваше высокоблагородие.

— Не валяйте дурака и помолчите! — сказал доктор Кубелик, силой оттолкнул Нярепа и шагнул к двери, ведущей в комнаты.

Лысый донжуан еще раз попытался удержать его. Они столкнулись, опрокинув стул. Маленькая проходная комната, где произошла эта короткая схватка, была пуста. Господин Няреп пятился и без умолку верещал, что-то сбивчиво объясняя и сетуя на печальную долю вдовца. Неожиданно он споткнулся о загнутый край ковра и плюхнулся на пол. Доктор Кубелик пнул хозяина ногой и большими шагами проследовал к другой двери. На полосатой пижаме господина Нярепа остался грязный след, а на руке, оцарапанной сапожными гвоздями, проступило несколько капель крови.

Напуганный до смерти обольститель попробовал было подняться, однако доктор хватил его тростью по темени, и тот снова уселся на пол. Подняв руки, он пытался защититься от метких ударов, охал и вопил высоким, звонким голосом.

Он с каждой минутой приобретал все более жалкий вид — ничтожный плут, пожелавший кое-что подзаработать среди всеобщего стремления к наживе...

За дверью раздался истерический визг, кто-то бес-

цельно топтался по комнате. Еще один стул с шумом опрокинулся, задев легкий столик на перекрещенных ножках и сбив с него хрустальную вазу, которая и разлетелась на куски.

Наконец господину Нярепу удалось на четвереньках проползти за диван. Доктор Кубелик плюнул и не стал его преследовать. Противники уставились друг на друга напряженным взглядом, точно разодравшиеся петухи, — один на корточках на полу, другой угрожающе выпрямившись, запрокинув голову. С толстого носа господина Нярепа капельками скатывалась кровь — увесистая трость поранила ему затылок или темя. Блеклый свет дождливого дня, проникавший в комнату через два небольших окошка, упал на осколки стекла, лежавшие на ковре, и они засверкали яркими огоньками.

Доктор Кубелик отошел от присевшего на корточки господина Нярепа и двинулся к другой двери. Распахнув ее, он невольно рассмеялся — уж очень комичная и нелепая картина открылась перед ним.

Тучная жена Юстуса, испуганная неожиданным шумом, как раз напяливала на себя платье и при этом словно играла в жмурки. По-видимому, она была до этого совсем голой и в спешке забыла обо всем, кроме платья. Но и платье ее подвело — модное, узкое одеяние, которое госпожа Эмилия сейчас держала над головой обеими руками. Чулки у нее спустились до щиколоток, и от икр до шеи она пребывала в чем мать родила. Неуклюже топчась по комнате, натыкаясь на мебель, толстуха никак не могла натянуть платье пониже. Сквозь растянутый ворот виднелся пучок масляно блестящих волос. Большущий живот вяло свисал на полные ляжки, спина и бедра были тоже очень толстые. Женщина судорожно сжимала ноги, словно пытаясь таким образом сколько-нибудь прикрыться. При каждом усилии просунуть голову сквозь платье госпожа Эмилия истошно визжала, но это, разумеется, не помогало.

Доктор Кубелик смотрел, смотрел, потом, подняв трость, наградил и госпожу Эмилию чувствительным ударом по голой спине, на которой сразу вздулся красный рубец. Эмилия взвизгнула еще отчаянней,

вздрогнула всем телом и замерла на месте. Не решаясь шевельнуться, она ожидала чего-то еще более ужасного. Даже вся кожа белотелой барыньки, казалось, мелко задрожала от страха — от волосатых ног до обвисших грудей.

Вдруг госпожа Эмилия расплакалась, громко, жалобно всхлипывая, как ребенок. Но, даже разрыдавшись, она вынуждена была держать руки высоко над головой, потому что платье сбилось вокруг шеи и нипочем не желало опускаться.

Доктор Кубелик испытывал сильнейшее желание еще раз пустить в ход трость, но вместо этого подошел к невестке, обеими руками схватил упрямое платье, потянул, потом сильно подергал, наконец стащил его с Эмилии и швырнул на кровать.

У госпожи Эмилии нервно подрагивали накрашенные щеки, выглядевшие сейчас совсем как у старухи. Указав на спинку стула, где висело отороченное кружевами белье, доктор Кубелик процедил:

— Первым делом надень вот это. И приведи себя в полный порядок, чтобы Юстус ничего не заподозрил. Счастье, что именно ко мне попала твоя идиотская писанина.

— Господи боже... господи боже... что же теперь будет... — заохала госпожа Эмилия и дрожащими руками схватила рубашку.

— Нечего кривляться! Я и так уже налюбовался на твои археологические прелести, — жестко ответил доктор и оперся спиной о закрытую дверь. — Веселенькая история! — добавил он чуть погодя. — Ты, видно, давно не смотрелась в зеркало?

— Вы... вы... сами во всем виноваты... — глотая слезы и поспешно одеваясь, пробормотала Эмилия.

— Я? Так, так! — сказал доктор Кубелик. — Уж не входит ли в мои обязанности удовлетворять твои предсмертные порывы?

Он охотно пустился бы отсюда бегом, куда-нибудь как можно дальше. Однако доктор все время помнил, что должен оберегать больного брата от опасных тревожений. И, перейдя снова на «вы», строго обратился к Эмилии:

— Оставьте, пожалуйста, свои глупости при себе. И быстрее, быстрее поворачивайтесь. Юстус умирает дома, а вы тут корчите из себя молоденькую девушку, которая торгует своими красивыми формами.

— Юстус? Умирает?.. О господи Иисусе! — простонала госпожа Эмилия и засуетилась еще быстрее.

Доктор Кубелик, уверенный в том, что у этой пожилой женщины теперь окончательно пропала охота разыгрывать даму полусвета, решил еще раз приняться за господина Нярепа — тот, как было слышно, потихоньку возился за дверью. Доктору припомнилась та часть письма, где говорилось о какой-то сумме денег, которую Юстус должен считать небольшой платой за тридцатилетнюю службу его верной рабыни.

Крепко зажав трость, доктор прошел в соседнюю комнату и едва успел догнать хозяина квартиры, который, надев пальто и закутав голову, уже пробирался к входной двери. Подтащив оробевшую жертву обратно к столу, доктор встал у двери и повелительно гаркнул:

— Деньги! Давай сюда деньги!

— Что... что... какие деньги? — промямлил господин Няреп.

— Деньги! Сейчас же отдай их или я снова возьмусь за тебя!

Господин Няреп попытался снова воспротивиться и притворился, будто ничего не знает.

— Нет, сущая правда... я не понимаю вас, господин доктор. Деньги? Какие? Откуда? Не собираетесь же вы... грабить меня.

— Перестаньте фокусничать. К черту! — прикрикнул доктор Кубелик, готовый снова наброситься на обольстителя. — Сию секунду отдайте деньги, что принесла вам ночью ваша любовница. Слышите! Я жду!

— Это... это переходит всякие границы! — заскулил Няреп, все еще не решаясь выложить свой солидный заработок.

Доктор Кубелик опять потерял терпение. Он до того молниеносно ударил противника тростью по

шее, что тот не смог и защититься. Второй удар расквашивал багровое ухо.

Господин Няреп при каждом ударе охал и жалобно стонал, но и не помышлял о сопротивлении; он только высоко поднял правое плечо и наклонил голову.

Вдруг он заверещал во весь голос — два быстрых удара обрушились на его щеку. Смешными и жалкими прыжками устремился он к шкафу, в паническом страхе раскрыл дверцы и принялся быстро-быстро шарить по ящикам, скорчившись на полу; его узкая спина выгнулась в дугу, как у крупного леща.

Немного погодя он поднялся, боком подошел к столу и бросил на него тяжелую пачку пестрых бумажек. Доктор Кубелик, поморщившись от глубокого отвращения, спросил:

— Это все?

— Да... да... все, все. Поверьте, здесь все. Вся сумма до копейки... которую она в течение долгого времени... принесла мне на хранение.

— Ага! В течение долгого времени! — воскликнул доктор.

— Да, видите ли... — пробормотал господин Няреп.

— Молчи, негодяй! — крикнул доктор Кубелик.

Сунув пачку денег в карман, доктор Кубелик вернулся в спальню. Госпожа Эмилия уже успела одеться, и они тотчас же собрались идти. Господин Няреп притаился на четвереньках в углу за диваном, забыв спрятать ноги, обутые в драные войлочные туфли. На докторской трости болтался клочок приставших к ней пепельных волос.

Госпожа Эмилия, пристыженная жалкой участью своего любовника, уставилась неподвижным взглядом куда-то вперед. На лестнице она чуть не упала в обморок, из ее сдавленного судорогой горла вырвались всхлипывания. Стараясь говорить как можно спокойнее, она спросила:

— Неужели... мой Юстус так плохо себя чувствует?

— Ага-а, теперь он снова стал твоим Юстусом! — пренебрежительно бросил доктор Кубелик, сплюнул

и продолжал со злостью, явно преувеличивая: — Я вообще не верю, что твой Юстус останется в живых. Но берегись, черт возьми! Попробуй только разыграть перед ним исповедь в духе Достоевского, я расправлюсь с тобой, как с той скотиной там, наверху.

— Господи, так поспешим же! — запричитала госпожа Эмилия.

— Ну конечно, — буркнул доктор Кубелик. — Слепни налетели — вспомнила корова про хвост.

— Что... что вы сказали? — спросила невестка.

— Ничего такого, что могло бы тебя обидеть, — проворчал доктор.

Обмениваясь злобными фразами, они вышли на улицу. По-прежнему шел частый холодный дождь, с ровным шелестом секущий булыжную мостовую. Тяжелые машины, раскидывая по сторонам ошметки вязкой уличной грязи, везли груз, крытый брезентом, блестели мокрые кони верховых казаков. Пьяный артиллерист горланил песню, крутя над головой кривым кинжалом, и прохожие разбегались от него. Завидев воинский патруль, вышедший из-за угла, певец мигом забыл свою удаль, бросился с испуга бежать и, запутавшись в полах длинной шинели, растянулся ничком на тротуаре. Кто-то смеялся, кто-то подшучивал насчет последних газетных известий, где опять говорилось о великих победах... на всех фронтах.

У доктора Кубелика было такое ощущение, что он вот-вот должен будет наклониться у стенки и его стошнит. Вся жизнь казалась ему отвратительной, смехотворной и чертовски подлой, хотя сам он не совершил ничего такого, чего ему приходилось бы стыдиться.

«Октябрьский ветер, осенний... тлетворный ветер...» — печально подумал он. Широкие плечи госпожи Эмилии были униженно сгорблены, как у человека, который сам чувствует всю тяжесть своей вины. Доктор смотрел на ее толстые икры, высокие бедра, выпиравшие под натянутым пальто, старческую походку, морщинки за ушами. Ее наряд говорил о кокетстве, но было в нем и немало наивного, нелепого и жалкого. Эмилия, видимо, хотела что-то

сказать доктору, шедшему чуть позади, но никак не могла решиться, и лишь много времени спустя растерянно пролепетала:

— Конечно, вы очень осуждаете меня, господин доктор... Да, я это знаю... Но если бы я только могла рассказать вам обо всем вполне откровенно... Обо всем, что мне довелось пережить, и...

— Это меня ни капельки не интересует, — отрезал доктор Кубелик, снова называя невестку на «вы». — Мне ведь и так пришлось прочесть ваши глупости. Можете поверить: это подействовало на мои внутренности хуже свинушного корня!

— У всякого... человека свои горести, которые... — сказала госпожа Эмилия, и уголки рта у нее задергались.

— Верю, верю! Но у вас не горести, а распушенность, ищущая выхода, — заключил доктор Кубелик.

Наступила пауза.

Где-то по соседней улице с песней прошла воинская часть.

А потом госпожа Эмилия снова заговорила плаксивым голосом, в тоске ломая пальцы, на которые она изо всех сил пыталась натянуть светло-серые перчатки.

— Даже в святой библии, этой книге книг, сказано: у кого из нас нет терниев в сердце? Терниев, что заставляют человека поступать так или иначе. Никогда не надо бросать в него камнем, если... Вы должны меня знать... Я не такая, чтобы... Никому не понять, что творится у меня в сердце... Моя жизнь с самого начала...

— Ваша жизнь с самого начала была слишком хорошей и беззаботной, — злобно перебил ее доктор Кубелик. — Или вы действительно думаете, что я не знаю, кем вы были до брака с Юстусом? Горничной у помещика! А ныне вы — блестящая светская дама, всеми уважаемая супруга коммерсанта... родом — до минувшего года из Бремена, а теперь, вероятно, из Крыма или Малороссии. Часто ли вы разделяли с мужем тяготы его повседневной, действительной жизни, которые ему приходилось преодолевать, пока он не достиг нынешнего своего положения? Помо-

гали ли вы ему когда-нибудь носить короб с товарами, которые он таскал с хутора на хутор, как вечный жид? Помогли вы ему пройти хоть десяток шагов на трудном пути, пролегавшем по деревням и городам, по лесам и болотам? Ведь ходил он ради того, чтобы семья жила сносно и безбедно! Думали вы, как доставались Юстусу те рубли, которые вы легкомысленно относили вашему любовнику, чтобы он мог сколотить необходимый ему капитал? Вы говорите о терниях в сердце! Вы говорите о чем-то, запавшем вам в душу. Позор! Вам бы надо промывать рот очень сильными средствами, чтобы пресечь зловоние, исходящее из вашей лживой душонки. Простите меня, но вы для общества — свинушный корень, и общество должно изрыгнуть вас, как человек изрыгает из себя это растение!

Госпожа Эмилия опять расплакалась. Она даже не старалась скрыть слезы от прохожих, глядевших на нее. Она сейчас больше чем когда-либо походила на горемычную старуху, хотя на самом деле ей было только пятьдесят лет. Постепенно ей становилась все яснее истинная суть этого приступа безумия, вдруг охватившего ее. И, беспомощно хныкая, как ребенок, который хочет загладить свои проказы, она сказала искренне:

— Да, да... верно! Но ведь тут больше ничем не поможешь... О господи, надо же было, чтобы все это так кончилось!

— Благодарите судьбу, что эта история не кончилась еще хуже, — сказал доктор Кубелик и неожиданно ощутил, что он странным образом сочувствует этой пожилой женщине, натворившей столько глупостей. Но тут же вспомнилась и несчастная роже-ница, которая лишь несколько часов назад тоже каялась в своих легкомысленных поступках. И, сжав кулаки, чтобы подавить внезапно нахлынувшую на него тоску, доктор Кубелик продолжал: — Разумеется, ничем здесь не поможешь! Шутка сыграна, и вы не вычеркнете ее из своей жизни. Юстус тяжело болен — постарайтесь поставить его на ноги.

— О, если бы господь помог... Если бы он помог нам... — вздохнула госпожа Эмилия.

Все еще морщась от отвращения, доктор Кубелик устало протянул:

— Э, бросьте! Счастье ваше, что этот ваш так называемый бог ни к чему не способен, иначе он своей молнией хлестнул бы вас еще основательнее, чем я... моей тростью.

Небо все более темнело. Еще один грузовик пронесся по улице, разбрызгивая грязь, крупные шматки которой лепились к окнам и стенам домов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Доктор Кубелик устал	7
Глава вторая. Дома в час отдыха	22
Глава третья. Мы, офицеры Действующей армии! . . .	34
Глава четвертая. Маленькая Агнес	45
Глава пятая. Бедная больная горемыка	57
Глава шестая. «Братец... брат!»	68
Глава седьмая. Капитан Кубелик лежит на животе . .	77

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

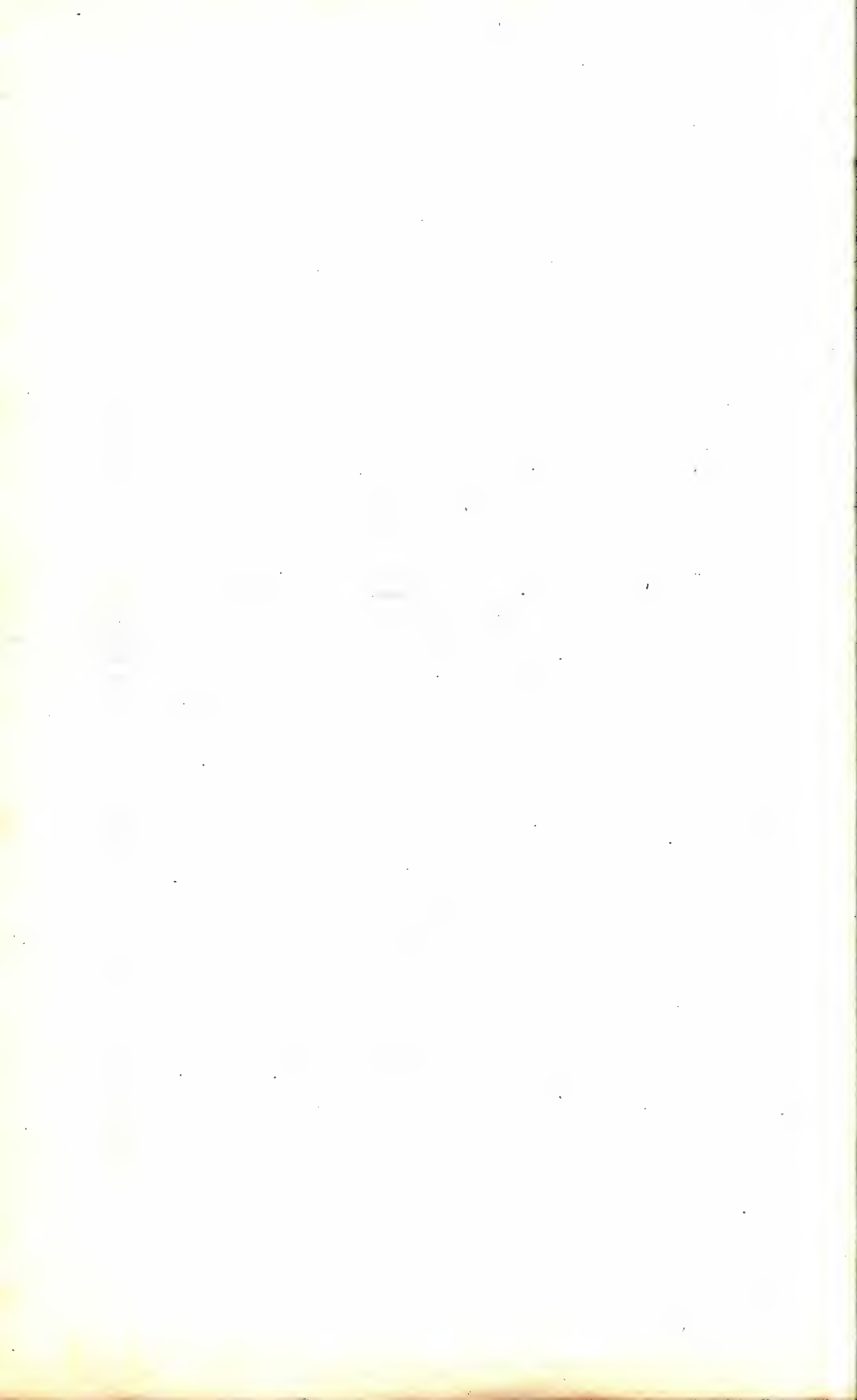
Глава первая. Господин Юстус бранится с женой . . .	91
Глава вторая. Трапеза чад господних	102
Глава третья. Двое влюбленных	118
Глава четвертая. Мартин, арендатор имения	128
Глава пятая. Небольшое состязание	141
Глава шестая. «Спасибо, голубчик, спасибо!»	148
Глава седьмая. Они песни поют, они водочку пьют . .	157
Глава восьмая. Герой с вилкой	167

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая. Господин Юстус с головой сахара . . .	179
Глава вторая. Еще один горемыка	191
Глава третья. Эва признается в своем грехе	200
Глава четвертая. Сестра и брат	208
Глава пятая. Антон находит нож	217
Глава шестая. Кунц клянется отомстить	226
Глава седьмая. Исповедь грешницы	236
Глава восьмая. Двое в осенней ночи	245

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая. Господин Юстус ставит кресты	257
Глава вторая. Мартин появляется из мрака	267
Глава третья. Первые сомнения	275
Глава четвертая. Пустая спальня	287
Глава пятая. Допрос	298
Глава шестая. Доктор Кубелик применяет насилие . .	306

Я к о б с о н Аугуст Михкелевич. ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР. РОМАН.
КНИГА ПЕРВАЯ. Оформление Г. Голубицкого. Издательство «Ээсти
раамат», Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Редактор М. Кулишова. Ху-
дожественный редактор Л. Круусмаа. Технический редактор Л. Май-
дла. Корректор А. Зиниченко. Сдано в набор 29 IV 1972. Подписано
к печати 17 VIII 1972. Бумага 54×84/16. Печатных листов 20,0+4 вклейки.
Условно-печатных листов 17,0. Учетно-издательских листов 14,44.
Тираж 30 000 экз. № заказа 1180. Типография «Юхисэлу», Таллин,
Пикк, 40/42. Цена 63 коп.

подвизаются рыцари легкой наживы, те, кому война несет в первую очередь доходы и прибыль. С этими торгашами, взяточниками, святошами, лицемерами вступают в конфликт врач Кубелик, не идущий на сделки с собственной совестью, и сторонники этого передового человека.

Роман «Октябрьский ветер» напечатан в Собрании сочинений Аугуста Якобсона, в двух книжках (1959). По этому изданию и осуществлен перевод произведения на русский язык.

63 коп.

А. ЯКОБОВИЧ

ОТРАБЪСКИ БЕТЕР